

НИКОЛАЙ ЗЕНЗИН

ЧЕКИСТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

ВЧК - КГБ - ФСБ

Николай Зензин

**ЧЕКИСТАМИ
НЕ РОЖДАЮТСЯ**

**РАССКАЗЫ О ЧЕКИСТАХ.
100-ЛЕТИЮ ВЧК-КГБ-ФСБ ПОСВЯЩАЮТСЯ**

Тюмень
2017

ББК 84Р1-44
347

Содержание

Зензин Н. В.
347 Чекистами не рождаются. 100-летию ВЧК-КГБ-ФСБ
посвящается. Рассказы о чекистах / Н. В. Зензин. – Тюмень :
ИПЦ «Экспресс», 2017. – 202 с.

ISBN 978-5-9909758-4-2

ББК 84Р1-44
347

20 декабря – день чекистов	5
Тюменская чрезвычайная	19
Война и чекисты	30
Фронтовики - кадровая основа управления	47
Судьба неласковой бывала	62
Нефтегаз и контрразведка	82
15 лет с Ю. В. Андроповым	111
На опасных тропах Афганистана	134
Командировка в Чечню	169
ФСБ сегодня	183

ISBN 978-5-9909758-4-2

© Зензин Н. В., 2017
© Оформление.
ООО «ИПЦ «Экспресс», 2017

20 декабря – день чекистов

Да, чекистами не рождаются, чекистами и разведчиками становятся. Наш знаменитый земляк Николай Кузнецов, признанный международной организацией «ЮНЕСКО» лучшим разведчиком 20-го столетия, родился в маленькой деревушке Зырянка. Учился в Талице и сельхозтехникуме в Тюмени, понятия не имел ни о какой разведке. Но увлекся изучением немецкого языка, настойчиво занимался и в совершенстве овладел языком. Был замечен чекистами, прошел отличную школу разведки в Москве, с началом Великой Отечественной войны был заброшен в тыл врага под именем оберлейтенанта Пауля Зиберта. Провел на оккупированной территории блестящие разведывательные операции и уничтожил несколько важных фашистских чиновников из числа оккупантов.

Другой земляк – уроженец села Ожогоино Ялуторовского уезда Тобольской губернии Павел Фитин вырос в крестьянской семье, окончил школу в Ялуторовске, получил высшее образование в Москве, работал журналистом. В 1938 году чекистами был направлен в Школу особого назначения НКВД СССР и стал разведчиком. Всю войну с 1941 и по 1946 год возглавлял Службу внешней разведки страны. Руководимый им коллектив чекистов успешно решал поставленные задачи и обеспечил Правительству и Генштабу Красной Армии полное информационное превосходство над противником.

100 лет ВЧК-ФСБ – огромная дистанция, по крайней мере, больше обычной человеческой жизни. Все мои 84 года пришлось на это замечательное столетие. Значит, имею какое-то, пусть небольшое, право рассказать некоторые эпизоды о себе и своих друзьях-чекистах, разумеется, в привязке к этой весьма интересной службе госбезопасности. Никто из нашего большого села Солдатка Омской области никогда не работал в этой грозной и таинственной организации. Но мне однажды повезло. В 1957 году после института, в мою бытность инженером станции Ачинск Красноярской железной дороги, майор КГБ Наум Маркович Семенов, с которым мы периодически встречались по службе, в беседе тет-а-тет предложил написать отчет о моей работе, связанной с секретами. Их в Красноярском крае тогда хватало, в том числе на железной дороге, да и сейчас не меньше. Вместо обычной подписи под документом вежливо попросил поставить мой псевдоним, пояснил, что этого требуют их правила. Так я стал негласным помощником, а вскоре и штатным сотрудником Красноярского краевого управления КГБ СССР. В 2017 году стаж моей тесной связи

с органами госбезопасности составит 60 лет, срок немаленький. Однако обо всем по порядку.

Мое желание написать книгу, посвященную 100-летию органов ВЧК-КГБ-ФСБ, в сентябре 2016 года одобрил председатель Совета ветеранов госбезопасности Тюменской области полковник Виктор Иванович Мещеряков. При обсуждении вопроса сошлись на том, что проблемы общегосударственного звучания широко расписывать не надо, об этом позаботятся москвичи, там пишущих хватает. Для современного тюменского читателя, конечно, не помешает немного рассказать об истории создания ВЧК и о роли ее первого руководителя Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Но больше внимания следует уделить чекистам нашего обширного и очень интересного Тюменского края, а также вопросам их участия в создании и развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. О себе мы должны рассказывать сами. А чтобы книга не стала отчетом о работе Тюменской ВЧК-ФСБ, в ней обязательно должны быть личные воспоминания автора и других, много поработавших и немало испытавших в своей жизни, тюменских ветеранов госбезопасности. О том, что делал сам, писать проще и достовернее, потому что помню, как планировали интересные операции, как их выполнял и что чувствовал в критические моменты.

Вскоре такой же разговор состоялся с Председателем Координационного совета ветеранов госбезопасности Уральского Федерального округа генералом Крупкиным Владимиром Леонидовичем, с которым автор хорошо знаком еще по его оперативной работе в Омском управлении КГБ. Крупкин наши предложения поддержал, но поскольку в практической работе интересы чекистов Омска, Тюмени, Свердловска и Кургана нередко пересекались, в книге это тоже должно быть как-то отражено.

В замечательном 2017 году исполняется 100 лет со дня Великой Октябрьской социалистической революции и 100 лет с момента создания Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Исторически и по жизни эти два очень больших события XX века всегда были рядом, дополняли и поддерживали друг друга.

25 октября 1917 года по старому стилю или 7 ноября по новому – в России свершилась Октябрьская революция. Вооруженные рабочие, солдаты и матросы захватили в тогдашней столице России Петрограде правительственную резиденцию Зимний дворец, арестовали членов Временного правительства и провозгласили власть Советов.

Таким образом, власть помещиков и капиталистов была свергнута и установлена диктатура пролетариата. Подготовка и проведение революции проходили под лозунгами: «фабрики и заводы – рабочим», «земля – крестьянам», «власть – народу». И, наверное, поэтому широкие массы трудящихся поддержали новую власть.

Победители встретили яростное сопротивление свергнутых классов. Им активно содействовала международная буржуазия. Опираясь на финансовую, военную и политическую помощь внешних сил, противники новой власти развернули тотальную борьбу с молодой советской республикой. Военная интервенция и белогвардейские восстания, шпионаж и диверсии, террористические акции и саботаж, – вот далеко не полный перечень подрывных акций, проводившихся против советского государства. Было все, разве что санкций в первый год не объявляли, но потом и до этого додумались.

Именно в эти трудные для страны дни руководитель новой республики Владимир Ильич Ленин произнес свои знаменитые слова: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». В первых числах декабря 1917 года на очередном заседании Совета Народных Комиссаров Дзержинский, по просьбе Ленина, кратко и четко доложил о наступлении контрреволюции. Он сказал: «Тут не должно быть долгих разговоров. Наша революция в явной опасности. Мы слишком благодушно смотрим на то, что творится вокруг нас. Силы противника организуются. Контрреволюционеры действуют в стране, в разных местах вербуют в свои ряды. Теперь враг здесь, в Петрограде, в самом сердце нашем. Мы имеем об этом неопровержимые данные. И мы должны послать на этот фронт, самый опасный и самый жестокий, решительных, твердых, преданных делу защиты завоеваний революции товарищей. Мы должны действовать не завтра, а сегодня, сейчас».

У Дзержинского слова никогда не расходились с делом. По указанию Ленина он оперативно разработал Положение о комиссии по борьбе с контрреволюцией и 7 декабря (20 декабря по новому стилю) 1917 года на заседании Совнаркома сделал обстоятельный доклад по этому вопросу. Совет Народных Комиссаров постановил: «Создать Всероссийскую чрезвычайную комиссию при Совнаркоме по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК)». Первым ее Председателем был единогласно утвержден 40-летний Феликс Эдмундович Дзержинский, имевший огромный опыт нелегальной революционной работы и борьбы с царской охранкой.

Родился Феликс Эдмундович 11 сентября 1877 года в имении Держиново Виленской губернии, ныне Минская область, в семье мелкопоместного польского дворянина Эдмунда Держинского и его жены Елены Янушевской, дочери профессора Петербургского университета. По окончании гимназии в 1895 году он начал вести пропаганду в кружках ремесленных и фабричных учеников, через два года по доносу был арестован, еще через два – сослан под надзор полиции в Вятскую губернию. После побега из ссылки вступил в социал-демократическую партию и стал профессиональным революционером сначала в польском, а затем российском революционном движении. Не раз подвергался арестам и ссылкам в Сибирь, в общей сложности до 1917 года провел в тюрьмах и ссылках более 10 лет.

23 октября 1917 года Феликс Держинский участвовал в историческом заседании Центрального Комитета российской социал-демократической рабочей партии, принявшем решение о вооруженном захвате власти в стране, и вошел в состав Военно-революционного центра, который занимался организацией и проведением революционного переворота в России.

После декрета о создании ВЧК Держинский лично возглавил работу по организации Чрезвычайной комиссии, разработал ее структуру, создал отделы по борьбе с контрреволюцией, преступлениями по должности, спекуляцией, особый, иностранный и транспортный отделы.

Для успешного противодействия контрреволюции во всей стране была необходима сеть местных чрезвычайных комиссий, и ВЧК немедленно приступает к их организации. Во главе чрезвычайных комиссий партийные комитеты на местах ставили активных, стойких коммунистов, имевших стаж подпольной работы в условиях царского самодержавия. Большинству первых чекистов, а это зачастую были рабочие, крестьяне и солдаты, выросшие в условиях безграмотной дореволюционной России, не хватало не только опыта оперативной деятельности, но и общей грамотности. И чекистам нередко приходилось работать и учиться одновременно. Опыт, как правило, приобретался в ходе службы, академической же подготовке классовых врагов были противопоставлены школа революционной борьбы, пролетарское самосознание и беззаветная преданность делу трудящихся.

Подбору и воспитанию кадров Феликс Эдмундович уделял самое большое внимание. Он считал, что важнейшими качествами чекиста должны быть высокая политическая бдительность, честность и не-

подкупность, дисциплинированность и образцовое выполнение служебного долга. Он не мог терпеть у сотрудников ВЧК беспечности и ротозейства, болтливости и высокомерия. Строго наказывал сотрудников, проявлявших бюрократизм, допускавших канцелярскую волокиту и невнимательное отношение к письмам и заявлениям граждан. Держинский постоянно призывал чекистов укреплять связи с массами, опираться в своей работе на народ. Сам он, несмотря на занятость, регулярно встречался с посетителями, выступал на собраниях и конференциях, публиковал в печати сообщения о деятельности чекистских органов.

Феликс Эдмундович постоянно принимал непосредственное участие в практической работе различных подразделений ВЧК. В 1918 году под его руководством был ликвидирован саботаж чиновников, раскрыт заговор монархической «Военной лиги», пресечена антисоветская деятельность «Союза защиты Учредительного собрания». Осенью 1918 года потребовалось немало усилий, чтобы ликвидировать международный заговор Локкарта и левоэсеровский мятеж. Немного позднее были успешно проведены операции «Трест» и «Синдикат». Это были очень интересные по глубине замысла, по тактике и стратегии, чекистской изобретательности и находчивости контрразведывательные операции, когда чекистам удалось переиграть опытного английского разведчика Сиднея Рейли и очень осторожного конспиратора с международным стажем антисоветчика Бориса Савенкова. Всего за первые годы работы в Москве, Петербурге, на Урале и в других регионах страны чрезвычайные комиссии раскрыли и ликвидировали свыше пятисот контрразведывательных организаций, обезвредили тысячи шпионов, диверсантов, террористов, саботажников, других врагов советского государства.

Наступил 1921 год, закончилась гражданская война в России, стоившая огромного числа человеческих жизней с той и другой стороны. В городах и рабочих поселках, на железнодорожных станциях по всей стране скитались сотни тысяч бездомных детей-сирот. На это большое, всенародное бедствие обратил внимание Председатель ВЧК Ф. Э. Держинский. По его инициативе и при его личном участии советское правительство в это трудное для страны время проводит крупные мероприятия, направленные на ликвидацию катастрофического положения наших детей. Одновременно, по распоряжению Держинского, к решению проблемы приступили все областные и краевые чрезвычайные комиссии. Чекисты на местах настойчиво

привлекают к этой работе любых специалистов, различные ведомства и организации, способные помочь детям. В результате активных наступательных мер детская беспризорность по всей стране значительно сократилась. За два года более четырех миллионов бездомных, голодных и больных детей получили необходимую помощь. Работа эта была продолжена и в последующие годы.

Острые проблемы в то время возникали в стране одна за другой и, как правило, их решение не обходилось без чекистов. Партия и правительство хорошо понимали, что для подъема и развития разрушенной в стране экономики надо начинать с восстановления нормальной работы железнодорожного транспорта. Это – главный ключ к решению всех народнохозяйственных проблем молодой республики Советов. 14 апреля 1921 года по предложению В. И. Ленина Дзержинский был назначен Народным комиссаром путей сообщения с оставлением его на посту руководителя ВЧК. В результате революции и затяжной гражданской войны состояние железных дорог в России было бедственным, не хватало самого главного – паровозов и вагонов. Их производство ввиду сложности, существенных энергозатрат и большой металлоемкости было практически прекращено, оставалось надеяться на ремонт и восстановление существующего подвижного состава. Отсутствовала столь необходимая железнодорожному транспорту дисциплина, процветали воровство, саботаж и спекуляции.

В первую очередь, Феликс Эдмундович разыскал и лично пригласил к себе в команду крупных специалистов-транспортников, вернул на свои рабочие места опытных руководителей и инженерно-технических работников. Срочно приобрели за рубежом часть паровозов, реанимировали ремонтную работу локомотивных и вагонных депо, активизировали борьбу с прогульщиками, саботажниками и спекулянтами. По прямому требованию Ф. Э. Дзержинского самое активное участие во всей этой грандиозной борьбе за восстановление железнодорожного транспорта принимали чекисты территориальных чрезвычайных комиссий и их подразделений на транспорте. Общие настойчивые усилия принесли успех, работа железных дорог страны постепенно входила в нормальную колею. Вот как оценил энергичные и творческие действия Дзержинского один из ведущих руководителей железнодорожного транспорта России: «умный и твердый начальник, он вернул нам веру в наши силы и любовь к родному делу».

В целом переход от революции и гражданской войны к мирному строительству был очень сложным. В стране царила разруха. Фабрики и заводы практически не работали, не хватало сырья, топлива и хлеба. К трудностям экономического характера добавлялась активизация подрывной деятельности эсеров, меньшевиков, других антисоветских элементов. Внутренняя экономическая контрреволюция имела постоянную поддержку из-за рубежа. Центральный Комитет партии в этот период принимал активные меры по укреплению экономики, одновременно проводил усовершенствование управления страной и осуществлял реформу органов государственной безопасности с учетом меняющейся внутренней и международной обстановки. В 1922 году Всероссийская чрезвычайная комиссия была преобразована в Государственное политическое управление, позднее – в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Чекисты усилили работу на внешнеполитическом направлении и активно продолжали борьбу с разрухой в экономике, перебоями на транспорте, содействовали заготовкам продовольствия.

Холодной зимой 1921–1922 годов центральные области России и голодающее Поволжье по причине неурожая испытывали большие трудности с хлебом и топливом. Совет Труда и Оборона республики принимает ряд мер по решению этой острой для страны проблемы, но необходимого результата они не дают. И тогда партия направляет Феликса Эдмундовича Дзержинского на Урал и в Сибирь в качестве особоуполномоченного по урегулированию всех вопросов, связанных с заготовкой и поставками хлеба и топлива в европейскую часть страны. По пути к месту назначения Феликс Эдмундович остановился на станции Тюмень, о чем свидетельствует мемориальная доска у нас на железнодорожном вокзале. На ней отмечено, что «в марте 1922 года на станции Тюмень находился Народный комиссар путей сообщения, Председатель ВЧК-ОГПУ Ф. Э. Дзержинский». Понятно, что тюменские чекисты были первыми, кто встречал, сопровождал на всех мероприятиях и провожал своего главного руководителя. Тогдашний председатель Тюменской губчека Петр Иванович Студитов вместе с подчиненными получил четкие и ясные указания, многие вопросы удалось оперативно решить на месте. После отъезда высокого гостя чекисты с удвоенной энергией продолжили работу на транспорте. Это касалось буквально всех наиболее важных проблем: безопасность движения, предотвращение чрезвычайных ситуаций, выявление фактов вредительства и сабота-

жа, строгое соблюдение дисциплины как очень важного компонента в организации работы предприятий транспорта и даже контроль за подбором кадров на самые главные участки.

Начиная с января 1962 года, автору довелось с позиций Тюменского управления КГБ курировать объекты Тюменского отделения железной дороги. Вагонное депо станции Тюмень начиналось почти от вокзального перрона, а локомотивное депо располагалось немного дальше. Старожилы рассказывали, что Дзержинский в 1922 году по прибытии на станцию Тюмень вначале провел совещание с руководящим составом тюменских железнодорожников прямо в помещении вокзала. Хорошо представляя важнейшее значение исправных паровозов и вагонов для работы всех железных дорог, сразу после этого он посетил вагонное и локомотивное депо, где беседовал с руководством и работниками этих очень важных подразделений. Далее его ждали Омск и Новосибирск, где планировались основные, очень значимые для всей страны мероприятия.

Ежедневная по 16-18 часов работа, жизнь на колесах и в вагончиках, бесчисленные совещания, трудные встречи и разговоры, непростые и, порой, вынужденные решения. В коротеньком письме жене Софье Сигизмундовне он пишет: «Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом и некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое осталось живым, тем же, каким было раньше».

И эшелоны с хлебом и дровами пошли через Урал, а контроль за их продвижением Дзержинский возложил на сотрудников транспортных отделов чрезвычайных комиссий Омска, Тюмени, Свердловска и Перми. В целом надо признать, что сибирские и уральские чекисты своими решительными и самоотверженными действиями спасли в тот период от голодной смерти сотни тысяч людей. Газета «Коммунист» в 1922 году написала, что «многое забудут наши потомки, но как ни один историк французской революции не обойдет молчанием якобинцев, так и историк русской революции не сможет пройти мимо чекистов, не отдав им должного уважения и не признав за ними величайшей заслуги в защите Отечества».

21 января 1924 года умер вождь пролетарской революции Владимир Ильич Ленин. Вскоре на самый трудный и ответственный в стране пост Председателя Высшего совета народного хозяйства, который занимал Ленин, партия поставила Феликса Дзержинского. При этом он продолжал возглавлять коллегию Объединенного глав-

ного политического управления. Работа на два фронта, и оба серьезно штормит. Это было весьма трудное для страны время. Экономика и промышленное производство еще не преодолели полосу кризисного периода. Заводы и фабрики работали неритмично, оборудование на большинстве из них было изношено и требовало немедленной замены или капитального ремонта. Многие специалисты и квалифицированные рабочие погибли на фронтах гражданской войны. Пришедшие на их место, в основном из деревень, тысячи новичков с трудом осваивали станки и машины. Постоянно наблюдались перебои с топливом и сырьем.

И это еще не все. Главный чекист страны регулярно получал доклады от областных чрезвычайных комиссий о вопиющих недостатках и злоупотреблениях в экономике, в органах управления и власти на местах. Он не раз, иногда в довольно резкой форме, говорил об этом на заседаниях правительства, но не всегда и не во всем находил полную поддержку. Оппозиционно настроенные, в основном из числа троцкистов и бухаринцев, отдельные члены правительства часто находили и высказывали какие-то свои, особые мнения. В докладной записке для членов правительства он написал: «Неудержимое раздутие штатов, возникновение все новых и новых аппаратов, чудовищная бюрократизация всякого дела – горы бумаг и сотни тысяч писак, автомобильная эпидемия, миллионы излишеств. Легальное кормление и пожирание госимущества этой саранчой. В придачу к этому неслыханное, бесстыдное взяточничество и хищения – вот что губит сегодня нашу Россию». Как это зорко подмечено и четко сформулировано! Прошло почти 90 лет, но многие положения этой записки Феликса Эдмундовича и сегодня в какой-то мере «читаются» в нашей перестроечной российской действительности.

Феликс Эдмундович, благодаря своей инициативе и настойчивости, большому авторитету сумел привлечь к сотрудничеству самых лучших в стране специалистов в области экономики, вместе с ними принимал непосредственное участие в разработке новой экономической политики советского государства и ее претворении в жизнь. Совместно со специалистами он нашел ряд прорывных, революционных по тому времени экономических подходов. Он предлагал переводить предприятия на хозрасчет, предоставить больше самостоятельности их руководителям. Считал целесообразным, наряду с подъемом государственной промышленности, обеспечить развитие кустарного и кооперативного производства, практиковать мелкую частную тор-

говлю, поставить частного предпринимателя в «здоровые условия», защитив его от местных администраторов. Он попытался радикально изменить всю систему управления народным хозяйством, чтобы преодолеть, по его словам, «бюрократический паралич жизни» и «неслышанную возню со всевозможными согласованиями». Давно это было, а смотрится в отдельных положениях как сегодняшний день российской, еще не устоявшейся экономики.

Титанические усилия партии, правительства и лично Ф. Э. Дзержинского постепенно меняли ситуацию в стране к лучшему, но не так быстро, как бы этого хотелось. Для Феликса Эдмундовича – снова нелегкий труд по 18 часов в сутки, с уже подорванным здоровьем, опять ночные бдения и работа по выходным. Один из приближенных к руководству страны медицинских авторитетов в то время отмечал, что «чекисты не знают ни выходных, ни праздников, поскольку контрреволюция их тоже не соблюдает, даже, наоборот, творит свои преступные дела именно тогда, когда чекисты могут не бодрствовать. Нет ни в одной области труда такой специальности, которая круглосуточно требовала бы ответственности, постоянной боевой готовности и предельного напряжения сил». К слову сказать, такое положение дел было характерно не только для «дзержинцев», оно осталось в определенной степени у всех последующих поколений чекистов, вплоть до наших дней.

Феликс Эдмундович работал на износ, не умел отдыхать и не любил ходить по больницам, хотя ему об этом не раз напоминали товарищи по службе и любимая жена Софья Сигизмундовна. А он всегда с улыбкой и очень доброжелательно отвечал, что «вот закончим» или «вот сделаю и тогда непременно побываю у врача». Профессиональный революционер, отличный организатор, требовательный к себе и другим руководитель, чуткий и внимательный собеседник, он все силы отдавал честному служению своей Родине. Не было дела, которое Дзержинский не выполнил бы с характерным для него блеском и энергией, умной стремительностью и талантом, которыми восхищались его друзья.

Умер он 20 июля 1926 года в расцвете сил на 49-м году жизни, на боевом посту Председателя Высшего Совета народного хозяйства и Председателя Главного политуправления. Фактически он строил, создавал молодую советскую республику и он же ее охранял. Феликс Эдмундович умер, отдав все силы своей стране. Сердечный приступ настиг его прямо на работе. На очередном бурном заседании Совнар-

хоза он горячо отстаивал в споре с оппонентами новые пути развития и подъема отечественной экономики. Почувствовав себя плохо, он прервал заседание, с трудом прошел в свой кабинет и опустился на диван. Прибывшие вскоре врачи констатировали обширный инфаркт миокарда и остановку сердца.

...А чекистами, действительно, не рождаются, ими становятся, и далеко не все желающие. Конкурсы в учебные заведения ВЧК-КГБ-ФСБ всегда были и остаются до сих пор очень высокими. Сын Дзержинского – Ян Феликсович Дзержинский, 1911 года рождения, не пошел по стопам своего знаменитого отца. Он окончил в Москве военно-инженерную академию, девять лет работал инженером-конструктором. С 1945-го и до смерти в 1960 году, как и отец, на 49-м году жизни, трудился на партийной работе в Центральном Комитете КПСС. Внук Дзержинского, названный в честь деда Феликсом, Дзержинский Феликс Янович, родился в 1937 году, окончил биологический факультет Московского госуниверситета, был оставлен на кафедре зоологии, защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации. В 2004 году стал профессором МГУ. Женат, имеет двоих взрослых детей, Кирилла и Ольгу, и двух внуков, Вячеслава от дочки и Станислава от сына. Все они носят известную очень многим в стране фамилию Дзержинского, но ни один из них не стал чекистом. На вопрос корреспондента газеты «что у Вас общего с дедом?» 67-летний Феликс Янович ответил: «Бородка и залысины, а еще трепетное отношение к детям, и не только к своим. Сам дед считал себя солдатом революции и всегда подчинялся установкам партии, жестокость которых, как стало известно из недавно опубликованных материалов, очень его возмущала». Немного подумав, добавил: «Я всегда знал, что мой дед Герой. И никак не мог понять, почему же чекисты его памятник «сдали»? А потом догадался – они тоже солдаты и не получили от новой власти команды вмешаться в эти псевдодемократические события. Ведь не власть, а оппозиционер Константин Боровой тогда подогнал на Лубянку технику, чтобы убрать памятник. Словом, время покажет, кто был прав, а кто правее».

К словам Феликса Яновича необходимо добавить, что в секретных архивах КГБ, уже после сноса в Москве памятника Ф. Э. Дзержинскому, были обнаружены протесты первого Председателя ВЧК против негласно сложившейся тогда практики репрессий, исходившей от некоторых партийных руководителей – забирать всех подряд по любому доносу. Феликс Эдмундович говорил по этому поводу, что «аре-

сты и предание суду должны производиться лишь в том случае, если предрешено, что данное лицо вредно для общества, что оно должно быть изъято из него и нет нужды пробовать его исправить».

У энергичного и решительного читателя может возникнуть вопрос: почему Дзержинский сам не пресекал эту практику репрессий, он же был первым руководителем ВЧК? Да, был, и был довольно строгим начальником, многие боялись одного упоминания его фамилии. Но еще он был, по его выражению, солдатом революции, исполнительным и дисциплинированным членом партии. Он всегда помнил точное название ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров, знал, что наименование это предложил Председатель Совнаркома Ленин, и оно подразумевало подчинение ВЧК Совнаркому, а значит, Ленину и партии. И он старался выполнять указания партии, хотя иногда они бывали достаточно неожиданными и резкими, он был с ними не согласен и открыто выступал на заседаниях правительства по спорным вопросам. А выпады со стороны отдельных партийных руководителей бывали нередко и носили довольно жесткий характер.

О прямой причастности к репрессиям в СССР партийных чиновников рассказывает в своей книге «Фитин» известный историк разведки полковник Александр Бондаренко. Он пишет, что в 1951 году «министром госбезопасности был назначен Семен Денисович Игнатъев, кадровый партработник – заведующий Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК партии. И эту должность он сохранял, возглавляя госбезопасность. Но ведь известно, что подлинными вдохновителями и организаторами приснопамятных репрессий были отнюдь не наши спецслужбы, а именно партийные чиновники. Вот и новоявленный министр достаточно «успешно» принялся раскручивать «дело врачей» и «мингрельское дело». Однако министром Игнатъев был не долго. Сразу после смерти Сталина «родное министерство» принял Берия, а Игнатъев стал секретарем ЦК КПСС. И вскоре «дело врачей» развалилось, а Семен Денисович был освобожден от обязанностей секретаря ЦК «за допущенные серьезные ошибки в руководстве Министерством госбезопасности».

К профессиональной чести Феликса Эдмундовича надо сказать, что он – первый из чекистов – ввел в свои сложные времена понятие профилактики и применял его неоднократно на практике. Заключение оно в том, что лицо, только вступившее на преступный путь, но еще не совершившее преступление, приглашалось в органы ВЧК,

где ему разъяснялся возможный вред государству и обществу от его планируемых противоправных действий. Если человек осознавал и принимал предъявляемые ему претензии, его официально предупреждали о недопустимости преступных действий и наступлении уголовной ответственности в случае их совершения. Именно таким образом Дзержинскому и его товарищам по службе удалось вернуть на путь истинный немало оступившихся граждан страны.

Не могу не сказать об особо внимательном и бережном отношении Дзержинского к молодым сотрудникам ВЧК. Молодежь занимала большое и достойное место в боевом отряде чекистов. Трудовые коллективы направляли на службу в органы госбезопасности, как правило, лучших молодых коммунистов и комсомольцев. Большинство из них с честью выдержали серьезный экзамен на верность идеалам революции, овладели секретами оперативной деятельности, внесли свой большой вклад в дело обеспечения безопасности страны. Феликс Эдмундович принимал личное участие в работе комсомольской организации ВЧК, любовно обучал и растил своих молодых помощников. В двадцатые годы чекисты-комсомольцы активно привлекались почти во все операции, проводимые органами ВЧК, начиная от борьбы с беспризорностью и кончая разоблачением шпионов-дипломатов. И молодежь охотно шла на службу в органы государственной безопасности. А известный советский поэт Владимир Маяковский в 1927 году в поэме «Хорошо» написал такие четыре строчки, которые часто цитировались в советских школах и институтах:

*Юноше, обдумывающему житье,
Решающему делать бы жизнь с кого,
Скажу, не задумываясь – делай ее
С товарища Дзержинского!*

11 ноября 2016 года состоялась встреча юных кадетов Тюменского президентского кадетского училища, в том числе правнука разведчика Н. И. Кузнецова кадета Самойлова Александра, с автором этих строк и съемки любительского фильма на тему: «Как стать настоящим офицером». Разговор получился активным, открытым и заинтересованным, оператор все снял на камеру и вместе с пресс-центром училища подготовил короткометражный фильм «Воины, преданные Отечеству» для показа и обсуждения во всех учебных группах. Фильм должен помочь сориентироваться тем ребятам, кто

еще не определился окончательно со своим военным будущим. По просьбе кадетов автор рассказал, как юный Ника Кузнецов прекрасно учился в школе, самостоятельно и в совершенстве овладел немецким языком и как попал в разведку, об истории немецкого военного мундира оберлейтенанта Пауля Зиберта – разведчика Николая Кузнецова, о том, какие подвиги он совершил в тылу врага. Был рассказ и о том, как простой деревенский паренек из крестьянской семьи села Ожогово Ялуторовского уезда Павел Фитин, только благодаря отличной учебе в школе, своей энергии, настойчивости и целеустремленности, добрался из Тюмени до Москвы, окончил сельхозакадемию, затем спецшколу НКВД, пришел в разведку, стал генералом, возглавлял в самые трудные военные годы Внешнюю разведку Советского Союза и внес огромный вклад в Победу над фашистской Германией. Позднее фильм «Воины, преданные Отечеству» был направлен на конкурс – Всероссийский кинофестиваль любительских фильмов в город Оренбург.

В конце встречи несколько неожиданно один из кадетов спросил, чем отличается офицер-чекист от других офицеров. После небольшой паузы автор ответил, что офицер-чекист от других отличается наказаниями Первого чекиста страны Дзержинского. Феликс Эдмундович еще на заре деятельности ВЧК сказал, что «чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками». Горячее сердце – чтобы любить Родину, своих товарищей по оружию, родных и близких, а еще – по-человечески относиться даже к тем, кого арестовываешь и допрашиваешь за враждебную деятельность. Холодная голова – чтобы в любой экстремальной, неоднозначной ситуации принять единственно верное и соответствующее закону решение. Чистые руки – чтобы не брать, даже если дают.

2 февраля 2017 года в большом читальном зале Президентского кадетского училища состоялось собрание воспитанников 6-7-х курсов училища, на которое пригласили автора этих строк и куратора училища подполковника ФСБ в отставке Л. В. Бородихина. Ведущий доложил, что одним из значимых событий прошедшего года стал Всероссийский кинофестиваль любительских фильмов довузовских образовательных учреждений Министерства обороны Российской Федерации. Воспитанники Тюменского кадетского училища привезли из Оренбурга сразу две награды. Из двадцати двух работ документальный фильм «Воины, преданные Отечеству» получил Диплом 2-й степени, а кадет 8-го курса Артем Липовцев был отме-

чен Дипломом «За лучшую режиссерскую работу». Гости рассказали кадетам о своих путях-дорогах в КГБ и о работе в контрразведке, о том, каким должен быть достойный защитник Отечества, и что надо делать кадетам сегодня, сейчас, чтобы стать настоящими офицерами. Автор передал в библиотеку училища две свои книги о войне и разведке. В ответном слове кадет 9-го курса Степан Рожков сказал, что такие встречи для них полезны и необходимы, что он всерьез задумался о выборе будущей профессии и, возможно, пойдет служить в контрразведку, но для этого придется много и упорно поработать. В конце встречи Н. Зензину от имени начальника Тюменского президентского кадетского училища генерал-майора М. А. Логинова и от творческого коллектива кадетов было вручено Благодарственное письмо за участие в съемках фильма.

Заканчивая эту главу о чекистах, хочу всем напомнить замечательные слова наших историков, которые отмечали, что Первый чекист страны советов Феликс Эдмундович Дзержинский обладал несомненной личной честностью и имел высочайший моральный авторитет. И не только в кругах своих сослуживцев. Вот потому он до сих пор живет в нашей памяти.

Тюменская Чрезвычайная

До 1919 года на территории Тюменского края существовала Тобольская губерния. После переноса из города Тобольска в Тюмень губернского центра здесь 15 сентября 1919 года была создана Тюменская губернская чрезвычайная комиссия. Первым председателем Тюменской губчека назначили С. А. Комольцева. Он являлся членом Российской Коммунистической партии большевиков, после революции возглавлял партийную организацию города Ялуторовска. В 1918 году в период восстания в Сибири и на Урале чехословацких мятежников входил в состав Ялуторовского военно-революционного штаба, по поручению которого участвовал в обороне города Тюмени. Но опыта оперативно-чекистской деятельности не имел.

Очевидно поэтому, буквально через четыре месяца, в январе 1920 года в Тюмень на пост председателя губчека Москва направила 27-летнего Степнова Федора Семеновича. Родился он в 1893 году в крестьянской семье в Тверской губернии. Будучи физически хорошо подготовленным, действительную военную службу проходил на

Балтийском флоте. За участие в пропагандистской работе среди матросов был арестован и заключен в Кронштадтскую тюрьму. Освобожден после Февральской революции 1917 года, а во время Октябрьской революции участвовал в штурме Зимнего дворца, где получил небольшое ранение. После излечения был командирован на работу в Замоскворецкий отдел Московской ЧК, а через год уже трудился в Челябинской чрезвычайной комиссии, откуда и был выдвинут на должность председателя губернской ЧК в Тюмень.

Неплохой жизненный и оперативный опыт, сильные волевые качества и организаторские способности помогли Степному в короткий срок мобилизовать чекистский коллектив и активизировать работу Тюменской губчека. А кадрами выручили частично прежние коллеги-челябинцы. Новый председатель был последовательным сторонником военной дисциплины своих сотрудников, требовал от них честности, неподкупности и корректности в работе с населением. В составленной для работников Тюменской ЧК «Памятке» он написал: «Еще раз напоминаю комиссарам ЧК, чтобы они были действительно защитниками прав трудящихся, стоящими на защите интересов Советской Республики, а потому за малейшие нарушения этих прав и интересов им грозит ответ перед судом военного трибунала».

Степной щедро делился со своими подчиненными опытом чекистской работы, приобретенным в Москве и Челябинске. Именно по его инициативе тюменцы стали применять опасный, но очень эффективный способ борьбы с бандитизмом путем внедрения своих наиболее подготовленных сотрудников в состав выявленных в городе Тюмени вражеских банд. Одной из первых таких операций была ликвидация банды Кольки Цыгана. После соответствующей экипировки к бандитам под видом состоятельного коммерсанта из Москвы направили сотрудника ЧК Николая Кузнецова. И здесь начиналось самое сложное, потому что преступники подозрительно относились к появлению любого нового человека. Имело значение все: одежда, предлог для разговора, самообладание, каждый жест и любое сказанное слово. Чекист один находился в логове врага, и даже мелкая оплошность могла окончиться его смертью и провалом всей операции. Четко действуя по отработанной легенде, Кузнецов сумел войти в доверие главаря банды Цыгана, постепенно выявил практически весь состав преступной группировки, после чего они были арестованы. Банда, терроризировавшая значительную часть населения Тюмени, перестала существовать.

В июне 1920 года Федор Степной по распоряжению Москвы назначается председателем Астраханской губернской чрезвычайной комиссии, а на его место в Тюмень приходит Студитов Петр Иванович, 1888 года рождения, уроженец Московской области. Выходец из бедной семьи, он с четырнадцати лет начал работать, в семнадцать уже принял участие в революционных выступлениях рабочих в Москве. Спасаясь от преследования царской охранки, по рекомендации старших товарищей он изменил свою родовую фамилию Парфенов на Студитова, перешел на нелегальное положение и перебрался в Екатеринбург. Здесь продолжил свою подпольную деятельность, а позднее, в 1917 году – стал одним из активных участников революционных событий.

Первая чрезвычайная комиссия на Урале была создана 24 февраля 1918 года в городе Екатеринбурге. В мае 1918 года по постановлению областного Совета она получила название Уральской областной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Оперативно, в течение лета и осени 1918 года, органы ЧК были созданы во всех крупных городах Урала – Нижнем Тагиле, Верхотурье, Невьянске, Красноуфимске, Воткинске, Камышлове и других. Свой опыт чекистской деятельности Студитов получил именно на Урале, поэтому по прибытии в Тюмень он энергично, без раскачки включился в работу.

В августе 1920 года тюменским чекистам от своих омских коллег стало известно о существовании в городах Ишиме, Ялуторовске и Тюмени ячеек Омского белогвардейского подпольного центра. В городе Омске Центр возглавлял подполковник колчаковской армии Драчук, который имел тесные связи, получал инструкции, финансовую и оружейную поддержку от бывшего царского генерала Хорвата и казачьего атамана Семенова, окопавшихся за границей и создавших в китайском Харбине антисоветскую организацию «Дальневосточный комитет защиты Родины и Учредительного собрания».

Тюменской ячейкой Омского белогвардейского центра руководили Питухин – заместитель начальника милиции города Тюмени и Косарева, как ни странно, секретарь Тюменской губчека. С учетом этого к их разработке был допущен очень узкий круг самых опытных оперативников, все мероприятия тщательно планировались и проводились с особой конспирацией. Работа велась в тесном контакте и взаимодействии с омскими чекистами. Общими усилиями было установлено, что зарубежные лидеры генерал Хорват и атаман Семе-

нов, их омский пособник Драчук рассчитывали совершить в основных сибирских губернских центрах контрреволюционный переворот, перекрыть движение по Транссибирской железнодорожной магистрали и отрезать Сибирь от Урала и Москвы. Тюмень и Омск они считали важными звеньями на Транссибирской магистрали. Однако омские и тюменские чекисты в содружестве с оперативными работниками других областных центров Сибири сумели сорвать преступный замысел харбинских заговорщиков.

В Тюмени чекистам в результате хорошо продуманных и грамотно проведенных оперативных мероприятий удалось получить неопровержимые данные о враждебной деятельности Косаревой и Питухина, выявить все их преступные связи и своевременно провести аресты. Во время обысков у членов белогвардейской организации были изъяты зашифрованные письма, приказы и инструкции, подтверждающие их связь с Хорватом и Семеновым, а также оружие и боеприпасы. Умело собранные и правильно оформленные вещественные доказательства помогли суду в короткие сроки рассмотреть дело и принять в отношении заговорщиков суровые меры уголовного наказания.

Оперативная обстановка в Тюменской губернии на конец 1920 года сложилась довольно напряженной. Вынужденное постановление Правительства России «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», принятое в условиях неурожая и надвигающегося голода в центральных районах республики и в Поволжье, было воспринято сибирским крестьянством и особенно его зажиточной частью с большим недовольством. Сотрудники специально созданных властью продовольственных отрядов, выезжавшие на места для заготовки хлеба, нередко допускали по отношению к крестьянам грубость и даже угрозы оружием. Особенно сложная ситуация отмечалась в хлебоборном Ишимском уезде, где такие напряженные моменты возникали повсеместно.

В конце января 1921 года контрреволюционные элементы при поддержке части зажиточных крестьян подняли мятеж в Ишимском уезде. Почти одновременно мятеж распространился практически на все уезды юга Тюменской губернии и на Тюкалинский (мой родной) уезд Омской губернии. Одна из главных опасностей восстания заключалась еще и в том, что мятежникам удалось на три недели блокировать движение поездов по железной дороге и остановить доставку хлеба в голодающие районы Центральной России. Они захватили Ишим,

Ялуторовск, Тобольск и окружили Тюмень. В захваченных городах и поселках главари мятежников жестоко расправлялись с местными руководителями, коммунистами и, конечно же, с сотрудниками ЧК и их семьями. Так, попавшего в руки мятежников чекиста Афанасия Федорова, выполнявшего спецзадание Тюменской губчека, они долго пытались, но, не добившись ничего, изрубили шашками на куски.

Губернские власти Тюмени вместе с чекистами спешно готовили город к обороне. Срочно была усилена охрана важных объектов, на всех дорогах, ведущих в город, выставлены вооруженные посты с целью проверки и задержания любых подозрительных лиц, пытавшихся проникнуть в город.

На одной из дорог в вечерних сумерках были обнаружены и задержаны трое неизвестных, которые были немедленно доставлены в губчека. Допрошенные, разумеется, отдельно друг от друга, задержанные не смогли убедительно мотивировать свое появление в городе, стали путаться в ответах и давать разные показания, вели себя подозрительно. После окончания первого допроса опытный чекист Королев, сопровождавший последнего допрошенного в караульное помещение, остановил его во дворе, предложил покурить, расспросил об оставленном в деревне хозяйстве, о жене и детях, сказал, что его попутчики дали не совсем одинаковые объяснения, намекнул о возможном снисхождении в случае правдивых показаний. Растроганный вниманием, задержанный склонился к Королеву и негромко сказал: «Слышь, паря, колчаки хотят вашу Чеку захватить. Ты бы спрятался куда, еще успеешь, они ночью выступать будут. А главный у них – какой-то офицер царской армии Лобанов, вот к нему мы и шли от штаба, чтобы удар согласовать».

Студитов понял, что Лобанов сейчас ждет посланцев от повстанческого штаба и потому действовать надо немедленно. Вместо «гостей» он тут же направляет к Лобанову троих своих чекистов во главе с Королевым и отдает распоряжение срочно подготовить группу захвата. Прибывших в дом на улицу Орловскую «посланцев» Лобанов принял довольно приветливо, его помощники стали собираться в квартире, а Королев умело затеял довольно пространную переговоры, чтобы выиграть время до прибытия подкрепления. Но когда после резкого удара двери комнаты распахнулись и в нее ввалились вооруженные чекисты, Королев вскочил и поднял над головой гранату. Заговорщики поняли, что игра полностью проиграна и позволили себя спокойно арестовать.

На помощь тюменцам и всей Западной Сибири, а также для восстановления движения поездов на Транссибирской магистрали и продолжения поставок хлеба в Центр, уже спешили посланные Московской части Красной Армии, но они были пока по ту сторону Урала, и поэтому сибирякам надо было самим решать проблемы обороны и защиты собственной земли.

По большому счету, быстрая и успешная операция чекистов против Лобанова и его группы спасла город, а заодно руководителей Тюмени, активистов, коммунистов, сотрудников ЧК. Было ясно, что город окружен, возможный внутренний «лобановский» взрыв, а по сути – удар в спину, плюс внешнее давление повстанцев, – все говорило за то, что небольшой гарнизон Тюмени, конечно, не смог бы устоять. А по опыту уже захваченных Ишима и Ялуторовска все знали, насколько круты и жестоки на расправу мятежники.

В советское время и в постсоветский период историки и краеведы страны не раз пытались разобраться в причинах Западно-Сибирского восстания и методах его ликвидации. Оценки различались от «белогвардейско-эсеровского мятежа» до «крестьянского восстания». В авторской разноголосице стоит выделить мнение историков М. А. Богданова и И. П. Павлуновского, считавших, что основной причиной восстания стали многочисленные и повсеместные нарушения революционной законности со стороны продотрядов при изъятии у населения, в первую очередь у зажиточных крестьян, «хлебных излишков». Относительно ликвидации последствий, указанные авторы считают, что своевременные действия органов ЧК и решительное наступление частей Красной Армии позволили освободить захваченные мятежниками территории, восстановить движение поездов по Транссибирской магистрали и возобновить поставки хлеба и топлива в бедствующие районы Центра и Поволжья.

В 1996 году в связи с 75-летием «ишимских вооруженных событий» по инициативе тюменских и московских ученых в городе Тюмени была организована Всероссийская научная конференция по проблемам Западно-Сибирского восстания. Участники конференции после бурных дебатов пришли к согласию и присвоили Западно-Сибирскому мятежу новое, официальное название – крестьянское восстание 1921 года.

В 2016 году исполнилось уже 95 лет со дня «ишимских событий», но интерес к этому вопросу в Тюмени не утихает, не раз появлялись публикации наших краеведов и историков в журналах и газетах, в том

числе молодых авторов. 1-3 ноября 2016 года в тюменской гимназии № 16 прошел 19-й областной научный форум молодых исследователей «Шаг в будущее». Трехдневная программа форума включала работу по секциям, проведение инженерных соревнований, научной выставки и олимпиад старшеклассников по физике и истории. С учетом тематики представленных на форум докладов о Великой Отечественной войне и о ишимском крестьянском восстании автор был приглашен руководством Тюменского института развития регионального образования на секцию истории, в качестве гостя, с часовым рассказом о тюменских чекистах и наших земляках-разведчиках, участниках и Героях Великой Отечественной войны. Старшеклассники и их педагоги с вниманием прослушали это выступление, а после ответов на их вопросы представителям некоторых городских тюменских школ и всех районных школ юга области, участвовавших в работе семинара, была вручена моя книга «Война и разведка» о знаменитых тюменских разведчиках Николае Кузнецове и Павле Фитине.

Созвучным по теме получилось выступление на секции молодых историков Екатерины Комовой из Новолоктинской средней школы Ишимского района с докладом «Отважный разведчик Тетцов». Она изучила архивы Новолоктинского музея, разыскала и опросила односельчан, знавших разведчика, получила военные фотографии и книгу из Курганского музея «Память» от его руководителя Юрия Радионова с материалами на Тетцова и его командира – полковника КГБ Владимирова П. В., нашла дочь разведчика Т. А. Панкратову, которая помогла закрыть «белое пятно» в биографии Тетцова – период с июля 1941 года по 1943 год. Всего из села Новолукти ушли на фронт 177 человек, 83 – с полей сражений не вернулись. С ранениями и контузией возвратился после Дня Победы герой доклада, и он же герой моей книги «Мы помним всех, далеких нам и близких» разведчик-диверсант Александр Петрович Тетцов. Умер он в 1985 году, похоронен в селе Новолукти. Там же был создан местный историко-краеведческий музей, где хранятся награды, документы и личные вещи А. П. Тетцова и многих других жителей села – участников Великой Отечественной войны.

Нельзя не отметить доклад «Чтобы помнили» Марии Гузюк из Тобольской средней школы о своем прадеде – Алексее Васильевиче Фомине. Он с первых дней Великой Отечественной сражался на фронте, попал в плен к немцам, прошел несколько фашистских концлагерей, испытал голод, побои и унижения, сумел бежать во Францию, в рядах

французского Сопротивления продолжил воевать против фашистов. Победу встретил во Франции, далеко от родной страны и не сразу возвратился домой. Мария подчеркнула, что своим докладом она исполнила наказ прадеда – передать правду о жестокой войне следующим поколениям. И еще она хотела, чтобы эта работа стала памятью обо всех участниках Великой Отечественной войны и благодарностью им за счастливое детство.

Из выступлений членов исторической секции хотел бы отметить рассказ ученицы Аромашевской средней школы Анастасии Калининой под названием «Кулацко-эсеровский мятеж или крестьянское восстание?», в котором она подробно анализирует события мятежа 1921 года в южных уездах Тюменской губернии и дает им довольно объективную оценку. Она и ее научный руководитель, преподаватель С. В. Степанюк, считают, что главной причиной восстания стало недовольство крестьян действиями органов советской власти по насильственному изъятию у них имеющих запасов зерна. Объявленная властями продразверстка на деле оказалась безвозмездным и безвозвратным изъятием хлеба, довольно часто под угрозой оружия.

В некоторой степени с этой тематикой перекликались выступления Александра Гультяева из села Гагарино Ишимского района с докладом «Коллективизация в истории моего села» и доклад Валерии Юровой из Карасульской средней школы «Исследование причин и последствий исчезновения деревень Ишимского района с советской эпохи по настоящее время».

По окончании этого замечательного молодежного форума с символическим названием «Шаг в будущее», уже сидя дома за компьютером, я перечитывал доклады участников и наслаждался отличными работами, чистыми и светлыми мыслями наших продвинутых учащихся. Мне подумалось, что лет через 10-15 эти умные и патриотичные ребята выйдут в самостоятельную большую жизнь и станут обустривать и развивать наш Тюменский край. По-моему, неплохое у нас будущее!

А теперь возвратимся к нашим чекистским делам. После успешного периода службы в Тюменской губчека Петра Ивановича Студитова, в ходе дальнейших территориальных и оперативных преобразований, в тридцатые – сороковые годы, вплоть до начала Великой Отечественной войны, уже в Тюменском городском отделе НКВД Обско-Иртышской, а затем Омской областей неплохо поработали руководителями чекистского коллектива Сергей Васильевич Здоровцев, Николай Николаевич Петров и Степан Михайлович Козов.

В 1941 году с началом войны группа тюменских чекистов во главе с С. М. Козовым добровольцами ушли на фронт.

Однако в целом в стране, а точнее – в столице нашей Родины Москве, – после смерти 21 января 1924 года основателя партии и создателя советского государства В. И. Ленина, а затем 20 июля 1926 года – председателя Совета народного хозяйства СССР и одновременно руководителя ОГПУ-НКВД Ф. Э. Дзержинского в руководстве партии и государства произошел раскол, и началась межфракционная борьба. Уже существовавшие ранее отдельные разногласия между Лениным, с одной стороны, Троцким, Бухариным, Зиновьевым и Рыковым с другой, в основном, по проблемам построения социализма в России, после смерти вождя перешли в стадию противостояния. Особой инициативой и попытками группировать вокруг себя других оппозиционеров выделяется Лев Троцкий, применявший иногда полулегальные методы работы из своего богатого подпольного, еще дореволюционного опыта.

Встав во главе партии и приняв эстафету от Ленина, опытный мастер аппаратных игр Иосиф Сталин начинает последовательную борьбу со своими оппонентами, опасно используя при этом самое острое оружие пролетариата – органы госбезопасности. Причем началась эта борьба в верхних эшелонах партии и НКВД, но постепенно в ее орбиту стало попадать все большее число руководителей разных рангов, а затем и просто активных исполнителей, расширяясь по всей стране и опускаясь постепенно до областного и районного уровней. Волевые решения и нарушения социалистической законности, к сожалению, становятся повседневной нормой и приводят, в конечном счете, к массовым репрессиям.

Одним из примеров сталинской настойчивости, беззакония, а иногда и жестокости являлась борьба с троцкистами и бухаринцами. В первую очередь он расправился со своими оппонентами из близкого окружения, причем нередко их именовали «врагами народа» и вместе с ними репрессировали их ближайших родственников. Жены влед за мужьями, практически без судебного разбирательства, отправлялись, как правило, в бессрочную ссылку.

В 1925 году Сталин снимает Троцкого с должности Народного комиссара военных дел, а в 1927 году исключает из партии. Троцкий не сдается и тогда Сталин в начале 1928 года принимает решение выслать его с семьей подальше от Москвы, на юг Казахстана в город Алма-Ату. Но и там опальный революционер продолжает политическую борьбу. В декабре 1928 года по поручению Сталина к Троцкому

из Москвы прибыл специальный уполномоченный Коллегии ОГПУ с письменным требованием прекратить руководство работой оппозиции. Троцкий отвечает письмом в ЦК ВКП(б), где указывает, что ведет легально борьбу за интересы международного пролетариата и не желает подчиняться ультиматуму ОГПУ. Через месяц Политбюро ЦК ВКП(б) большинством голосов (против были Бухарин и Рыков) принимает решение о высылке Троцкого за пределы СССР. Вскоре все тот же особоуполномоченный снова появляется в Алма-Ате и предъявляет Троцкому выписку из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 18 января 1929 года о том, что он за контрреволюционную деятельность высылается из СССР. При этом «виновному» разъясняется, что решение окончательное и обжалованию не подлежит, хотя никакого суда и следствия не было.

После недолгих сборов он с женой и детьми выезжает в Турцию, затем перебирается к старым связям во Францию, а оттуда – подальше от Москвы – в Мексику. В Турцию опытный подпольщик сумел вывезти 28 ящиков с документами. Позднее удалось установить, что, начиная с 1917 года, он снимал копии со всех партийных и революционных документов и собирал в свой домашний архив. Таким образом, за границу с ним «уехали» в копиях большинство документов Революционного Военного Совета республики, который он возглавлял, и многие, в том числе не публиковавшиеся в печати, протоколы заседаний, постановления и решения Политбюро ЦК ВКП(б).

Писать Лев Троцкий умел остро и талантливо, у него был отличный опыт сотрудничества и работы в партийных газетах и журналах, как до революции, так и после, как в России, так и за рубежом. Используя вывезенные с собой материалы, он писал постоянно, нигде, ни на один день не прекращая работу. Его статьи, памфлеты и книги регулярно печатались за границей и главным их персонажем, конечно, был Сталин и его соратники. Вот лишь некоторые цитаты о Сталине из «трудов» Троцкого: «он проницателен на близком расстоянии, но исторически близорук», «выдающийся тактик, но не стратег», «осознание своей посредственности привело его к необходимости лести со стороны подчиненных, отсюда зависть к Гитлеру и униженный союз с Германией».

Реакция не могла не последовать. В 1939 году Сталин приглашает к себе в Кремль рекомендованного ему шефом госбезопасности Лаврентием Берия опытного сотрудника Иностранного отдела НКВД Павла Судоплатова, имевшего опыт успешных заграничных опера-

ций, и предлагает ему возглавить группу боевиков для ликвидации проживающего в Мексике Льва Троцкого, «руководителя организации по расколу международного коммунистического движения». Сталин разрешает, разумеется, на условиях строгой секретности, привлечь к этой работе по усмотрению Судоплатова любых надежных исполнителей. О ходе подготовки и проведения операции докладывать только лично Берии. Для организации всех мероприятий непосредственно в Мексике, где требовался испанский язык, Судоплатов пригласил своего товарища, опытного разведчика Наума Эйтингона, в совершенстве владевшего испанским. Вместе с ним он не раз нелегально выезжал за границу для подготовки и инструктажа участников этой непростой операции. 20 августа 1940 года, несмотря на наличие очень серьезной охраны, Троцкий был убит в своей мексиканской резиденции.

Но маховик всеобщей подозрительности и репрессий в стране очень больно ударил и самого Павла Судоплатова. По существовавшей тогда негласной и очень жестокой практике при смещении с должности очередного наркома госбезопасности подвергались преследованию и члены его старой команды. Занимая последовательно ряд высоких постов, Судоплатов достаточно часто и близко общался с наркомом Лаврентием Берия. В 1953 году после смерти Сталина Берия новым руководством был арестован и расстрелян.

21 августа 1953 года генерал-лейтенант Судоплатов был задержан прямо в собственном рабочем кабинете. «Новые следователи» сразу приклеили ему ярлык «пособника изменника Родины Берии» и стали спешно собирать доказательства с обвинительным уклоном. На допросах Павел Анатольевич категорически отрицал предъявленные ему обвинения, но, не смотря ни на что, был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР «за активное пособничество изменнику Родины Берии в подготовке государственного переворота» на 15 лет тюремного заключения с лишением генеральского звания и всех наград. Наказание отбыл полностью, не раз подавал заявления о пересмотре дела, но они оставались без последствий. И только после освобождения из тюрьмы Главная военная прокуратура России реабилитировала его.

Что касается чекистов областных и других территориальных подразделений, в том числе и Тюменского, 1937–1938 годы стали для них годами произвола и нарушения социалистической законности. Преступные приказы и указания по усилению борьбы с «врагами народа», задания по увеличению числа арестов шли напрямую из Наркомата внутренних дел страны. Те из чекистов, кто осмеливался не

выполнять эти незаконные приказы, или выполняли их недостаточно рьяно, сами подвергались преследованию и арестам. Дело дошло даже до того, что Москва стала отзываться из-за границы своих сотрудников Иностранного отдела – руководителей резидентур, которых без каких-либо доказательств обвиняли в измене Родине и подвергали необоснованным репрессиям. В конце этого страшного периода, когда любой сотрудник НКВД шел на работу и не знал, что его ожидает, произошел откат в обратную сторону и потом стали арестовывать и расстреливать уже тех, кто особо «отличился» в этих преступных разборках. В целом же всей системе органов государственной безопасности страны за эти годы был нанесен огромный ущерб, тысячи опытных, преданных Родине чекистов были уничтожены или изгнаны со своей службы.

Уже к лету 1939 года Европа стояла на пороге Второй мировой войны, а Сталин все никак не мог урегулировать до желаемого результата свои отношения с Германией. В этих условиях быстрого осложнения международной обстановки и усиления опасности военного нападения на Советский Союз состоявшийся в 1939 году XVIII съезд Коммунистической партии и затем Политбюро ЦК ВКП(б) принимают срочные меры по усилению органов госбезопасности, направляют на работу в органы большой отряд молодых, активных, проверенных коммунистов. Происходит реорганизация некоторых важных оперативных чекистских звеньев, пересматривается и усиливается контрразведывательная работа, острота которой перенаправляется с поиска внутренних врагов на выявление внешних угроз со стороны разведок противника.

Война и чекисты

Чекисты в Тюмени жили и работали с 1919 года, а вот территориального областного управления госбезопасности не было, так как до 1944 года не существовало Тюменской области. На территории Тюменского края значилась Тобольская губерния, потом Обь-Иртышская, а за ней Омская области, в состав которых входила тюменская земля. Так что оперативные связи с омскими чекистами у нас очень давние, добрососедские и, конечно, плодотворные. А вот моему дедушке Зензину Павлу Абрамовичу, проживавшему в селе Солдатском Тюкалинского района Омской области, в этом плане не повезло, он

«познакомился» с омскими чекистами во время коллективизации в трудном 1933 году, и это «знакомство» обошлось ему в 20 лет ссылки в качестве кулака в село Кондинское Ханты-Мансийского автономного округа. Но об этом позже.

Управление Народного комиссариата государственной безопасности по Тюменской области было образовано во время Великой Отечественной войны приказом № 00310 Народного комиссара госбезопасности Союза ССР В. Меркулова от 19 августа 1944 года сразу, как только был подписан декрет Правительства страны о создании Тюменской области 14 августа 1944 года.

В состав нового управления госбезопасности вошли Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский окружные отделы НКГБ, Ишимский городской отдел НКГБ, 20 районных отделов и отделений Управления НКГБ по Омской области и 4 районных отдела Управления НКГБ по Курганской области на территориях, отошедших нам от Омска и Кургана. Характерно, что большинство омских чекистов достаточно спокойно отнеслись к процессу перехода под флаг другой – Тюменской области и остались служить на своих прежних местах. Об этом мне рассказывал в далеком 1961 году тогдашний начальник транспортного отделения УКГБ на станции Ишим майор Коршунов Юрий Иванович, когда я пришел к нему после окончания школы КГБ в городе Свердловске. Единство Тюменского управления госбезопасности, как структуры, и вертикаль подчинения от Тюмени к окружным отделам автономных округов в августе 1944 года при этой очень серьезной перестройке были сохранены.

Нынешнее особое наименование – Региональное управление ФСБ Российской Федерации по Тюменской области – мы получили в соответствии с Федеральным законом от 3 апреля 1995 года, а наши северные оперативные отделы автономных округов по прежнему работают в составе Тюменского областного управления госбезопасности. Политические обозреватели отмечали тогда, что чекисты – единственная структура, сохранившая свою целостность на огромном пространстве когда-то единой Тюменской области, разделенной в угоду чьим-то чиновничьим амбициям на два самостоятельных автономных округа и юг Тюменской области.

Но был 1941 год, который поставил перед страной и чекистами очень сложные вопросы. Фашистская Германия напала на Советский Союз внезапно, без объявления войны в 4 часа утра 22 июня 1941

года в выходной день. Тысячи немецких самолетов по всей линии нашей западной границы обрушили бомбовые удары на наши города и села, пехотные дивизии при поддержке танков и артиллерии ворвались на советскую территорию и, сметая все на своем пути, стремительно продвигались вглубь страны. Красная Армия в основном беспорядочно отступала, теряя территорию, аэродромы, самолеты, танки и другое вооружение, а главное – тысячи и тысячи своих солдат и офицеров. О причинах такого весьма неудачного для нас начального периода войны написано уже много. Но вот летом 2016 года, накануне 75-й годовщины со дня начала Великой Отечественной войны появилась еще одна версия этих событий, автором которой стал чекист Леонид Решетников, кандидат исторических наук, генерал-лейтенант Службы внешней разведки в отставке.

По его мнению, Красная Армия, все наши военные не были готовы к войне психологически. Сталин и руководство страны внушали народу, что Германия на нас не нападет. За восемь дней до начала войны Телеграфное агентство Советского Союза по инициативе сталинского окружения опубликовало в центральной газете «Правда» официальное заявление о том, что «слухи о намерении Германии предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Но в эти же самые дни у западных границ страны происходила невиданная и очень опасная концентрация немецких войск. 17 июня 1941 года, за пять дней до войны, наш тюменский земляк, начальник Службы внешней разведки генерал Павел Фитин доложил лично Сталину, что из берлинской резидентуры от надежного и проверенного агента Старшины, сотрудника Министерства авиации Германии, поступило срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 года. Сталин это сообщение назвал дезинформацией и оставил без внимания, как и около ста других предупреждений, направленных в его адрес разведкой с начала 1941 года.

Но война 22 июня началась, и это стало сильнейшим личным ударом для Иосифа Сталина, 11 дней – с 22 июня по 3 июля он не появлялся на публике и приходил в себя. Ведь это он заставил страну и армию поверить, что в ближайшие годы войны с Германией не будет. Растерянность, царившая вокруг вождя, передалась в Наркомат обороны и дальше на руководящий состав армии. До конца 1941 года Красная Армия только отступала и потеряла свыше 4 миллионов человек, в том числе больше 2 миллионов военнопленными.

Кроме того, был еще один психологический аспект. Сталин понимал, что со времени окончания гражданской войны в стране прошло всего 20 лет, и почти в каждой семье есть раскулаченные, репрессированные или расстрелянные. И мужчины из этих семей полностью не готовы воевать за социалистические идеалы. Решетников привел пример, когда отец его молодого сотрудника, раскулаченный в 30-е годы, уходя на фронт, сказал жене: «Я эту власть защищать не буду. Сдамся в плен». И только через три военных месяца он написал домой про фашистов, что «они хотят уничтожить нашу Россию и наш русский народ» и что он будет сражаться. Американский посол в Москве Гарриман в разговоре со Сталиным в 1942 году, уже после того, как мы отстояли Москву, восхитился храбростью русского народа. Сталин ответил: «Думаете, они сражаются за нас? Нет, они воюют за свою матушку-Россию».

С мнением чекиста Решетникова о психологическом аспекте перекликается высказывание участника и летописца Великой Отечественной войны известного писателя Даниила Гранина. Он говорил, что для нас эта война была такой трудной, потому что мы начинали ее без ненависти. Нам нужно было время, чтобы преодолеть свое нравственное удивление. Воевать с Англией было бы понятно, ее тогда называли врагом. А с немцами все, начиная со Сталина, предлагали дружить. Имена великих немцев Карла Маркса и Фридриха Энгельса, авторов знаменитого «Манифеста коммунистической партии», который в СССР изучал почти каждый второй, Эрнста Тельмана, секретаря компартии Германии, приехавшего к нам в гости, были у всех на слуху. В школах все старательно учили немецкий язык, цитировали известных немецких поэтов Гете и Шиллера, в концертных залах звучала музыка Бетховена и Баха. Даже на фронте, вспоминает Гранин, в первые месяцы войны мы пытались найти общий язык с немецкими пленными. Однажды молодому розовощекому немецкому ефрейтору попробовали напомнить всеобщий лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь» и убедить его, что нам незачем воевать друг с другом. Он с презрением в голосе ответил: «Вы напрасно надеетесь на победу, мы прогоним вас за Урал, а эти земли заберем себе. Разве вы солдаты? Вы не умеете воевать, вы дикари и низшая раса». Да, вот этого вояку Гитлер здорово подготовил, и физически, и морально. «Это нас, фронтовиков, сильно зацепило», – заметил Гранин.

А еще тогда же во всех газетах появилась статья и фотография молодой, красивой комсомолки Зои Космодемьянской с петлей на шее.

Захватив в плен, фашисты долго пытали и били ее, водили босиком, в одной рубашке по снегу, но она не назвала ни одного имени своих товарищей по отряду. Тогда немцы согнали на площадь жителей села Петрищево и на глазах у всех повесили мужественную партизанку. Пока палач не успел выбить из-под ног Зои деревянный ящик, она, уже с веревкой на шее, успела прокричать: «Граждане! Что стоите невесело? Советский Союз не будет побежден! Нас двести миллионов, всех не перевешают!». Вот после всего этого, вспоминал Гранин, у наших благородных защитников Отечества и появилась ненависть к врагам и желание любой ценой отстоять свою землю. А один из советских поэтов написал в те дни прекрасные строки песни, которую распевал наш военный ансамбль и ему подпевала вся страна: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна, идет война народная, священная война».

С началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского Правительства в конце лета 1941 года на Урал и в Сибирь были полностью или частично переведены руководящий и административный состав Народных комиссариатов вооружения, связи, среднего (оборонного) машиностроения вместе с основными заводами. В город Тюмень из центральных районов страны в общей сложности было эвакуировано около 20 различных предприятий.

Государственные запасы золота и драгоценных камней, Алмазный фонд и ценности Оружейной палаты Кремля были вывезены в Свердловск и Челябинск. Тело В. И. Ленина из Мавзолея было перевезено железнодорожным вагоном в Тюмень, как наиболее удаленную от всех границ точку Советского Союза, и охранялось тюменскими чекистами вместе с их московскими коллегами в здании нынешнего сельхозуниверситета на улице Республики, дом № 7. Организация охраны и обеспечение строжайшей тайны объекта государственной важности была возложена на одного из самых опытных и надежных тюменских контрразведчиков майора Джуру Павла Федоровича, который служил в органах госбезопасности с августа 1935 года и возглавлял в то время Тюменский горотдел. О том, что чекисты хорошо справились с поставленной задачей, говорит то обстоятельство, что о факте нахождения тела Ленина в нашем городе в военный период тюменцы узнали уже после окончания войны, когда саркофаг был возвращен в Москву.

Территориальные органы госбезопасности Урало-Сибирской зоны, в том числе и тюменские чекисты, с июня 1941 года перешли на военный режим служебной деятельности. В их функции входило выявление, пресечение и ликвидация разведывательно-диверсионных акций противника, ограждение военных и промышленных объектов, объектов железнодорожного транспорта и линий связи от подрывных действий шпионов, диверсантов и других враждебных элементов. Чекисты обеспечивали сохранность государственной и военной тайны, боролись с антисоветской пропагандой, пресекали распространение враждебных листовок и негативных слухов, с помощью партийных и советских органов принимали меры по устранению причин срывов выполнения заданий по выпуску оборонной продукции.

С конца августа 1941 года с учетом возросшего количества аварий, взрывов и пожаров в стране НКВД СССР издал ряд приказов по усилению противодиверсионной работы на объектах оборонных отраслей промышленности. Сильный пожар с уничтожением большого количества авиационной фанеры случился в городе Тюмени, отмечались аварии на промышленных предприятиях и на транспорте.

Весьма негативными факторами, угрожавшими социально-политической стабильности советского тыла, стали дезертирство военнослужащих и уклонение граждан от воинской службы. Все эти лица распространяли пораженческие и террористические настроения, совершали убийства и грабежи, занимались хищениями государственной и личной собственности. Имели место, и не единожды, подобные факты в Тюменской области.

Однако настойчивая, последовательная и целеустремленная работа тюменских контрразведчиков, внедренная ими система оперативно-розыскных мероприятий, постоянное формирование в обществе атмосферы всеобщей бдительности, опора чекистов на широкую помощь коммунистов, комсомольцев и других советских граждан заметно сократили возможности подрывной деятельности противника и враждебных элементов в советском тылу. Недаром в то время народные поэты сочинили и распевали частушку, которая заканчивалась словами: «чекист всегда с тобою рядом, хоть неизвестно точно, где!». Все это позволило удержать в позитивном русле процессы экономической и политической жизни города Тюмени и области в экстремальных условиях военного времени.

Война практически для всех молодых началась внезапно. Кого-то сразу призвали в действующую армию, кто-то прошел краткосрочные курсы «Выстрел», а кое-кому повезло окончить училище, получить звание офицера и потом уже отправиться на передовую. Тысячи тюменцев сражались на всех фронтах Великой Отечественной, многие сложили головы, защищая родную землю. Именно кто-то из сибиряков в тот очень трудный для страны момент, когда зимой 1941 года немцы уже подошли к Москве, сказал: «А за Урал немца мы ни за что не пустим!».

Советской разведке и Верховному главному командованию Красной Армии стало известно, что Гитлер на 7 ноября 1941 года назначил парад своих войск в поверженной Москве. Фашистским офицерам и солдатам уже выдали парадную форму, в которой они готовились маршировать на Красной площади. Обстановка вокруг Москвы была настолько опасной, что в середине октября 1941 года часть правительственных учреждений и дипломатический корпус были эвакуированы в город Куйбышев. С 20 октября столицу переводят на осадное положение, Москва готовится к уличным боям. Налеты и бомбардировки немецкой авиации не прекращаются. Казалось, что все силы и возможности уже на пределе. Поползли слухи, что Сталин покинул столицу, это серьезно деморализовало и тыл, и фронт. Срочно нужен был нестандартный серьезный ход, который мог бы показать, что ситуация под контролем. Наилучшим способом было бы проведение 7 ноября традиционного военного парада на Красной площади.

28 октября Сталин вызвал в Кремль командующего войсками Московского военного округа генерала Артемьева, командующего военно-воздушными силами генерала Жихарева, командующего Московской зоной ПВО генерала Громадина и командующего ВВС Московской зоны ПВО генерал-лейтенанта Сбытова. Причину вызова и тему предстоящего разговора ни один из генералов не знал. Сталин начал без предисловий: «Скоро годовщина Октябрьской революции, парад в Москве будем проводить?»). Вопрос был настолько неожиданным, что никто ничего не смог ответить. Обстановка была такой исключительно трудной и непрогнозируемой, что никто о параде даже не думал. Какой парад, если в городе введено осадное положение? Уже минируются мосты и крупные заводы на случай захвата столицы фашистами. Сталину пришлось еще дважды повторить свой вопрос, и уже рассерженным голосом. Только тогда генералы отозвались и заговорили несмело, перебивая друг друга: «Да, конечно, провести надо, это поднимет дух в войсках и в тылу!».

Решение было единогласно принято, но сразу возникло много вопросов, а как его провести в жизнь в такой смертельно опасной обстановке. Параду могло помешать наступление немецких войск или прорыв ударной танковой группировки в район Красной площади, сорвать парад мог налет фашистской авиации, которая ежедневно бомбила Москву. Более того, Сталин и члены правительства на трибуне будут хорошей мишенью для спецслужб противника. Чекисты в последние годы выявили и успешно предотвратили несколько покушений на Сталина, они знали, что в военное время эта опасность многократно возросла. Значит, чекистам и военным контрразведчикам надо строжайшим образом добиться сохранения в тайне плана подготовки парада и гарантированно обеспечить личную безопасность главы государства, членов Генерального штаба и правительства, которые будут на параде.

В это весьма напряженное время в столицу ежедневно прибывало новое пополнение из Сибири и с Урала, людей размещали в Москве и ближнем подмосковье, там же проводилась их строевая и боевая подготовка. Будущие участники парада были удачно включены в общую систему перемещений и подготовки войск, круг лиц, причастных к подготовке парада, был существенно ограничен. Что касается службы охраны Кремля, московских чекистов и военных контрразведчиков, задействованных в этих вопросах, они работали по отдельному, с грифом «совершенно секретно», плану оперативно-чекистских мероприятий.

Для решения военных проблем Сталин дважды встречался с генералом Жуковым, который доложил, что противник в последних боях понес значительные потери, в настоящее время занят пополнением войск, боеприпасов и техники и перегруппировкой своих соединений. Ждать от немцев большого наступления в ближайшие дни нет особых оснований. Для противодействия немецкой авиации Жуков распорядился укрепить противовоздушную оборону столицы и подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов. Понимая значимость успешного проведения предстоящего парада и осознавая высочайшую степень ответственности перед Верховным Главнокомандующим, Жуков решил еще раз все проверить. Он срочно отправил своих военных разведчиков в тыл противника с задачей взять хорошего «языка». Они постарались и им повезло – захватили немецкого офицера, да еще одетого в парадную форму поверх обычной амуниции. На допросе он рассказал, что «русская зима» их серьезно напрягает, у них проблемы с теплой одеждой, боеприпасами

и продуктами, они в настоящее время небоеспособны, командиры приказали для утепления надеть всем парадные мундиры, присланные из Германии для парада на Красной площади. О своем парадном шествии в Москве они уже и не помышляют. Жуков тут же отправил Сталину срочное сообщение: «Немцы деморализованы. Их наступление в ближайшее время невозможно».

Наконец, все неотложные приготовления подошли к концу, и приблизилось время «Ч» – 7 ноября 1941 года. Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин даже ночью не покидает свой кабинет. На случай, если германская разведка каким-то образом сможет добыть информацию о параде, в утвержденном плане, что начало парада назначено на 10 часов утра и таким образом противник будет ориентироваться на это время. Сталин решает применить небольшую военную хитрость и в последний момент назначает парад на 8 часов утра, чтобы до 9 все закончить. Участников рано подняли – война есть война, хорошо накормили и пораньше доставили к месту событий. Было еще не совсем светло, дул ветер и шел небольшой снег. Ровно в 8 часов фанфары возвестили о начале легендарного парада. Трансляция по радио пошла по всем каналам, на всю страну и на весь мир. С трибуны Мавзолея Сталин произнес короткую речь. Он призвал армию и весь советский народ не просто выжить и отстоять Москву, а поставил перед ними более высокие, исторические задачи: «На вас смотрит весь мир. На вас смотрят поработанные народы Европы, попавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой высокой миссии!». И впервые за все советские праздники в речи вождя прозвучало воззвание к русскому патриотизму и русскому сердцу: «Да пусть осенит вас бессмертный подвиг Александра Невского и Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова!». Так закончил свою речь Верховный Главнокомандующий.

Торжественный марш открыли курсанты минометного и пехотного училищ, за ними, четко печатая шаг, прошли стрелки Ивановской и Московской дивизий, полк особого назначения и дивизия имени Дзержинского. А дальше запланированным порядком – кавалерия, танки и артиллерия. Почти все участники прямо с Красной площади отправились на фронт.

Была у этого парада и духовная составляющая. Руководители Русской православной церкви накануне обратились к Сталину с прось-

бой разрешить им провести крестный ход с Казанской иконой Божией Матери, которая не раз спасала Русь от иноземных захватчиков. И он впервые пренебрег своими атеистическими принципами. В сохранившемся Богоявленском соборе с разрешения вождя верующие отслужили молебен, после чего состоялся крестный ход с выносом Казанской иконы. Практически в то же время, когда Сталин выступал перед участниками парада, митрополит московский Сергей обратился к верующим с такими актуальными и душевными словами: «Не в первый раз русский народ переживает нашествие иноплеменных. Не в первый раз нам принимать и огненное крещение для спасения родной земли. Силен враг. Но велик Бог Земли Русской! Так воскликнул когда-то поверженный Мамай на Куликовом поле, разгромленный русским войском. Господь даст, придется повторить этот возглас и теперешнему нашему врагу!».

Вот как написал позднее о параде 1941 года военный разведчик, писатель и Герой Советского Союза Владимир Карпов: «Для всей страны парад стал неожиданным, потрясающе радостным событием. Парад – вызов, парад – презрение к врагу, парад, проведенный на расвете еще очень далекой, но уже предчувствуемой Победы. Он поднял на небывалую высоту дух нашего народа. Но одновременно нанес первое моральное поражение фашистскому воинственному духу. Для гитлеровцев этот парад стал громом среди ясного неба. Их разведка проморгала сюрприз. (Значит, наши хорошо сработали.) Радиотрансляция с Красной площади была включена на весь мир. Ее, конечно, услышали и в Берлине, в ставке фюрера. Никто из его приближенных не осмеливался доложить Гитлеру о происходящем в Москве. Видимо, смущенный подозрительной тишиной, он включил приемник, услышал музыку марша и твердую поступь солдатских сапог. Когда зазвучали команды на русском языке, фюрер понял, в чем дело. Он бросился к телефону, приказал соединить его со штабом группы армий «Центр», что застряли на подступах к Москве, устроил разнос руководству, потребовал к трубке командующего бомбардировочной авиацией и приказал немедленно, во что бы то ни стало, разбомбить парад на Красной площади. Несмотря на метель, большая группа немецких бомбардировщиков и сопровождающие их истребители поднялись в воздух, но до Москвы не долетел ни один. В завязавшемся ожесточенном встречном воздушном бою двадцать пять бомбардировщиков были сбиты нашими истребителями, остальные, сбросив бомбы куда попало, повернули назад».

Генерал Жуков присутствовать на трибуне Мавзолея во время парада отказался и с разрешения Верховного Главнокомандующего Сталина находился на своем командном пункте в готовности немедленно принять все необходимые меры, если гитлеровцы в любом количестве, любой ударной группировкой попытаются прорваться к Кремлю.

Советские и зарубежные военные специалисты и политики единодушно отмечали в 1941 году и позднее, что по силе своего воздействия на моральный дух советских войск и всей нашей страны равных параду 7 ноября в Москве нет. Это не просто выигранное, даже очень большое и стратегически важное сражение, это нечто значительно большее и на все времена!

Конец ноября и первые числа декабря 1941 года страна жила в тревожном ожидании – устоит ли Москва? На всех направлениях, которые вели в сторону Москвы, шли ожесточенные сражения. Медленно, но упорно, фашистские войска продолжали приближаться к нашей столице. Вот как рассказывал об этом позднее участник битвы под Москвой старший оперуполномоченный Тюменского управления КГБ майор Адров Илья Васильевич. В 1940 году он поступил в Свердловский педагогический институт. Началась война и он добровольцем пошел в Коммунистический батальон при военно-пехотном училище в городе Свердловске. Но доучиться курсанту не довелось. Фашисты были близко от Москвы, и по приказу командования в августе 1941 года все курсанты были направлены на Западный фронт для обороны столицы. Начал войну молодой курсант вторым номером пулеметного расчета. Бои шли почти ежедневно, и в одном из них Илья Васильевич получил пулевое ранение. После недолгого лечения в Москве боец Адров возвратился в родную 53-ю дивизию Западного фронта, которая вела затяжные бои на ближних подступах к столице.

Как бы то ни было, но одновременно с обороной Москвы Генеральный штаб по указанию Верховного Главнокомандующего в обстановке строгой секретности готовил план контрнаступления под Москвой. Ставка Верховного Главнокомандования и руководство Западного фронта на отчаянные, настойчивые просьбы командиров обороняющих столицу частей о помощи умоляли их потерпеть, продержаться час-другой, или – до конца дня. И вот, наконец, наступило 5 декабря 1941 года. После мощной артиллерийской подготовки и атаки немецких позиций с воздуха, ранним утром 53-я дивизия и весь Западный фронт двинулись в наступление. Фашисты оказы-

вали яростное сопротивление, но неудержимый наступательный порыв бойцов Красной Армии, которые уже устали сидеть в окопах и бесконечно обороняться, остановить было невозможно. Пулеметный расчет Адрова сражался в первых рядах и однажды попал под плотный минометный огонь противника. Илья Васильевич получил тяжелое осколочное ранение и срочно был доставлен в госпиталь. Наше стремительное и неожиданное для фашистов наступление увенчалось успехом, по всему Западному фронту немецкие позиции были отодвинуты от Москвы на 150-200 километров. Это было первое наступление Красной Армии в Великой Отечественной войне. Впереди были долгие и трудные 1942, 1943, 1944 и 1945 военные годы, была битва под Сталинградом и сражение под Курском, освобождение Ленинграда, Минска и Киева. Но больше мы нигде и ни разу не отступали и закончили свой победный путь штурмом Берлина! И наши советские солдаты прошли по улицам германской столицы!

Немало наших земляков, уцелевших в этой невероятно суровой и кровопролитной войне, возвратившись в Тюмень, пришли в первые послевоенные годы в Тюменское управление госбезопасности. В общей сложности 84 сотрудника в различных званиях, от прапорщика до полковника, служили почти во всех горрайаппаратах и в областном управлении НКВД. Управление было создано недавно – 19 августа 1944 года, в условиях еще продолжавшейся войны и, конечно же, нуждалось в опытных кадрах. И это были лучшие во всех отношениях, образцовые чекисты, имевшие бесценный опыт фронтовой и зафронтовой работы. Именно они и стали кадровой основой вновь созданного Управления. Память о них увековечена навсегда, все их имена золотыми буквами отчеканены на мемориальном знаке, подаренном властями города и области тюменским чекистам к 70-летию Управления и открытом 20 августа 2014 года на улице Орджоникидзе, 56 а, рядом с исторической башней, в которой размещается клуб имени Ф. Э. Дзержинского, созданный чекистами еще в 1966 году. К великому сожалению, из всего этого большого списка чекистов-фронтовиков на сегодня остается жив только один, это полковник в отставке Быков Дмитрий Павлович, отметивший свое 92-летие.

А первым начальником Тюменского областного управления НКГБ военного периода был, назначенный 19 августа 1944 года, 42-летний Шатеркин Иван Васильевич, прибывший в Тюмень из Красноярск. Мне, как железнодорожнику по первому диплому, начинавшему трудиться на станции Ачинск Красноярской дороги и ставшему чеки-

стом в Красноярском краевом управлении КГБ, приятно отметить, что Иван Васильевич вырос в семье рядового железнодорожника и уже в 15 лет трудился учеником слесаря в депо на станции Еланская недалеко от Красноярска. Потом, как положено, была служба в армии, затем работа в милиции и прокуратуре, и с 1932 года – в органах госбезопасности Красноярского края, где он прошел путь от оперуполномоченного до заместителя начальника Управления. И еще одно приятное совпадение – сегодня Тюменское управление ФСБ возглавляет прибывший к нам тоже из Красноярска Вадим Васильевич Пятилетов.

Опытный руководитель Шатеркин первоочередной задачей поставил сформировать надежный и боеспособный аппарат оперативных и руководящих работников. Как всегда было заведено у чекистов, в трудную минуту тюменцев поддержали коллеги из Омского управления НКВД и Свердловской межкраевой школы НКВД СССР и помогли своими кадрами.

Основными направлениями контрразведывательной деятельности в условиях еще продолжавшейся войны, а затем и в первые послевоенные годы были для тюменских чекистов, кроме других важных дел: розыск агентов иностранных разведок и, прежде всего, германской разведки, а также скрывающихся от правосудия изменников Родины, гитлеровских пособников и карателей. Чекисты справедливо учитывали, что отдаленность территории нашей области от Центра, ее огромные размеры, сложные природные условия, относительно слабый паспортный контроль – все это попытаются использовать государственные преступники, чтобы в послевоенный период скрыться от справедливого возмездия.

Весьма наглядным в этом плане примером явилось разоблачение и арест Ямало-Ненецким окружным отделом резидента германского контрразведывательного органа «Абвер» Хачатряна, работавшего бухгалтером в гидрологической экспедиции. Всего же за 1941–1950 годы тюменскими чекистами на территории нашей области были выявлены, арестованы и преданы суду десятки сотрудничавших с фашистскими оккупантами полицейских, карателей и старост. Многие из них после задержания были этапированы в другие органы госбезопасности, к местам совершения ими государственных преступлений и там осуждены.

ТЮМЕНСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ ФСБ В ДЕНЬ 70-летия

*Еще не кончилась война,
Еще в Европе громыхало,
В сорок четвертом вся страна
В Тюмени область создавала.
Раз область, значит – КГБ.
А как же, власть и без охраны?
И в те же дни – второй указ,
Чтобы не поздно и не рано.
Есть «красноярские столпы»
В природе, в жизни, в контрразведке.
Но как в Тюмень они пришли,
Вот это случай, видно, редкий.
И было очень хорошо,
Что с красноярской этой горки
На первый пост в Тюмень пришел
Иван Васильевич Шатеркин.
Он твердо знал, с чего начать
И как дела поправить можно.
И стал он кадры укреплять,
Где трудно – ставил там надежных.
И опер наш Сергей Рычков
Сработал четко, без изъяна.
В короткий срок разоблачил
Он резидента Хачатряна.
А с окончанием войны
С фронтов вернулись офицеры.
И для ЧеКа, и для страны
Опорой стали и примером.
К нам в Управление пришли,
Кто «Смери» в войну познать успели.
Работу новую нашли,
Шинели новые надели.
И по Уставу жизнь идет,
Подъемы и отбои снова.
Они на много лет вперед
Явились кадровой основой.*

*Костенко здесь и Чернецов,
Дроздов и Карпов, и Фадеев,
Шашорин, Корнев, Воронцов,
И Фиалковский, и Андреев.
Я знал вас всех и всех любил,
Но с каждым годом список тает.
И хорошо я с вами жил,
Родные, как вас не хватает!
Наставники, учителя,
Никто вас в жизни не заменит.
Пусть будет пухом вам земля,
И мы в бессмертье ваше верим.
Тюмень живет, Тюмень растет,
Задачи новые решает.
И тот же самый Красноярск
Нам снова помощь посылает.
Пришел, на первый пост опять,
Вадим Васильич Пятилетов,
Чтоб наши земли защищать
Нам от Казанки до Сабетты.*

Н. Зензин, 19 августа 2014 года

В октябре 1950 года И. В. Шатеркина вынужденно и срочно Москва переводит руководителем Вологодского управления госбезопасности, а на его место в Тюмень приходит Сергей Иванович Соловьев, 1908 года рождения, имевший к тому времени почти 20-летний чекистский стаж, в том числе последние семь лет на руководящей работе в Москве, Куйбышеве и Марийской автономной республике. Опытный руководитель не стал менять хорошо отлаженную предшественником систему контрразведывательных мер, но на его долю выпала большая перестроечная работа. В 1953 году Москва после смерти руководителя партии и страны Сталина и последовавшего за этим расстрела начальника Министерства госбезопасности Берии проводит, не совсем понятно по каким мотивам, или, как шутили ветераны, «с какого перепугу» – слияние двух существовавших на тот момент различных ведомств – МГБ и МВД, чекистов и милиции, в одно Министерство внутренних дел. Задачи и функции у людей разные, но их попытались подвести под какую-то общую крышу. И «прожили» они

под этой крышей совсем недолго, всего около года. Правда, чекисты за это время успели поделиться с милиционерами своей оперативностью в раскрытии преступлений, дисциплиной и исполнительностью, организованностью и культурой в работе.

13 марта 1954 года постановлением Правительства страны создается Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР, новое ведомство с правами министерства, просуществовавшее более 24 лет, до 5 июля 1978 года. При разделении скороспелого и неудачного МВД Соловьев остается начальником в милиции, а руководителем Тюменского управления КГБ при СМ СССР назначается 49-летний уроженец Орловской области Александр Николаевич Северухин с богатой и интересной чекистской биографией. В органы госбезопасности он пришел в 1929-м, с 1937 по 1941 год возглавлял поочередно городские отделы в Славуте и Чугуеве на Украине, затем трудился в Особом отделе Харьковского военного округа. С началом Великой Отечественной войны сражался на Южном фронте, в конце 1942 года был тяжело ранен. Лечение и восстановление проходило довольно долго и трудно. В 1946-м он продолжил службу в органах военной контрразведки «Смерш», затем был назначен начальником Управления МГБ по Горьковской области, откуда в 1954 году полковник Северухин А. Н. прибыл в Тюмень.

На начальном этапе своей работы в Тюмени, в связи с проходившей в этот период реорганизацией органов госбезопасности в стране и изменениями в штатной структуре Тюменского управления, Александр Николаевич много внимания уделял кадровым вопросам. В это же время на территории области быстрыми темпами разворачиваются изыскательские работы по выявлению нефтяных и газовых месторождений, на Севере одна за другой создаются геологоразведочные экспедиции, в Тюмени открывается геологическое управление. Перед чекистами возникают новые задачи по контрразведывательному обеспечению геологоразведочных работ: предотвращение чрезвычайных происшествий, таких, например, крупных, как выброс газа и длительное бесконтрольное фонтанирование скважины в Березовской экспедиции, а также сохранение государственных секретов и розыскная работа в новых условиях.

Закончившийся 25 февраля 1956 года XX съезд КПСС осудил культ личности Сталина и поставил перед органами КГБ задачу – восстановить законность и справедливость в отношении всех советских граждан, необоснованно подвергшихся репрессиям. Предстояло

пересмотреть не одну сотню уголовных дел на тюменцев, осужденных по статье 58 УК РСФСР за антисоветскую деятельность, хранившихся в архивах Тюменского управления. Северухин создает под руководством начальника следственного отделения Г. Ф. Малиновского ударную группу в составе старшего следователя В. В. Шашорина и старших оперуполномоченных Д. П. Быкова и С. Е. Рычкова, уже имевших опыт оперативно-следственной работы.

Почетный чекист и полковник в отставке, ныне здравствующий Дмитрий Павлович Быков, 16 сентября 2016 года в трехчасовой беседе с автором рассказал, что указанные весьма опытные следователи и оперативники в ходе ежедневной кропотливой работы вскоре стали замечать, что многие уголовные дела против так называемых «врагов народа» сделаны почти под копирку. Начинались они, как правило, с устных заявлений граждан, вещественные доказательства обычно отсутствовали, вину подсудимых выстраивали на показаниях «подельников» или самооговорах и таким образом рождались неправомерные, противозаконные приговоры. Причем первые показания «виновных», где они отрицали предъявленные обвинения, в корне отличались от последующих, где они уже «признавались» во враждебной деятельности, а это говорило о применении к ним мер физического или иного воздействия. Дмитрий Павлович привел конкретный пример, как, тогда еще капитан, Быков пересматривал уголовное дело на группу литовских националистов под условным наименованием «Моль-2». При заведении дела все было выполнено почти по приведенной выше схеме, законных оснований для возбуждения этого уголовного дела, по которому было арестовано шесть человек, Быков не нашел, результаты и свое мнение доложил старшему группы Малиновскому. Вместе с ним допросили еще работавшего в Управлении руководителя, возглавлявшего оперативные мероприятия по делу «Моль-2», сомнения следователей нашли полное подтверждение. Ими было вынесено Постановление о реабилитации привлеченных к уголовной ответственности лиц, а указанный руководитель из органов был уволен. Фамилию его называть не буду, он уже умер, а его родственники проживают в нашей области и они никакого отношения к этому делу не имели.

Фронтвики – кадровая основа Управления

В начале шестидесятых годов оперативная обстановка в Тюменской области начала быстро изменяться, и эти изменения стремительно нарастали с каждым годом. Бурное начало создания и развития нефтегазового комплекса в Западной Сибири, строительство в области особо важного оборонного объекта № 319, введение на севере области пограничного режима и закрытых для посещения иностранцами районов привело к заметному и повышенному интересу спецслужб противника к нашей области.

Чекисты-фронтвики, ставшие кадровой основой Тюменского управления госбезопасности, щедро передавали свой богатый опыт новому поколению сотрудников, пришедших в Управление в 60-е и 70-е годы. Подполковник Бабкин П. А., полковники Быков Д. П., Костенко Г. Г., Чернецов А. Б. и многие другие чекисты подготовили и оставили после себя надежную смену. Позднее их воспитанники возглавили ведущие отделы Областного управления КГБ, а также окружные, городские и районные аппараты госбезопасности на севере области.

Поколения тюменских чекистов меняются, но боевые, оперативные и патриотические традиции, заложенные еще фронтвиками, для которых судьба Отечества была превыше всего, остаются. В своем поздравлении 20 декабря 2014 года в день работника органов государственной безопасности и в год 70-летия образования Тюменского управления КГБ губернатор области Владимир Владимирович Якушев отметил: «Тюменским сотрудникам госбезопасности всегда приходилось решать неординарные задачи. Так было и сразу после образования нашего региона, северные и южные границы которого совпадают с государственными границами страны, и в годы создания Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Не менее сложные проблемы решаете вы и сегодня, обеспечивая безопасность на стратегических объектах, противодействуя активности иностранных разведывательных служб». И надо прямо сказать, что тюменские чекисты сегодня по своим оперативным показателям шагают в ногу с тружениками самой передовой в стране экономики Тюменской области и занимают лидирующие позиции среди других управлений госбезопасности Российской Федерации. Недаром на щите нынешних тюменских чекистов начертано: «Преданность Отечеству. Верность Конституции России. Гордость за службу делу обеспечения государственной безопасности».

Автор этих строк пришел в Тюменское управление КГБ СССР в январе 1962 года. Мне посчастливилось работать рядом со многими чекистами-фронтниками. Не знаю уж, это какое-то совпадение или счастливый случай, но на оперативной работе, на передовых рубежах контрразведки стояли офицеры, прошедшие по дорогам войны в подразделениях «СМЕРШ». Всех назвать невозможно, но своих учителей, непосредственных руководителей, а также тех, с кем бок о бок приходилось осваивать и решать непростые оперативные задачи, обойти никак нельзя.

Один из первых участников Великой Отечественной, с кем свела меня оперативная работа, был Дмитрий Павлович Быков, который в то время курировал режимный объект № 319 недалеко от Тюмени. Теперь уже можно кратко рассказать историю этого чрезвычайно важного и тогда особо засекреченного объекта. Ракетные войска стратегического назначения в СССР были созданы по решению Правительства в конце 1959 года, а их первым главнокомандующим назначен участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза маршал артиллерии Неделин. Он лично организовывал выбор районов позиционирования и строительство стартовых объектов ракетных войск. В мае 1960 года по его указанию 41-я ракетная дивизия из-под Омска должна была перебазироваться в Тюменскую область. Командир дивизии полковник Константин Глушич прибыл в Тюмень, изучил обстановку и принял решение расположить штаб дивизии в районе Богандинской. Именно там военные строители уже сооружали стартовый комплекс межконтинентальных баллистических ракет. В декабре 1961 года ракетный полк дивизии принял этот объект и заступил на боевое дежурство. Однако позднее, в результате предательства сотрудника военной разведки Олега Пеньковского, завербованного спецслужбами США, а также после космических съемок американскими военными спутниками, координаты некоторых оборонных объектов страны, в том числе и нашего, тюменского, стали известны противнику. Работа важного объекта под Богандинской продолжилась до 1974 года, но затем пусковые шахты были приведены в негодное состояние, а ракетный полк передислоцировался на новое место базирования. Объект утратил свое первоначальное значение и перестал быть секретным.

Но вернемся в январь 1962-го. В моем оперативном обслуживании было большое железнодорожное хозяйство, от станции Тюмень до Ишима и Называевской. Объект Дмитрия Павловича примыкал железнодорожной веткой к станции Богандинская, и здесь наши

интересы завязались в плотный узел. Все, что двигалось на объект и с объекта – строительные материалы, оборудование, специальное вооружение, люди, – все это шло через моих железнодорожников. Поскольку Быков работал в окружении своего объекта сравнительно давно, он прекрасно знал обстановку, имел хорошие официальные связи и оперативные позиции. Он познакомил меня с начальником Особого отдела объекта майором Ложкиным, с которым у нас сложились отличные деловые отношения. Я начинал практически с нуля, и Дмитрий Павлович стал для меня консультантом, наставником, советчиком и прекрасным товарищем. Дмитрий Павлович не ограничивался кабинетными беседами, не раз мы пересекались с ним на театре оперативных действий, а иногда участвовали в совместных, довольно интересных мероприятиях. Например, по группе установленно американского разведчика полковника Орби, который совершал в конце шестидесятых годов разведывательную поездку с тремя помощниками по железной дороге от Москвы до Владивостока.

В этих целях они в Москве заняли отдельное купе поезда Москва – Владивосток, вооружились аппаратурой ночного видения, дозиметрами, мощной фотоаппаратурой и электроникой. Центр всем областным управлениям КГБ по трассе следования дал указание воспрепятствовать сбору разведывательной информации, выявлять и документировать конкретные попытки сбора шпионской информации, доводить до американских разведчиков дезинформацию.

Быков Д. П. с Особым отделом режимного объекта организовал мероприятия «на земле», приостановив на момент проследования поезда с американскими разведчиками радиоэлектронную и любую другую деятельность всех подразделений объекта, исключив появление военнослужащих и военной техники на близлежащих железнодорожных станциях. Я проводил работу в составе поезда.

На станции Богандинская по расписанию этот скорый поезд остановки не имел и следовал напроход. В конце станции вправо уходила железнодорожная ветка на режимный объект, мы заранее отгородили ее грузовым составом от главного пути, по которому следовали иностранцы. Однако американцы через просветы между вагонами и на выходе со станции провели ее фотографирование. Нам удалось этот момент зафиксировать.

В плане дезинформации американцев мы двух наших чекистов, Баржина П. Д. и Позднякова Н. И., одели в полевую форму пехотных

полковников, дело было летом, во взаимодействии с нашими свердловскими коллегами посадили в соседний с американцами вагон и отправили до Ишима. Все было логично, в Свердловске дислоцировался штаб Уральского военного округа, а в Ишиме стояла военно-автомобильная часть технического назначения. По прибытии поезда в Ишим на перрон станции, в зоне хорошей видимости американцев, въехали два армейских УАЗа, наших полковников встретила группа военных, все расселись по машинам и оперативно уехали в город. Американские разведчики все это сфотографировали, а мы с перрона и из соседнего вагона аккуратно «задокументировали» их действия.

Все чекистские мероприятия по иностранцам проводились под руководством и при постоянном оперативном контроле со стороны одного из Главных управлений КГБ СССР, работа была хорошо организована по всей трассе от Москвы до Хабаровска.

В конце маршрута, в Хабаровске, четверка разведчиков во главе с полковником Орби была задержана, собранные ими материалы и разведывательная аппаратура у них были изъяты. Поскольку все они были дипломаты, аккредитованные в СССР, они обладали соответствующим иммунитетом при задержании и аресте, поэтому их препроводили в Москву, а позднее выдворили из Советского Союза. Тюменские чекисты, готовившие и проводившие свою часть этой операции, естественно, были поощрены Комитетом госбезопасности. По итогам проведенной операции однозначно были сделаны выводы о том, что американцы из космоса сумели выявить отдельные наши оборонные объекты и теперь активно ведут их «наземную» доразведку.

В 1968 году Дмитрий Павлович был направлен на работу в Ямало-Ненецкий окружной отдел в город Салехард, а в 1974 году выдвинут на должность начальника Ханты-Мансийского отдела Управления КГБ, где проработал до августа 1985 года. Он отметил, что в период службы в Ханты-Мансийске руководством Тюменского областного управления КГБ направлялся в заграничные командировки в целях контрразведывательного обеспечения группы наших туристов, выезжавших за рубеж. Поездка закончилась благополучно, после чего Быков получил звание «Почетного чекиста». В 1985 году по выслуге лет ушел на вполне заслуженный отдых.

И здесь, наверное, самое время рассказать о страстном увлечении полковника Быкова. Еще в далеком детстве его отец Павел Алексеевич Быков, участник и инвалид Первой мировой войны,

заядлый рыбак и охотник, каждый раз, отправляясь на рыбалку или охоту, непременно брал с собой старшего сына Дмитрия. И научил, и приучил на всю оставшуюся жизнь. Разумеется, и в Салехарде, и в Ханты-Мансийске азартному охотнику Быкову было где разгуляться. Все шесть лет службы в Салехарде Дмитрий Павлович был близко знаком с замечательной семьей коммунистов Патрикеевых, и на почве охоты, и по оперативной деятельности. Причем одно дополняло другое и помогало в вопросах конспирации. Глава семьи – Патрикеев Борис Владимирович вместе с женой Анфисой Кузьмовной оказывали существенную негласную помощь сотруднику КГБ Быкову, а с их взрослым сыном Новомиром Борисовичем Патрикеевым, 1932 года рождения, они регулярно встречались и в городе, и на охоте. В настоящее время ветеран контрразведки Быков Д. П. и академик Академии естественных наук Российской Федерации, журналист и писатель Н. Б. Патрикеев живут в Тюмени и достаточно часто, в силу возраста и здоровья, общаются между собой по телефону.

Тюмень, оказывается, не такая уж большая. Мне с Новомиром Борисовичем удалось познакомиться через молодого врача, мою внучку Зензину Евгению, которая замужем за его внуком Патрикеевым Федором. Теперь мы с Новомиром Борисовичем встречаемся каждый месяц в областной библиотеке имени Д. И. Менделеева на литературных творческих вечерах Тюменского отделения Союза писателей России, говорим о жизни и творчестве, обмениваемся написанными книгами. Мы ведь, практически, одногодки, он всего на один год старше меня. Удивительно корректный, скромный человек, прекрасный писатель, замечательный собеседник.

Заканчивая рассказ о «северных» делах Быкова, хочу отметить, что не раз летал в служебную командировку в Ханты-Мансийск в его отдел и всегда получал самую полную помощь и поддержку, даже бывал у него дома в гостях. Его супруга, очень приветливая и хлебосольная хозяйка, Мария Павловна неизменно угощала нас прекрасными рыбными блюдами.

Моим первым начальником отдела и, пожалуй, основным учителем и наставником был полковник Чернецов Анатолий Борисович. Войну он начинал младшим сержантом, командиром взвода охраны отдела контрразведки «СМЕРШ» в 38-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, затем там же был переведен на оперативную работу. С 1948 по 1976 год трудился в Тюменском управлении госбезопасности, где прошел путь от оперуполномоченного до начальника самого крупного ведущего отдела Управления КГБ. В эти же годы,

без отрыва от производства, он, как Быков и многие другие фронтовики, получил высшее образование. Ведь на фронт в суровом 1941 они, 18-19-летние, уходили, едва закончив среднюю школу. Орден Славы, орден Отечественной войны и многочисленные медали украшали его грудь.

Общаться по работе с ним приходилось постоянно, двери его кабинета были всегда открыты для любого оперработника. Со временем у нас с ним возникла взаимная симпатия, я старался работать хорошо и никогда не подводить его. А он общался со мной и по инструкции, так как был сторонником строгого порядка на службе, и находил время для чисто человеческих теплых бесед. Разница в возрасте, а он на 12 лет старше меня, нас почти не разделяла. Как-то он пожаловался, что весь день и особенно после 18-19 часов к нему идут оперработники с разными вопросами, а ему самому надо заниматься анализом, обдумывать какие-то стратегические направления в работе, решать проблемные вопросы. Когда он идет на доклад к начальнику Управления, он же должен иметь определенные выводы и четко сформулированные предложения. А на это времени в кабинете остается мало, домой секретные документы не возьмешь. Вот и приходится или «вечеровать», или загружать все это в голову и додумывать дома, порой лежа в постели. Иногда решение приходило, по его словам, как тобольскому химику Дмитрию Менделееву его таблица, во сне, где-то под утро. Анатолий Борисович успел до этого поработать начальником Тобольского горотдела и любил рассказывать интересные эпизоды об этом славном городе и его известных обитателях.

Зная мою увлеченность футболом и хоккеем, он однажды посоветовал мне: «Ты вот вечером после своего футбола, прежде чем спать, загрузи голову, например, проблемой изучения иностранцев в поездах, а утром придешь ко мне с готовым решением». Сказано это было полшутя-полусерьезно, я ответил в его же тоне: «Анатолий Борисович, какая перезагрузка в постели, если под боком молодая жена?».

С грустью в голосе он негромко ответил, что после трудного напряженного дня не всегда торопится домой, бывает, спит отдельно от супруги Веры Ивановны, сказываются военные болячки, да и сейчас работы очень много, и сердечко иногда беспокоит. Мы знали, что он все принимает близко к сердцу, не умеет накричать на кого-то и разрядиться, все вежливо и тихо, а это оставалось внутри, копилось на сердце. Оно, в конце концов, и не выдержало. Иногда говорят: сгорел на работе. Это – про него. Ушел он из жизни, конечно же, рано

и на заслуженном отдыхе пожил мало. Мне хорошо запомнилась такая деталь из церемонии его проводов на пенсию. Разумеется, все выступавшие высказали ему много теплых, добрых слов за совместную работу, поблагодарили за оперативную науку, пожелали долгих и счастливых лет жизни. В ответном слове он был краток. С валидолом под языком, такие волнительные процедуры без валидола уже не выдерживал, он поблагодарил всех за добрые слова и добавил с дрожью в голосе: «Я ухожу с большим сожалением, не все еще сделано, что хотел, но я вам оставляю своего сына!». Его сын Чернецов Анатолий недавно был принят на оперативную работу в Управление КГБ.

Главным в работе полковника Чернецова было высокое чувство ответственности за порученное дело. Для него не было больших или маленьких задач. Он нам не раз повторял, что в разведке и контрразведке важно все, здесь мелочей не бывает. Именно на мелочах нередко случаются провалы, так как оперработник не обратил на них вовремя внимания.

Я это все хорошо прочувствовал, когда готовился с помощью Анатолия Борисовича к своей первой встрече с установленным разведчиком. Поскольку это был мой первый выход на такое серьезное дело, Анатолий Борисович волновался не меньше меня и наставлял особенно тщательно: «Самое главное – не спеши и не лезь впереди паровоза, никак не выказывай своей заинтересованности».

А дело было так. Жарким летним днем 1966 года областные управления КГБ по трассе Москва – Тюмень – Омск и далее получили из столицы шифровку о том, что очень опытный разведчик одной из стран главного противника, работающий в Москве под прикрытием журналиста, специализирующийся на объектах железнодорожного транспорта и в совершенстве владеющий русским языком, взял билет на поезд Москва – Пекин на весь маршрут. Задача – выяснить цель его поездки, воспрепятствовать возможному сбору разведывательной информации, довести до него дезинформационные материалы.

В районе станции Пермь иностранца, приняв его за русского, обчитала официантка вагона-ресторана, а директор ресторана, к которому он обратился, еще и нагрубил. Иностранец настойчиво ищет начальство, которому можно пожаловаться. Мы в Тюмени предположили, что это может быть и как предлог для выхода на какого-то руководящего работника железной дороги, чтобы попытаться получить нужную информацию. Срочно решаем, согласовав с Москвой, «подставить» разведчику опытного оперработника в форме железнодо-

рожного начальника. Выбор пал на меня, так как я окончил железнодорожный институт, два года работал инженером на железной дороге и уже несколько лет курирую объекты транспорта. Правда, с установленным разведчиком пока напрямую не контактировал. Опытные коллеги напутствовали: при установлении контакта не проявлять никакой инициативы, первые шаги от него.

В Тюмени все рассчитали по минутам, я в форме старшего инженера-железнодорожника входил в вагон в тот момент, когда выходил иностранец. Деловым тоном попросил проводницу, которая заранее была проинструктирована, поискать свободное купе, так как еду на совещание и мне надо поработать. Он, конечно же, это слышал.

Расположившись в купе, разложил на столе настоящие графики движения поездов, сводки, отчеты и приступил к работе. Дверь оставил приоткрытой, было жарко и почти все купе в вагоне были открыты. Минут через тридцать боковым зрением заметил, что «знакомые брюки» расположились наискосок от моих дверей. Еще минут через двадцать так нужный мне пассажир постучал в дверь и вежливо спросил:

– Извините, я могу к Вам обратиться?

– Наверное – да, но до обеда я занят. Если только в обед и, может, в ресторане?

– Тогда разрешите составить Вам компанию, тем более, что мой вопрос касается работы ресторана.

– Хорошо, но это не раньше, чем через час-полтора.

Времени у меня было достаточно, до Новосибирска ехать 18 часов и форсировать события не стоит. «Поработав» с документами еще около часа, я надел китель и вышел в коридор. Мой визави курил около тамбура и, похоже, ждал меня.

В ресторане официантка среагировала на мои командирские регалии и оперативно обслужила нас, предложив дефицитное тогда пиво. Разговорились. Инициативу я умышленно уступил соседу. Он рассказал, что работает в Москве в солидной столичной газете, едет по заданию редакции, собирает материалы о работе транспорта и жизни железнодорожников. Рассказал о конфликте с официанткой и директором ресторана, попросил совета, как ему быть дальше. Я ответил, что тружусь в службе движения, вагоны-рестораны и их штаты подчинены Москве, и ему надо по возвращении обратиться с официальной жалобой в Управление Московской железной дороги, пояснил, как его найти. Он поблагодарил «за помощь» (его выражение) и попытался за меня рассчитаться, но я решительно отказался. Тогда веж-

ливо, но настойчиво, с моего согласия он заказал еще пару бутылок пива, чтобы выпить их в купе. Я мысленно похвалил его – молодец, умеет легко общаться, находчив, все просчитывает вперед. Ему же надо говорить со мной, и не в коридоре или ресторане, а в купе, там проще и откровеннее. Я в купе один.

Пришли, сели, пьем. Китель мой висит, графики лежат на столе. Но это могут быть и декорации. И он начинает меня проверять. Говорит, чтобы его статьи были правдивыми и интересными, ему надо вникать во все вопросы, в том числе и профессиональные. Например, он видел на путях электровазы марки ВЛ-22 и ВЛ-22М, а какая между ними разница? Как называется устройство на крыше электровазы, которое то поднимается, то опускается? Ответ, что это пантограф или токосниматель, даже записал в блокнот, так как раньше якобы не слышал такого слова. Поговорили о рекуперативном торможении, об уклоноуказателях, перспективах электровазной и тепловозной тяги. Получив исчерпывающие ответы, мой собеседник как будто успокоился, но его активность не ослабла, и он перешел на другие проблемы. Причем вопросы следовали один за другим:

– Вы – командир, а как живут рядовые железнодорожники, которые стучат молоточками по колесам и работают на путях в оранжевых куртках? Они постоянно на земле и рядом с составами. У вас под боком Урал, а на востоке – Красноярск, через Тюмень могут возить любые грузы – химические, взрывоопасные или радиоактивные. Разве это не может не влиять на здоровье железнодорожников?

– Вы – ракетная держава, и ракеты возят туда-сюда, у них ядерные боеголовки, а от них могут быть вредные излучения.

Спокойно выслушав, я сказал, что у нас есть железнодорожный профсоюз и свои медработники, они все это знают, учитывают, проводят ежегодные обследования тружеников транспорта, следят за здоровьем людей, а я – инженер, у меня другие заботы.

– Но могут же быть ЧП, химические отравления, превышение радиации, кто-то заболит?

Я терпеливо ответил на все, но пояснил, что это вопросы не по моей специальности. Извинившись, он заявил с улыбкой, что если его статьи в газете будут только про хорошие квартиры и уютные детские сады, кто их будет читать? Нужны острые темы и яркие примеры.

В руках он вертел пачку сигарет. Я предложил сделать перекур – ему в тамбуре, так как в купе курить запрещено, а мне в туалетную комнату. Так как он задал мне уже около тридцати вопросов, а беседа продолжалась, я прошел в туалет и коротко, буквально отдельными

словами, занес нужные мне вопросы в записную книжку, чтобы освободить голову для новых.

По возвращении в мое купе он произнес, как мне показалось, уже заранее заготовленную фразу: «Давайте оставим острые вопросы и поговорим по чисто техническим проблемам. Например, СССР наращивает промышленное и сельскохозяйственное производство, значит, увеличиваются грузопотоки, вы создаете новые, более мощные тепловозы и вагоны. А как железнодорожный путь? Какие там лежат рельсы, смогут ли они все это выдержать? Тем более, что Тюмень «работает» на главном ходу, на Транссибирской магистрали». Как в детской игре – «уже теплее», я ждал этого вопроса. Мы оба очень удачно «приплыли», наконец, к теме, которая интересовала в данном случае обе стороны – и «журналиста», и чекиста. И «журналист» очень аккуратно и осторожно подвел меня к этой теме. Ну что тут можно сказать, просто молодец! Учитесь, ребята!

Дело в том, что в ту пору наше военное ведомство в обстановке строгой секретности решало вместе с очень узким кругом специалистов железных дорог одну весьма важную проблему повышения обороноспособности страны, которая в техническом плане была связана с усилением рельсовых путей, что в целом соответствовало генеральной линии советского правительства на модернизацию всего железнодорожного транспорта страны. Разговора вокруг этой важной темы мы с Анатолием Борисовичем Чернецовым ждали более всего и заранее к нему подготовились.

Внутренне улыбнувшись, я ответил: «Да, мы уже построили мощные восьмиосные цистерны для наливных грузов и большегрузные вагоны под уголь и руду, есть и новые, более мощные тяжелые тепловозы. Одновременно работаем над усилением пути». И вот здесь его вопросы зазвучали конкретно и профессионально, как будто он их подготовил заранее: «Какие рельсы работают сейчас, какие их новые марки вы изготавливаете, где будете укладывать, ведь нельзя заменить все сразу от Москвы до Владивостока? Кто планирует укладку новых рельсов, как это будет осуществляться – по участкам или по направлениям, где такие рельсы уже уложены, есть ли они в Тюмени? Какие будут общие финансовые расходы, и справится ли с ними одно Министерство путей сообщения или потребует помощь Министерства обороны с его более мощным бюджетом, когда все это окупится? Учитываются ли при этом какие-то интересы вашего могучего оборонного комплекса?».

Я спокойно ответил, что все планирует и финансирует Москва, пока у нас рельсы марки Р-60 и Р-65, менять будем на более мощные Р-70. Конечно, не сразу, а выборочно, в первую очередь, в самых грузонапряженных регионах: Московский узел, Урал, Кузбасс. Свердловчане уже замену начали, но у них свои рельсопрокатные заводы. Тюмень пока не меняла (а вот здесь я соврал). Все заявки по стране и результаты выполненных работ более точно можно получить в Москве, в Министерстве путей сообщения. Считаю, что ответил хорошо и даже дал точный адрес, куда обратиться, если что не устроило.

Вопрос усиления путей его явно интересовал больше других, он под разными углами пытался уточнить, а где эти работы уже проведены, что делается сейчас и что есть в планах МПС. Я отвечал коротко, сдержанно, ссылаясь на ограниченные в данном случае сведения, которыми располагаем мы в Тюмени. Полагая для себя оперативный интерес достаточно проясненным и учитывая, что «журналист» с отдельными вопросами уже начинает повторяться, сказал ему, что хочу перед совещанием немного отдохнуть. Он поблагодарил за беседу и удалился в свое купе.

В Новосибирске меня встретили товарищи по оружию, сразу проехали в Управление КГБ. По оперативной связи я доложил Москве о результатах поездки, отметив повышенный интерес иностранца к проблемам усиления железнодорожных путей и оборонных перевозок. По характеру вопросов можно было предположить, что иностранная разведка уже располагает какой-то первичной информацией по проводимым у нас работам по модернизации путей и специальным перевозкам.

Москвич одобрил мои действия и сказал, что по этой информации будут немедленно ориентированы все областные управления КГБ по маршруту следования разведчика.

Это было в конце лета. А 20 декабря, в день чекистов, начальник Управления И. П. Лобанов вручил мне Почетную грамоту, подписанную Председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым. Приятно, что это была первая в Тюменском управлении грамота, подписанная Председателем КГБ. При получении грамоты я сказал, что заработал ее вместе со своим руководителем – полковником Чернецовым Анатолием Борисовичем.

Непреренно и подробно хочу рассказать еще про одного фронтовика, подполковника Хоботова Валентина Николаевича, так как

именно его, бывалого смершевца, отдел кадров приставил к нашей группе молодых чекистов в 1962 году. Уж его-то мы на занятиях порасспрашивали обо всем, даже о том, как нашел на фронте свою любовь – медсестру, красавицу Халису и как женился на ней, не дожидаясь Победы.

Хоботов в 1941 году успел окончить Пензенское артиллерийское училище и ждал приказа об отправке на фронт. Но его, как одного из лучших курсантов, пригласили в Особый отдел училища и предложили работу в контрразведке. Отказать не мог. На переучивание дали всего один месяц – и сразу на передовую. Младшего лейтенанта Хоботова назначили оперуполномоченным Особого отдела НКВД в 67-й стрелковый корпус Белорусского фронта. С боями, вместе с армией, он прошел все круги ада 1941 года. Все было в непростой судьбе чекиста: и отступления, и окружения, и прорыв к своим. Затем новое назначение – в отдел контрразведки «СМЕРШ» 61-й армии Белорусского фронта, с которой он освобождал Белоруссию и Польшу, до Победы прошагал по германской земле. А в Тюмень добрался вместе с любимой женой только в конце 1946 года и сразу был принят на работу в Областное управление госбезопасности.

Валентин Николаевич отличался острым умом, находчивостью, постоянным оптимизмом и юмором, учил нас, молодых, творчески относиться к оперативной работе, приводил яркие примеры из своей боевой практики.

Так, в трудный для Красной Армии период 1941–1942 годов, немцы на передовой линии в минуты затишья через громкоговорители кричали на русском языке о нашем неизбежном поражении и призывали советских солдат переходить на их сторону. Самолеты сбрасывали на наши позиции листовки такого же содержания. И находились малодушные люди, которые в вечернее время, прикрепив к штыку винтовки белый флаг, короткими перебежками уходили к немцам. Беседы командиров, политинформации комиссаров с военнослужащими результата не давали. Тогда наши контрразведчики придумали и провели такой маневр. Нашли двух смельчаков из солдат, разъяснили им важность задания, дали по автомату и связке гранат, попросили вечером с белыми флажками имитировать переход на сторону врага. А когда до немецких окопов останется немного, встать в полный рост и бежать в сторону фашистов. Так и проделали. Немцы заметили перебежчиков, да еще сразу двоих, повысовывались из окопов и радостно махая руками, приветствовали их. Наши герои,

не добежав метров 15-20 сходу, в упор стали расстреливать немцев из автоматов, а потом забросали гранатами, развернулись и стремительно рванули назад. Заранее подготовленные оперативниками пулеметы слева и справа, чтобы не зацепить своих, стали поливать фланговым огнем немецкие окопы, не давая фашистам поднять головы.

Герои получили заслуженные награды, а тем, кто спрашивал про стрельбу, пояснили, что это была обычная стычка разведчиков с фашистами при возвращении из-за линии фронта. Но когда следующие перебежчики попытались уйти к немцам, те стали их уничтожать, не подпуская к окопам. Больше попыток перейти на сторону врага не отмечалось.

Что касается борьбы с агентурой «Абвера», шпионами и диверсантами, Хоботов очень взвешенно и толково рассказал, что немецкий «Абвер» был на тот момент одной из лучших спецслужб мира. Но мы оказались сильнее, «СМЕРШ» переиграл «Абвер». У немцев не было хорошей социальной базы для вербовки своих агентов, для этого фашисты использовали, в основном, военнопленных, перебежчиков и даже уголовный элемент. Советским контрразведчикам добровольно помогали солдаты и офицеры воинских частей, местное патриотически настроенное население. Наши люди сражались за свою землю, за Родину, за Победу.

В общей сложности в «СМЕРШЕ» на всех фронтах служили всего несколько тысяч оперработников, примерно один чекист на тысячу бойцов. Но за все годы войны наша военная контрразведка обезвредила более 30 тысяч шпионов, около 3500 диверсантов и свыше 6000 террористов. Трудно представить себе степень возможного ущерба для частей Красной Армии и для страны в целом, если бы все запланированные фашистами диверсии и теракты были приведены в исполнение, если бы все заброшенные к нам агенты смогли собирать и передавать информацию в шпионские центры противника.

Этого не случилось и не могло случиться, потому что нашествию фашистов противостоял весь наш народ, вся страна и сильная, опытная советская разведка и контрразведка. Вот потому Победа и пришла на нашу улицу!

Хочу рассказать про близкого мне по духу, чекистской службе, стрелковому спорту, по увлечению стихосложением участника Великой Отечественной войны, почетного чекиста, полковника в отставке Николая Александровича Бабушкина. Родился он в 1923 году в селе

Кирга Ирбитского района Свердловской области. Вскоре отца направили на работу в Управление Уральской железной дороги, и семья переехала в город Свердловск. В возрасте десяти лет потерял отца, а еще через три года умерла мама. По решению попечителей, Николай вместе с младшими братом и сестрой передал на воспитание мамину брату Федору Александровичу Федорову, работавшему в Нижнетагильском городском отделе НКВД.

Николай с детства мечтал о самолетах. После школы-семилетки поступил в техникум, а вечерами занимался в местном аэроклубе, прыгал с парашютом, осваивал легкомоторные самолеты. Но 22 июня 1941 года началась война, всех курсантов аэроклуба сразу призвали в армию и направили в авиационную школу под Биробиджан. Прошел подготовку на боевых машинах ИЛ-16, но пилотов оказалось больше, чем пригодных для боевых действий самолетов. И Бабушкин вместе с другими летчиками по приказу руководства едет на фронт в 551-й саперный батальон, в отделение разведки. Первое боевое крещение и первое ранение получил в районе знаменитой Старой Руссы. Сражался достойно, но постоянно писал и просился в авиацию. Просьбу старшего сержанта, наконец, удовлетворили и направили в 167-й гвардейский штурмовой авиаполк. Места в первой кабине за штурвалом не нашлось, посадили во вторую кабину «задом наперед» воздушным стрелком, в качестве которого сражался до конца войны. В составе штурмовой авиадивизии Второго, а затем Третьего Украинских фронтов прошел Молдавию, брал Бухарест, освобождал Белград. День Победы встретил в Югославии. За мужество и героизм в боях с фашистскими захватчиками награжден боевыми орденами и медалями, получил 14 благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

После демобилизации, не имея специальности, устроился инспектором Ирбитского городского ЗАГСа Свердловской области, влюбился в молодую заведующую Таисию Захарову, на которой вскоре женился. В 1951 году окончил Свердловскую юридическую школу, работал по направлению в Тюменском областном суде и заочно учился в Свердловском юридическом институте. Летом 1958 года прошел собеседование с помощником начальника Тюменского управления КГБ по кадрам полковником И. С. Матросовым и начальником УКГБ А. Н. Северухиным, и первого ноября того же года старший сержант Бабушкин стал следователем следственного отделения Управления. Немного позднее те же Матросов и Севе-

рухин приняли в контрразведывательный отдел Управления оперуполномоченным младшего лейтенанта Н. Зензина.

С Николаем Бабушкиным мы близко «сошлись» в стрелковом тире «Динамо». Многократный чемпион области и тренер сборной Управления КГБ по стрельбе Д. Е. Недоростов готовил к очередным соревнованиям команду спортсменов-стрелков Управления. В их числе были следователи В. В. Шашорин и Н. А. Бабушкин, оперработники П. Е. Саржан и Н. В. Зензин. Мы регулярно выступали на межведомственных и областных соревнованиях, выполнили норматив 1-го спортивного разряда по стрельбе из спортивного пистолета. Но всех нас обошел «военный авиастрелок» Бабушкин, он был включен в состав областной сборной команды «Динамо», попал на республиканские соревнования в Москву, на стрельбище в Мытищах занял в одном из упражнений 3-е место и выполнил норматив кандидата в мастера спорта.

Пересекались наши дороги не раз и по оперативной работе, и он всегда был самым внимательным другом и советником. Николай Александрович довольно быстро стал следователем высокого класса. Комитет госбезопасности СССР направляет его в составе следственной группы КГБ в Узбекистан, в город Фергану для расследования уголовного дела об огромных хищениях, которое имело общесоюзный резонанс. По окончании работы Бабушкин был награжден Почетной грамотой КГБ СССР. После этого была еще одна довольно длительная командировка в Душанбе, а потом перевод на постоянную работу сначала в КГБ Киргизской Республики, а с 1968 года в город Ростов. Закончив службу в органах КГБ, Николай Александрович в последние годы снова увлекся стихами и прозой, издал уже дважды, с дополнениями, замечательную книгу о своем боевом пути «Годы мои, годы». Связь наша не прерывается, мы обмениваемся небольшими сообщениями, иногда телефонными звонками и, конечно же, написанными книгами. Он не раз говорил, что в Ростове хорошо, но он все-таки скучает по сибирской земле. А еще мне дороги его слова из письма в Совет ветеранов ФСБ по Тюменской области о том, что он «часто вспоминает тюменских друзей – чекистов В. А. Карпова, Д. П. Быкова, Г. Г. Костенко, Ю. Ф. Степанова, Н. В. Зензина, чьи имена навсегда вписаны в летопись славных дел Управления ФСБ по Тюменской области».

Судьба неласковой бывала

В судьбу можно верить или не верить. Она всегда что-то преподносит и, как учили древнегреческие философы, относиться к этому надо спокойно, как к неизбежному. Но самое главное – при любых жизненных поворотах надо сохранять свое лицо и душу, противостоять любым ударам судьбы. Не припомню в своей биографии каких-то очень болезненных падений или головокружительных взлетов, но неожиданные повороты случались, и не единожды. А еще хорошо помню, что в нашей семье все и всегда много работали.

После напряженных трудовых будней в КГБ сейчас увлекся творчеством, о котором мечтал со школьной скамьи. Написал и издал четыре книги, разумеется, о чекистах и их нелегкой оперативной работе и о наших земляках-разведчиках, участниках Великой Отечественной войны. Сейчас пишу пятую. Подводя итог этому разговору, могу откровенно сказать, что, в основном, все сложилось, и жизнь удалась.

Но начиналось не очень просто. Родился 3 марта 1933 года в селе Солдатском Омской области в зажиточной крестьянской семье. Дедушка Зензин Павел Абрамович имел несколько лошадей и коров, большой дом, в котором проживал с моими родителями – единственным сыном Василием и его женой Евгенией.

В апреле 1933-го в селе стали создавать колхоз – коллективное хозяйство, в то время для села новое слово. Собрания жителей проводили представитель райкома партии и сотрудник НКВД. Собираться пришлось не единожды, но договориться не получалось. Однажды, видимо уставший от дискуссии чекист, в упор спросил деда: «Вы что, вообще против колхозов?». Склонный к шуткам и юмору, дедушка миролюбиво ответил: «Нет, я не против, только не в нашей деревне!». В конце концов, колхоз создали волевым порядком, а моего деда Павла Зензина объявили «кулаком», антисоциалистическим элементом. Скот, сельхозинвентарь и дом передали колхозу, а деда сослали в село Кондинское Ханты-Мансийского округа. Вскоре моих отца и мать из дома выселили, папа с чемоданом, мама с грудным младенцем на руках пошли по селу искать жилье и работу. Так состоялось мое первое знакомство с НКВД. Всего в ссылку отправили более десятка жителей села.

Но мой папа был в своего родителя – грамотный, негнибемый трудоголик. Нашел работу, построил небольшой дом, в котором к лету 1941 года жили уже два сына, 8 и 6 лет, и дочь, четырех лет,

счастливая и дружная семья. Все разрушилось в один день, 22 июня началась война. Отец ушел на фронт в числе первых, а в мае 1943-го пришла похоронка. Папа погиб в боях под Псковом. Мама долго ревела, потом объявила: «Папки больше нет, тебе, Николай, уже 10 лет, теперь ты отвечаешь за дрова, за сено, уход за скотом, ремонт и порядок в доме. Я завтра иду искать работу. А еще надо срочно написать дедушке Павлу в Кондинское про похоронку и чтобы попросил отпустить его домой: нам бы помогал и в колхозе мог работать». Написали, дедушка ответил довольно скоро, но весьма неутешительно. Он с нашим письмом побывал у коменданта ссылки, объяснил, что на фронте погиб его единственный сын и кормилец семьи Василий. Осталась безработная вдова и трое несовершеннолетних детей без средств существования. Павел Абрамович заявил коменданту, что в его приговоре не было сказано сослать пожизненно или на какой-то срок. Он уже отбыл 10 лет, это срок, который дают за убийство. Но он никого не убивал, просит освободить его и отправить к семье и внукам, чтобы помочь им выжить и вырасти. И в колхозе он может пригодиться, там работают почти одни женщины. Комендант возмутился и довольно резко сказал, что в освобожденных от фашистов районах восстанавливают города и села, стране нужен лес. «Партия и товарищ Сталин знают, кто и где должен работать, а ты тут со своими личными вопросами лезешь. Бери топор и шагай в делянку, а я потом проверю, как ты норму выработки выполняешь».

Образования и специальности она не имела, устроилась уборщицей в нашей средней школе. Деревянной, с печным отоплением. Утром до занятий, в холодное время года надо было истопить 12 печей, вечером вымыть пол в 10-и классах, у директора и в учительской. Мы учились здесь же, после уроков работали вместе с мамой. Жили довольно голодно, одевались во что придется.

В 1951 году я закончил школу с медалью, хотел поехать в Москву в литературный, так как с 8-го класса сочинял стихи и мечтал стать поэтом. Мама отговорила, помогать мне она не могла, а одному в столице не продержаться. «В твоей фуфайке только в Москву и ехать», – беззлбно подытожила она. Директор школы нашел в Новосибирске институт военных инженеров железнодорожного транспорта, где давали летнюю и зимнюю формы одежды плюс было трехразовое питание. Они готовили тогда специалистов для Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), которая принадлежала Советскому Союзу. Вот в этот НИИЖТ я и поступил. Но 1953 год принес много разо-

чарований. В марте умер Сталин, КВЖД передали китайцам, наш институт развоенизировали, форму и бесплатное питание отменили, оставили одну стипендию. Чтобы нормально закончить институт, мне пришлось днем ходить на лекции, а вечерами работать. А еще надо было выкраивать время на спортзал, походы в оперный и драматический театры, они тогда в Новосибирске были одними из лучших в стране.

Осенью 1953 года в Кондинске Ханты Мансийского округа умер наш дедушка после 20 лет ссылки. Я находился в Новосибирске, и добраться до Кондинска моей стипендии явно не хватило. Мама поехала на похороны с моим младшим братом Владимиром, который учился в Омском институте физкультуры, там было поближе и помогли родственники. Перевезти и похоронить Павла Абрамовича на родине в Омской области администрация ссылки не разрешила, сказали, что у него не закончился срок ссылки и он не имеет права перемещения за пределы данного поселения. Мама возмутилась: «Мужики, на вас креста нет, какой он ссыльный, он в гробу лежит!». Попыталась обратиться в партийные органы, но коммунисты поддержали администрацию, сказали, что те действуют по инструкции, а инструкцию в таких серьезных органах нарушать нельзя.

Память у меня неплохая, это и от родителей, и 28 лет тренировок в рядах КГБ–ФСБ. Но теперь, когда пишу о довольно отдаленных событиях, для верности заглядываю в свою трудовую книжку или в военно-учетную карточку. В 1956 году я получил диплом и вместе с женой Верой приехал на работу на станцию Ачинск-1 под Красноярском. Первая запись в трудовой -14.08.1956 года: принят дежурным по станции Ачинск. Через год из дежурных по станции меня перевели инженером станции, в задачи которого входило, в том числе, обеспечение секретности и безопасности литерных и специальных перевозок. Начальник станции Ярцев привел меня в кабинет инженера станции, вручил под роспись документы с грифом «для служебного пользования» и передал ключи от сейфа, где надлежало хранить эти документы. Довольно подробно растолковал мои обязанности, связанные со спецперевозками и, конечно же, с обеспечением безопасности движения в целом на узловой станции Ачинск-1.

Вскоре по вопросам спецперевозок со мной стал регулярно встречаться оперработник Красноярского краевого управления КГБ майор Семенов, курировавший станцию Ачинск. У нас с ним сло-

жились довольно теплые рабочие взаимоотношения. Кроме обеспечения секретности и безопасности спецперевозок, иногда мы обсуждали и другие вопросы.

Ежемесячно с отчетами о работе, а иногда на совещания, нужно было ездить в Управление железной дороги в Красноярск, поэтому со временем я неплохо узнал и полюбил этот интересный город и его окрестности, особенно реку Енисей и знаменитые «красноярские столбы», высокие, стройные, мощные скалы вдоль реки. Кстати, позднее понятие «красноярские столбы» приобрело нарицательный характер и так стали называть некоторых известных, сильных местных руководителей. В Красноярске Семенов меня познакомил с кадровиком краевого Управления КГБ, который уже на второй беседе предложил перейти на службу в Управление КГБ и сразу приступить к работе под руководством опытного наставника. На мой вопрос «как вы берете внука кулака?» кадровик достал из своей папки документ, где было написано, что Зензин Павел Абрамович посмертно полностью реабилитирован в 1954 году. Я пояснил, что такого документа наша семья не получала. Был и второй вариант – пройти двухгодичное обучение в школе. Я выбрал учебу, потому что хотел сначала изучить все премудрости чекистской науки, чтобы потом увереннее браться за эту непростую работу. 15 августа 1958 года в моей трудовой появилась такая интересная запись: «С работы уволен в связи с откомандированием в распоряжение Управления КГБ по Красноярскому краю». А вслед за ней и другая приятная отметка: «1 сентября 1958 года приказом № 436 зачислен на службу в войсковую часть 1220». Это означало, что я стал курсантом спецшколы КГБ СССР № 304 в городе Свердловске. В промежутке между 15 и 30 августа успел сдать на станции свои дела и отвезти жену Веру Матвеевну с дочкой к ее родителям в деревню Приозерка Омской области на время моей учебы. В Ачинске осталась хорошая квартира и уютный кабинет инженера станции, в Свердловске на улице Чапаева, 10 получил койку в общежитии и место за партой в учебном классе. Однако, задним числом, честно признаюсь, что никогда в моей жизни, ни до, ни после учебы в Свердловске, не было такой насыщенной, разнообразной и интересной жизни. Говорил тогда и скажу сейчас огромное спасибо преподавателям, кадровикам, всему коллективу специальной школы за все доброе, прекрасное и полезное, что они делали для курсантов и их жен. Мы с заместителем председателя Совета ветеранов управления ФСБ Тюмени генералом В.А.Ефремо-

вым, работавшим ранее в Свердловском управлении КГБ, написали туда запрос по школе №304 и получили неплохой ответ.

Сильное впечатление оставила первая встреча в актовом зале с начальником школы полковником Дорошиным Михаилом Петровичем, который 1 сентября 1958 года объявил о начале занятий. Он очень четко и понятно сказал: «Запомните, друзья, накрепко, что чекистами не рождаются, но чекистами становятся. Только тот будет достоин этого высокого и почетного звания, кто готов настойчиво постигать тайны разведки и контрразведки, кто будет постоянно совершенствоваться морально и физически, кто любит свою Родину, ставит ее интересы выше своих и готов ее защищать в любое время дня и ночи. Преподаватели, весь личный состав школы сделают все, чтобы подготовить из вас классных сотрудников госбезопасности!».

Руководитель группы кадров объявил, что с 1 сентября всем нам восстановлены воинские звания, присвоенные по окончании институтов, у абсолютного большинства – это младшие лейтенанты, и в ближайшие дни мы все получим летнюю и зимнюю формы одежды. Кратко сформулировал наши права и обязанности, порядок прохождения обучения, боевой и спортивной подготовки. Рассказал, что в городе есть театр оперы и балета, прекрасный и известный в стране театр музыкальной комедии, много хороших кинотеатров. Функционирует гарнизонный клуб офицеров, куда на вечера отдыха собираются молодые офицеры и, конечно же, самые красивые и стройные девушки города. Но не советовал увлекаться этим клубом, там можно запросто нарваться и на сомнительные связи, сказал «мы вам будем почаще устраивать культпоходы в театр и музкомедию». Отметил, что более половины курсантов школы имеют семьи, поэтому кадровики окажут помощь всем желающим в переезде жен, подыскании для них частного жилья и в их трудоустройстве. Моя жена Вера Матвеевна переехала ко мне в числе первых и устроилась в архитектурном отделе Свердловского облисполкома – помогли чекисты.

Учеба была насыщенной и интересной. Мы, на девяносто процентов люди с техническим образованием, с огромным вниманием слушали новые, непривычные для себя лекции об иностранных разведках и подрывных центрах противника и здесь же - о непростой работе советской разведки и контрразведки, аккуратно конспектируя все самое важное в спецтетради с грифом «совершенно секретно». А после занятий большинство курсантов, особенно в первые месяцы, засиживались в спецбиблиотеке, где с упоением читали все подряд, что касалось чекистской науки и практики.

Прямо в учебном корпусе располагался отлично оборудованный спортзал со множеством тренажеров, волейбольной и баскетбольной площадками, и в любую свободную минутку мы могли позаниматься и отдохнуть. И еще одно хорошее начинание руководства школы, которое нам очень понравилось: всем, кто не имел водительских прав, предоставили возможность изучить материальную часть автомобиля, пройти практику вождения, сдать экзамены и получить водительские удостоверения. Но все это - только во внеурочное время и не в ущерб разведке и контрразведке. Отказов не было ни одного, и права получили все!

Но особой достопримечательностью школы был свой клуб с библиотекой и актовым залом и его заведующий с короткой фамилией Зуев. Он нас не раз радовал встречами с интересными, известными московскими чекистами из центрального аппарата КГБ СССР и Свердловского областного управления госбезопасности.

Уже через два-три месяца после начала занятий, когда Зуев успел присмотреться к курсантам и их женам, он объявил, что клуб начинает отбор претендентов на роли и подготовку к репетициям героической пьесы Константина Тренева «Любовь Яровая». Многие с недоумением и скептически отнеслись к этой затее, но мы плохо знали Зуева. Он пригласил профессионального режиссера из Свердловского драмтеатра, ежедневно ходил по учебным группам и лично отбирал исполнителей. Роль Яровой Любы он доверил моей жене Вере, поскольку узнал, что она в школе и институте активно участвовала в художественной самодеятельности. На первом же занятии Зуев объяснил, что он давний поклонник своего земляка, уникального разведчика Николая Кузнецова, уроженца деревни Зырянка Талицкого района Свердловской области. Перечитал и пересмотрел все, что есть о нем в Свердловской области. Кое-что сумел собрать в библиотеке школы и очень советует курсантам туда заглянуть. Считает своим долгом знакомить курсантов нашей школы КГБ с жизнью и подвигами этого замечательного человека, и что руководство школы поддерживает его усилия в этом вопросе. Рассказывал Зуев обо всем этом с таким жаром и увлечением, с таким знанием подробностей и мелочей, что нам порой казалось, что он сам прошел рядом с разведчиком Кузнецовым по всем его боевым дорогам. Зуев пояснил, наконец, почему нужен этот спектакль и он уже ставил его с предыдущим выпуском.

Оказывается, в далеком 1925–1926 учебном году, когда юный Николай Кузнецов учился в городе Талице в школе-семилетке, там активно работали несколько кружков самодеятельности. Драматиче-

ский кружок решил поставить отрывки из пьесы «Любовь Яровая». Все учащиеся стремились играть положительных героев, и Николай в первых постановках выступал в роли красного комиссара Кошкина. Но когда неожиданно заболел исполнитель роли белогвардейского офицера Ярового, Николай добровольно взялся за эту трудную роль хитрого и умного врага, хорошо ее подготовил и сыграл блестяще. Учителя, ученики и их родители, посмотревшие спектакль, единодушно дали игре Кузнецова самые высокие оценки.

Зуев убежден, что этот первый и удачный сценический опыт стал началом удивительной, неповторимой работы Николая Кузнецова в роли немецкого оберлейтенанта Пауля Зиберта в 1942–1943 годах на оккупированной немцами Украине в городах Ровно и Львове. И в этой игре были важны не аплодисменты и признания зрителей, главной ставкой здесь была жизнь разведчика, а целью – переиграть немецкую разведку и контрразведку.

Николай Иванович с поддельными документами на имя Пауля Зиберта 18 месяцев жил и работал среди фашистских оккупантов, в первую очередь, среди немецких офицеров, представителей гестапо и службы безопасности. Неоднократно он встречался с майором СС фон Ортелем, прибывшим из Берлина со специальными полномочиями. Благодаря прекрасному владению немецким языком, умению перевоплощаться и входить в доверие к другим людям, Николай Кузнецов – Пауль Зиберт – сумел внушить Ортелю такое доверие к себе, что последний предложил оберлейтенанту оставить свою пехотную службу и перейти к ним в разведку.

За полтора года работы в тылу врага Николай Кузнецов собрал обширную и оперативно важную разведывательную информацию, в конце 1943 – начале 1944 года совершил со своей боевой группой несколько удачных покушений на немецких генералов, главных руководителей фашистских оккупантов на Украине.

Подводя итоги сказанному, Зуев заявил, что он лично и руководство школы (последние два слова он подчеркнул) считают, что пример Николая Ивановича Кузнецова наверняка поможет кому-то из курсантов школы КГБ в их будущей работе по обеспечению государственной безопасности страны. И он, Зуев, отдавал и будет отдавать все силы для того, чтобы память о нашем земляке – разведчике Кузнецове всегда жила в сердцах тех, кто хоть как-то соприкоснулся с этим замечательным человеком.

Премьера спектакля «Любовь Яровая» состоялась в актовом зале школы в конце первого учебного года в присутствии всех курсантов,

преподавателей и части жен курсантов, проживавших в Свердловске. Перед началом спектакля Зуев, разумеется, кратко рассказал, почему именно эту пьесу выбрали для курсантов. Зрители не раз аплодировали по ходу пьесы, а после ее окончания, стоя устроили настоящие овации исполнителям. После вручения цветов и грамот здесь же в зале состоялось обсуждение постановки. Отзывы, конечно же, были просто замечательными. А окрыленный Зуев заявил, что знакомство с жизнью и деятельностью Николая Кузнецова этим спектаклем не заканчивается. Руководство школы, партком и завклубом готовят для курсантов еще два интересных мероприятия. И как-то невольно подумалось: побольше бы таких энтузиастов, как наш Зуев.

Первое из мероприятий состоялось в начале второго учебного года, когда мы вернулись с летних каникул, а в городе открылся театральный сезон. Зуев договорился с местным драмтеатром о коллективном просмотре пьесы по книге чекиста, командира партизанского отряда Медведева «Сильные духом». Именно в этом отряде сражался с фашистами разведчик Николай Кузнецов, об этом и создали свой замечательный спектакль свердловчане. Руководство школы при согласовании этого мероприятия запретило из-за соображений конспирации вывозить на спектакль сразу весь курс, это около полтора человека и рекомендовало разбить курсантов на группы. Таким образом, где-то в течение четырех-пяти недель сентября-октября 1959 года мы сумели посмотреть этот интересный и познавательный для нас спектакль, а его обсуждение провели в актовом зале школы.

Очередное свидание с Николаем Кузнецовым ожидало нас чуть позднее. Неистощимый и неутомимый Зуев на рабочей встрече с курсантами провел беседу о предстоящей экскурсии на самую большую в СССР завод тяжелого машиностроения «Уралмаш». Первая задача – познакомить курсантов с работой всемирно известного гиганта советской индустрии, потому что, по словам Зуева, жить в Свердловске два года и не побывать на «Уралмаше» – это великий грех для любого грамотного человека. И второе – показать на заводе комнату и цеха, где в 1934–1937 годах работал будущий разведчик Кузнецов и дом в жилом заводском микрорайоне, в котором жил в то время Николай Иванович.

Здесь завклубом в свойственной ему манере говорить загадками начал интриговать курсантов своими вопросами. Например, почему Николай Кузнецов, окончив неполный курс Талицкого лесотехнического техникума и поработав немного таксатором в лесоустрои-

тельной партии в Кудымкаре, вдруг направил свои стопы на самый крупный машиностроительный завод в Свердловске. Помните у Маяковского – «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно»? А кому нужен был Кузнецов на «Уралмаше»? Конечно же, свердловским контрразведчиком. Потому что еще в Кудымкаре два года назад он, обеспокоенный нападениями бандитов в лесу на своих товарищей, и не найдя решения вопроса в милиции, обратился в местный отдел НКВД. Разговор получился весьма доброжелательный, чекисты с вниманием отнеслись к проблеме лесостроителей и успешно ее решили. Благодарный Кузнецов еще несколько раз появлялся в отделе НКВД и вскоре стал негласным помощником контрразведки. В ходе работы чекисты выяснили, что он очень хорошо владеет немецким языком и постоянно совершенствует свои знания. Лесостроительная партия в Кудымкаре была закрыта, и безработный Николай Кузнецов едет в Свердловск, где уже обосновались его брат Виктор и сестра Лидия.

В это время на «Уралмаше» работала довольно большая группа специалистов из Германии, в том числе, на ключевых инженерных позициях, и среди них, по оценке чекистов, могли быть иностранцы, представлявшие оперативный интерес для органов госбезопасности. В их изучении и мог помочь негласный сотрудник Кузнецов, получивший в Свердловске псевдоним Колонист.

Экскурсии на завод, в тот цех, где работал раньше Кузнецов, как и походы в драмтеатр, организовали по группам. Как раз здесь работали тогда многие инженеры из Германии. Николай Иванович с его умением устанавливать контакты, располагать к себе, с отличными актерскими данными и превосходным знанием немецкого языка довольно скоро наладил сначала деловые, а потом и личные связи с немцами и стал встречаться с ними не только на работе, но и в свободное от работы время. Это позволило ему успешно выполнять поручения чекистов.

На обратном пути в расположение школы КГБ мы ненадолго завернули в заводской микрорайон, где Зуев показал нам дом, в котором проживал Николай Кузнецов во время работы на «Уралмаше». Заинтересованные экскурсиями, после того, как на заводе побывали все группы, мы в расположении школы продолжили разговор с Зуевым и приглашенным им преподавателем школы по вопросам разведки, долго и много расспрашивали его, стараясь получить побольше информации о деятельности разведчика Кузнецова.

Учеба в школе подходила к своему закономерному финалу, и мы в разговорах между собой уже начали вспоминать «свои» управления КГБ, которые нас направили в это замечательное учебное заведение. И каждый уже мечтал побыстрее возвратиться на свое место и приступить, наконец, к этой, пока не во всем ясной, но очень заманчивой деятельности чекиста. Но всех нас, да и наши семьи тоже, ждало неожиданное и горькое разочарование. К моменту сдачи в конце декабря 1960 года выпускных экзаменов в Свердловск, в нашу школу пожаловал генерал КГБ из Москвы. Он поздравил нас с окончанием учебы, рассказал о новой мирной инициативе ЦК КПСС и Советского Правительства – сокращении Вооруженных сил на 1 миллион 200 тысяч человек и зачитал приказ Председателя КГБ о нашем увольнении в запас без присвоения очередного звания. Программу обучения мы выполнили полностью, экзамены сдали хорошо, а обещанные очередные звания не дают? Оказывается, какой-то очень «умный счетовод» в Москве подсчитал, что лейтенанту при увольнении в запас придется заплатить на 100 рублей больше, вот и оставили нас в целях экономии военного бюджета младшими лейтенантами. Позорная, копеечная, но очень болезненная для каждого курсанта акция. Но русский человек силен юмором и тут же народная молва прозвала всех нас, уволенных в запас по этому приказу, «миллионерами», это – по общему числу уволенных.

Я, как и все мои дорогие коллеги, а за полтора года мы успели здорово подружиться, оказался на улице, без жилья и работы, а значит, и без средств существования. К тому же всего месяц назад у нас родилась вторая дочь, и жена, понятно, не работала. Положение – хоть стреляйся! Вовремя вспомнил, что у меня есть диплом железнодорожника, вспомнил деда и отца, они уж точно бы не сдались и нашли выход. Поехал «искать» его в родное Омское управление железной дороги, в курсантской шинели без погон и в военной шапке без кокарды, ничего другого у меня тогда не было, а на улице стояли злые январские морозы. Работа для инженера, да еще с чекистской подготовкой, это я так себя предлагал, практически, находилась везде, но нигде не было жилья. Внимательные, сердобольные кадровики, а я все-таки, как-никак, свой брат-железнодорожник, подобрали мне станцию Ишим, но пока тоже без жилья. Зато «Ишим – город хлебный», продуктов много и не очень дорогих, а мне с моим тощим кошельком это было важно – у меня же

еще трое иждивенцев. И квартиру временную подыскать в Ишиме легче, а там и служебную могут дать, по крайней мере, пообещали.

В отношении моего трудоустройства Омск договаривался с легендарным железнодорожником Николаем Георгиевичем Глотовым, пришедшим из машинистов паровоза в начальники Ишимского отделения дороги, решительным, умным и демократичным. Он сам вышел в приемную, посмотрел на мою военную одежду без погон, крепко пожал руку и громко, голос у него такой, сказал: «Ну, здравствуй, «миллионер», проходи. Чай будешь?». После недолгого разговора с участием кадровика, выяснив мои заботы и нужды, распорядился: «Отделу кадров – сегодня оформить на работу, сегодня же выдать железнодорожную форму. Завтра приступить к работе, в течение недели найти частную квартиру и помочь перевезти семью. Вопросы будут, заходи!». Мне повезло, нашел частную квартиру довольно быстро и недалеко от станции. В январе 1960 года по морозу и бездорожью из Приозерки Омской области «перетащил» жену и малышей к себе. Через полгода получил служебную квартиру, жизнь потихоньку налаживалась.

И вдруг – приглашение в Ишимский горком КПСС. Секретарь нашей парторганизации сказал, что причины вызова не знает, но предупредил, что Первый секретарь Ивасенко И. В. – мужик довольно строгий и возражений не терпит. Иван Васильевич встретил сухо, ни о чем не спросив, сразу приступил к делу. Популярно разъяснил, что «холодная война» между СССР и США усиливается, западные разведки активизируются, партия укрепляет органы КГБ, меня ждут в Тюменском Управлении, а я с чекистским образованием сижу в Ишиме поездным диспетчером. Меня такой подход и такие формулировки возмутили и обидели, ведь я не по своей вине оказался в Ишиме и работаю диспетчером, а не в контрразведке. Поэтому я, даже не подумав, решительно отказался от его предложения. Сказал, что у меня жена и двое маленьких детей, и я не могу каждый год менять работу и переезжать с места на место. Добавил сгоряча, что именно эта партия год назад выгнала меня из рядов госбезопасности, оставив без жилья и работы, и ей было все равно, выплыть я или тону. Выплывать пришлось одному. Ивасенко передал мой отказ в Тюмень, добавив, что в горкоме я вел себя некорректно. Дома жена меня поддержала, сказала, что она – верная подруга и мой союзник, но ездить часто и с малыми детьми оптимизма ей не добавляет.

В конце 1961 года я был на итоговом совещании в Тюменском отделении дороги, после которого меня пригласили сначала в кадры Управления КГБ к полковнику Матросову Ивану Сергеевичу, потом к начальнику Управления Александру Николаевич Северухину. Оба – исключительно вежливые, доброжелательные и внимательные чекисты, но переговоры как-то не сложились, стороны отстаивали, каждая – свою позицию, и никто не смог убедить другого. Затем Иван Сергеевич объявил мне, что мы с ним должны пройти к заведующему отделом административных органов Обкома КПСС и там все вместе принять окончательное решение. После непродолжительного и не совсем успешного начала разговора в кабинет заведующего отделом «случайно», а, может быть, и нет, вдруг зашел инструктор ЦК КПСС, который был в Тюмени в командировке. Седовласый, уверенный в себе мужчина, вначале спокойно обо всем расспросил и выслушал меня, извинился за то, что семья пережила такие лишения, заверил, что теперь я буду работать в КГБ до самой пенсии и сказал, что завтра утром мне следует явиться в Управление КГБ и оформить необходимые документы. Мы пожали друг другу руки, возразить ему я почему-то не сумел и не хотел.

3 января 1962 года, тогда еще не было длинных новогодних каникул, мы всей семьей и со своим скромным имуществом в вагонетеплушке (ишимцы постарались) прибыли на станцию Тюмень. Встретили нас кадровик Владимир Александрович Карпов на «Волге» и два бравых капитана – Евгений Михайлович Чулимов и Юрий Фролович Степанов – на небольшом грузовичке. Было довольно морозно, Карпов посадил в теплую «Волгу» жену с дочками и повез их в нашу новую квартиру, ключи были у него. Мы оперативно погрузили немногочисленные пожитки и вскоре присоединились к моим девушкам. С разрешения старших по званию сбегал в магазин, и мы дружно, стоя, выпили за новоселье, стульев на всех не хватило.

9 января 1962 года я расписался в приказе: «Младшего лейтенанта Зензина Н. В. назначить оперуполномоченным контрразведывательного отдела Управления КГБ по Тюменской области». Один из «управленческих» юмористов, выслушав мою свердловскую историю, доброжелательно пошутил: «Посмотрите, человеку всего 29, а он уже младший лейтенант». Кстати, в Управлении из всего офицерского состава я с таким званием был всего один. Наставники мне достались замечательные – чекисты-фронтовики Бабкин Петр Александрович и Чернецов Анатолий Борисович. Учеба и работа шли одновремен-

но. В оперативное обслуживание получил большой участок железной дороги Тюмень – Ишим – Называевская плюс таежная лесовозная дорога от станции Заводоуковск до поселка Лесной, где располагались тогда места ссылки литовских националистов. Режим работы 7-8 дней в командировке, неделя-две в Управлении на обработку документов. Все складывалось неплохо. Удалось хорошо подготовить и успешно провести в скором международном поезде Пекин–Москва несколько мероприятий по иностранцам и получить оперативно значимые материалы. Всем отделом осуществили комплекс мероприятий по контрразведывательному обеспечению безопасности проследования по Тюменскому отделению железной дороги правительственной делегации во главе с Генеральным Секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Вместе с сотрудниками УВД в работе участвовали более 400 человек.

По рекомендации В. А. Карпова и А. Б. Чернецова, за два года окончил философское отделение вечернего университета марксизма-ленинизма. В то время каждый молодой коммунист должен был пройти подготовку на одном из трех факультетов этого университета. Очередные звания, должности и награды как-то приходили сами собой.

В юбилейном 1967 году повезло еще раз близко столкнуться с темой нашего земляка – легендарного разведчика Николая Кузнецова. В мае я был направлен в город Киев, в школу КГБ СССР на курсы повышения квалификации. 27 июля в день рождения Николая Ивановича начальник школы генерал Шевченко организовал встречу курсантов с другом и самым близким соратником разведчика Кузнецова полковником Львовского управления КГБ Николаем Струтинским. Понятно, что встреча была более чем интересной и была фотография на память, но мне как редактору «Боевого листка» удалось вместе с секретарем парткома отдельно побеседовать с этим неординарным человеком. По возвращении из Киева в Тюмень, как по заказу, снова «кузнецовские дела». Как куратору Тюменского сельхозинститута, в стенах которого когда-то учился на первом курсе еще сельхозтехникума будущий разведчик, мне пришлось немного поучаствовать в сооружении памятника Николаю Кузнецову. 19 декабря 1967 года, накануне 50-летнего юбилея органов ВЧК-КГБ состоялось торжественное открытие этого строгого и красивого монумента Герою Советского Союза разведчику Н. И. Кузнецову. С тех пор ежегодно, в день рождения Кузнецова и в День Победы тюменские чекисты,

молодежь и учащиеся города собираются с цветами, стихами и песнями у этого памятника, здесь начинаются все вело-, мото- и автопробеги, посвященные памяти разведчика.

В конце 1967 года в Управлении КГБ образовался новый отдел по защите конституционного строя страны. Требовались уже опытные, но не старые, идейно подкованные и творческие работники. Меня пригласили старшим оперуполномоченным, потом назначили начальником отделения и позднее заместителем начальника отдела.

В начале 1982 года состоялось решение КГБ СССР о создании оперативных подразделений на транспорте. В нашей мощной по авиации и железным дорогам Тюменской области делали солидный отдел. Видимо вспомнили, что изначально я был железнодорожником и еще приобрел опыт по идеологической линии, пригласили в Москву, провели через много руководящих кабинетов и 23 марта 1982 года утвердили начальником транспортного отдела. Основой отдела явились две группы: моя, первоначальная железнодорожная, и авиационная – Н. В. Налобина. Николая Валентиновича, кстати, пригласили тогда в Транспортное управление КГБ в Москву, где он прошел все ступеньки, включая заместителя начальника Управления КГБ СССР и в 1993 году стал генерал-майором.

В Тюмени мы начали с подбора кадров и разработки системы контрразведывательных мер по обеспечению объектов транспорта. Наша «система» понравилась Москве – Транспортному управлению КГБ СССР, и они дали мне команду написать две лекции (для авиации и железной дороги отдельно) и выехать в школу КГБ в Ташкент, где обучались несколько групп молодых оперработников вновь созданных транспортных подразделений страны. Пришлось отработать там целую неделю на благо Отечества, за что получил Грамоту и признание коллег. А еще через пару лет в Москве состоялась Коллегия КГБ СССР по контрразведывательному обеспечению объектов авиации и предотвращению захватов и угонов воздушных судов за границу. В докладе и решениях Коллегии частично были использованы наши тюменские материалы, а начальник отдела был приглашен для участия в работе Коллегии КГБ, что бывает весьма редко и почетно для периферийных органов. Примечательный момент. После моего краткого выступления, об этом предупредили заранее, председатель КГБ В. А. Крючков неожиданно для меня спросил: «Вы ничего не сказали, в чем нуждается Тюмень, что у вас там все в порядке?». Я спокойно ответил, что в основном да, все нормально. Но при большом

потоке иностранцев, а также жителей Закавказья и среднеазиатских республик через главный аэропорт области «Рошино» у нас не налажен пока достаточный контроль пассажиропотока, там ненадежно работают давно присланные Москвой, бывшие в употреблении рамки металлоискателей. Мы требуем с авиаторов, но они быстро решить вопрос не могут. Крючков повернулся к сидевшему рядом начальнику Транспортного управления КГБ Юрию Васильевичу Сторожеву и коротко сказал: «Разберись». Разобрались, как и положено чекистам, оперативно, где-то через месяц-полтора новенькие металлоискатели поступили в Тюмень.

В этот же период пришлось изрядно потрудиться по обеспечению безопасности прилета в Тюмень и передвижения по городу и области первых руководителей государства Б. Н. Ельцина (три визита) и М. С. Горбачева, а также Председателя Совета министров РСФСР М. С. Соломенцева.

В целом работа отдела складывалась неплохо, проводили интересные мероприятия, искали нестандартные решения. Но круглосуточное интенсивное функционирование многочисленной авиации (около 1000 самолетов и вертолетов), железных дорог и других видов транспорта приводили к довольно частым малым, а то и большим ЧП, о которых дежурные по Управлению немедленно информировали начальника отдела в любое время суток, а чаще ночами. Уж такова статистика ЧП на транспорте. Мне нужно было тут же принять решение и передать его дежурному: направить на место происшествия нужного оперработника со следователем или выезжать самому, и это могло быть в любой точке области, от Ямала до Ишима. Со временем это привело к недосыпанию и накоплению напряжения, а закончилось хронической ишемической болезнью сердца. Лечили, но работа продолжалась, и болезнь возвращалась. Провели в стационаре обследование, заключение медкомиссии было таким: использовать на работе с меньшим объемом. Главный кадровик Управления Р. М. Мкртычев встретил меня так: «Ты освоил контрразведывательный, идеологический и транспортный отделы, мы согласовываем с Управлением кадров КГБ СССР твой перевод на должность заместителя начальника Управления, а ты мне – медицинскую справку». Я поблагодарил за доверие, сказал, что и сам не ожидал такого сурового решения, но врач предупредил, что с хронической ишемией лучше не шутить, можно и до инфаркта дошагать. И 27 октября 1987 года меня проводили на отдых. Проводили хорошо. А инфаркт меня все-таки догнал,

прямо на работе, но уже на другой и статистику нашей медсанчасти я не испортил.

Правда, у меня и дальше не все спокойно было. 1987–92 годы на заводе «Электрон», а затем в 1992–96 годах – в ЗАО «Диорит», в той же должности заместителя генерального директора по внешнеэкономическим связям. Много разъездов и заграникомандировок. Создали совместное российско-венгерское предприятие, и до дефолта в августе 1998 года я был генеральным директором этого предприятия. После ликвидации СП в результате дефолта прошел обучение по международным программам страхования жизни в Венгрии и Австрии, вернулся в Тюмень и с 1999 по 2010 год в ОАО «РОСНО» работал в страховании. Таким образом, общий стаж работы сложился в 56 лет. Нормально, можно было и отдохнуть. Но сразу не получилось, на общественных началах трудился до 80 лет в Совете ветеранов Управления КГБ и внештатным корреспондентом в газете «Тюменская область сегодня», одновременно осваивал компьютерную грамоту. И только после 80-летнего юбилея семейный совет принял окончательное решение – отдыхать. Нашли компромисс – отдыхать активно. Теперь, в основном, сижу за компьютером, заглядываю «в сети», пишу книги. Ну и каждый день делаю зарядку и совершаю пешие прогулки на свежем воздухе.

Что касается Совета ветеранов, здесь требуется отдельный рассказ, потому что с этой замечательной организацией тесно связаны жизни всех тюменских чекистов после их службы и ухода в запас или отставку, а их сегодня от Ишима до Салехарда набирается более 700 человек. Я помню, как первый Совет после жарких дискуссий был избран на общем собрании сотрудников коллектива и утвержден приказом начальника Управления 3 июля 1986 года. Возглавил Совет участник Великой Отечественной войны подполковник Степанов Юрий Фролович. Задачами Совета определили оказание помощи в работе действующим, в первую очередь, молодым чекистам, военно-патриотическая деятельность среди населения, работа с ветеранами и сбор документов по истории тюменских органов ВЧК-КГБ.

После Юрия Фроловича 14 лет руководил Советом и проводил активную ветеранскую работу кадровик Управления и участник войны Владимир Александрович Карпов. Но время неумолимо, фронтовики почти все ушли.

В 2002 году главой Совета стал Альберт Георгиевич Парфенов. В недавнем разговоре о предстоящем юбилее ВЧК он с удовлетворе-

нием отметил, что удалось собрать хорошую команду единомышленников и активистов, которые приходили в Совет как домой и готовы были работать с утра до вечера. Главным итогом деятельности Совета считает создание и начало комплектации военно-исторического музея Управления, а основным «создателем» был ветеран Рычков Сергей Емельянович. Много внимания уделялось работе с семьями ветеранов, организовывались и проводились дружные встречи-застолья в день пожилого человека, впервые в осеннюю пору стали закупать и бесплатно доставлять ветеранам овощи.

В декабре 2010 года председателем Совета был избран полковник в отставке Виктор Иванович Мещеряков и на том же собрании по его инициативе создали Союз ветеранов госбезопасности Тюменской области, который объединил все ветеранские структуры ФСБ. Вошли сюда чекисты-ветераны Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов и общественная организация «Ветераны-пограничники Тюменской области».

Основными направлениями в работе сегодня являются социальная защита ветеранов и членов их семей, поздравления в дни рождения и памятные даты песнями по тюменскому радио, красочными открытками и буклетами. Традиционной стала встреча ветеранов накануне дня пожилого человека, ежегодно проводится закупка и доставка отдельной категории ветеранов свежих овощей. В 2014 году к юбилею Управления ФСБ был изготовлен и открыт на улице Орджоникидзе памятный знак фронтовикам-чекистам. Постоянное внимание уделяет Совет досугу ветеранов. Коллективные выезды на охоту и рыбалку, соревнования по футболу, волейболу и стрельбе, турниры по бильярду – теперь обыденные явления.

Особой заботой всех членов Совета стала военно-патриотическая работа среди молодежи. Заметный подъем она получила в 2010–2011 годах, в период подготовки и празднования 100-летнего юбилея нашего земляка, замечательного разведчика, Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова. Мотором многочисленных встреч со студентами и учащимися, творческих конкурсов, круглых столов, спортивных соревнований и многого другого были первые руководители Совета В. И. Мещеряков и В. А. Ефремов. Совместно с редакцией газеты «Тюменская область сегодня», при активном участии внештатного корреспондента Н. Зензина, родился проект «Герой. Разведчик. Легенда», в рамках которого прошел цикл публикаций о детстве, юности и беспримерных подвигах разведчика Кузнецова в тылу врага.

По плану этого же проекта чекисты-ветераны ФСБ вместе с журналистами организовали велопробег «Кузнецовская тропа» на малую родину Героя, проводя по маршруту следования встречи с населением и учащимися школ. Теперь эти велопробеги стали ежегодными. С помощью Совета к 100-летию Н. И. Кузнецова была издана книга «Два разведчика с улицы Республики», а к 70-летию Победы – книга о наших тюменских разведчиках и Героях Великой Отечественной «Война и разведка».

Важное значение в работе Совета имеет ветеранская газета «Дело чести», которая ежемесячно информирует своих читателей обо всех больших и малых событиях в жизни Союза ветеранов госбезопасности Тюменской области. Вся работа Союза ведется в тесном сотрудничестве с руководством Управления ФСБ и Советом Офицерского собрания Управления.

Ежегодный проект «Кузнецовская тропа» был отмечен Всероссийским историческим обществом как лучший проект года Победы. Автопробег ветеранов ФСБ от Тюмени до Кудымкара под флагом «Земляки-разведчики» получил Грамоту министра культуры Российской Федерации. В 2012 году Союз ветеранов госбезопасности Тюменской области награжден почетным знаком Российского историко-культурного центра «За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации».

Вернемся к автору. Общественная работа и спорт: в институте – комсорг, на станции Ачинск – секретарь объединенной комсомольской организации железнодорожного узла и член бюро Горкома ВЛКСМ. В Тюменском управлении КГБ с 1964 по 1974 год – председатель Совета физкультуры. Одновременно выступал за сборные команды Управления по стрельбе, лыжам, волейболу и шахматам. Мы, тюменцы, в августе 1964 года по взаимной договоренности с чекистами Кургана и тогдашним начальником Курганского управления КГБ М. И. Третьяковым положили начало матчевым спортивным встречам между нашими двумя управлениями. Потом вместе с Курганом приобщили к соревнованиям Свердловск и Челябинск. Эти встречи живут до сих пор. Об этой интересной истории стоит рассказать подробнее.

В июне 1964 года я поехал в Курганское управление КГБ в командировку по вопросам спецперевозок железнодорожным транспортом. По прибытии, как положено, представился начальнику Управления Третьякову М. И., затем попал к Романову Вячеславу, как потом

выяснилось, тоже председателю КФК. Это была пятница. Отработав служебную программу, я остался ночевать, а наутро субботы Вячеслав предложил мне посмотреть спортивные соревнования между командами Управления КГБ и УВД Кургана. Программа была схожей с нашей, тюменской: волейбол, стрельба, шахматы и городки. К обеду на спортплощадке появился Третьяков М. И., спросил у Романова, как дела. «Пока проигрываем», – был ответ. Михаил Иванович стал рассказывать мне, что в УВД коллектив по численности значительно больше, и им проще комплектовать команды, потому и бороться с ними трудно. Я пояснил, что у нас в Тюмени ситуация аналогичная, и мы пока не знаем как с этим справиться. Кто-то из нас, возможно, это был и Третьяков, сказал: «А почему бы нам не организовать соревнования между нашими управлениями КГБ?». Втроем мы обсудили это предложение, согласились, что оно интересно со всех позиций, в том числе и с оперативной, и вполне выполнимо.

Первая игра прошла, как и договорились, в июле на курганской площадке. Хозяева выиграли. Перед нами встала задача – хорошо выступить 16 августа 1964 года на своем поле. Мобилизовали всех, пригласили для поддержки все службы Управления, членов семей и детей, средства массовой информации, упирались изо всех сил и победили! А встреча получилась радостной, азартной, дружеской и праздничной. Довольны были все. После игр собрали представителей команд и с участием руководства Тюменского управления КГБ и Тюменского облсовета «Динамо» провели совещание по итогам двух встреч. Все были единодушны в том, что такие встречи помогают повышать спортивный уровень чекистов, устанавливать оперативные контакты и, чисто по человечески, сближают коллективы управлений. Единогласно 16 августа 1964 года приняли решение проводить такие встречи ежегодно. Поэтому 16 августа 1964 года можно считать датой рождения матчевых встреч наших чекистов. Года через три к нам присоединились сотрудники УКГБ по Свердловской области, а затем Челябинской и встречи стали проводить один раз в год. Мне лично повезло поучаствовать во всех встречах в Кургане, Свердловске и Челябинске, вплоть до 1974 года, когда меня сменил на посту председателя Совета физкультуры друг и хороший спортсмен Панов Александр Сергеевич.

А в заключение хочу сказать: чтобы не случалось застоя, надо, по мнению психологов, 3-4 раза за свою жизнь поменять профессию, а это заставляет учиться и постигать что-то новое. Мне повезло, переучивался с инженера на контрразведчика, потом на коммерсанта

и менеджера, и под занавес – на страховщика. И еще – я постоянно, хоть понемногу, писал стихи и прозу, занимался спортом, увлекался автомобилями. На 79-м году жизни освоил компьютер, Интернет. Моя любознательность и охота к перемене мест привели к тому, что удалось побывать в 16-ти странах Европы, Азии и Африки. Впечатления от поездок невозможно заменить никакими книгами и кино. Это – на всю жизнь.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

*Я все работе отдавал,
Как пахарь день и ночь пахал
И честно заработал два просвета.
Умел Отчеству служить,
Где надо, мог поговорить,
А где и мог приказ отдать при этом.
Я должен честно вам сказать,
Посты непросто получать,
Тем более, полковничьи погоны.
И если служишь в КГБ,
То надо четко знать тебе,
Что будут и пороги, и препоны.*

*Теперь тревоги позади,
А свет в оконце впереди,
Дорога неприметная на дачу.
И откровенно, не тая,
Мои товарищи-друзья
Желают мне здоровья и удачи.*

*Есть дети, внуки и семья,
Судьба счастливая моя,
А с ними мне тепло в любое время.
Не надо больше мне спешить,
Хочу я для души пожить,
И чтоб не тяготило службы бремя.*

*Ведь мне всего за пятьдесят,
Мне это дамы говорят,*

*И что женить еще разок бы можно.
А я не пью и не курю,
Им откровенно говорю,
Что с ЗАГСом стал намного осторожней.*

*Прощай, макаров-пистолет,
Прощай, просторный кабинет,
«Железный Феликс» в рамочке красивой.
Свое я честно отслужил,
И не напрасно жизнь прожил,
Я ухожу, спокойный и счастливый!*

Н. Зензин, октябрь 1987 года

Нефтегаз и контрразведка

Во все времена, вплоть до шестидесятых годов 20-го столетия, все авторы и «не авторы» называли Тюмень «столицей деревень», а богатую тюменскую землю, официально признанную Тюменской областью лишь в 1944 году, всегда считали сибирской глубиной «где-то там за Уралом» и называли отсталым аграрным краем. Однако, геологическая наука страны, еще с военной поры 1941–1945 годов, предполагала наличие в тюменских недрах больших запасов углеводородного сырья и других полезных ископаемых и постепенно склонялась к их планомерному поиску. Но первые практические шаги в этом направлении были сделаны только в послевоенный период.

25 мая 1959 года начальник Тюменского управления КГБ полковник Северухин А. Н. доложил в КГБ СССР в Москву, что в 1948–1950 годах первые разведочные скважины показали обнадеживающие перспективы для поиска нефти и газа. В 1953 году пришла первая удача, в поселке Березово ударил мощный фонтан газа. Правда, не обошлось без аварии, произошел выброс инструмента, возгорание газа и некоторое время скважина фонтанировала бесконтрольно. «В последующие годы, – писал Северухин, – тюменские геологоразведчики открыли пять месторождений газа промышленного значения, несколько месторождений железных руд и различных стройматериалов». 1 января 1958 года в Тюмени по указанию Москвы было ор-

ганизовано Тюменское территориальное геологическое управление. «В ближайшие пять лет, – утверждал тогда хорошо знавший оперативную обстановку и умудренный опытом чекист Северухин, – работа всех геологоразведочных экспедиций будет сосредоточена на поиске новых месторождений полезных ископаемых и создании в Тюменской области местной минерально-сырьевой базы». И он не ошибся. Благодаря стараниям тюменских геологов и буровиков нефть пришла даже раньше запланированных сроков, но об этом чуть позже.

Принимавший меня на работу в январе 1962 года фронтовик Александр Николаевич Северухин, получивший в 1942 году на Южном фронте тяжелейшее ранение, вскоре серьезно заболел, был с почетом отправлен на заслуженный отдых и уехал в близкие и комфортные для него места в Харьков. К сожалению, через год Александра Николаевича не стало.

В апреле 1962 года тюменским начальником Управления КГБ стал мой земляк из Омска – 46-летний Иван Петрович Лобанов. Он в 1939 году окончил ветеринарный факультет Омского сельхозинститута, но в силу своей энергии и активности перешел из ветеринаров на хозяйственную, а потом на партийную работу. В 1950 году был принят в Омское управление КГБ и, как партийный выдвиженец, довольно быстро стал заместителем начальника Управления, миновав практику рядового оперработника.

В Тюмени Ивана Петровича отличало стремление к новациям по некоторым направлениям оперативной деятельности, особенно таким, какие тюменские чекисты, по его мнению, еще не совсем освоили или не пробовали вообще. Расскажу о двух фактах, связанных с моим участием в работе, так как нас, начинающих оперработников, учили тогда хорошо разбираться в своих делах и не заглядывать без оперативной необходимости в документы соседа по кабинету. Поэтому от обсуждения проблем других товарищей по работе лучше воздержусь. Трудился я в отделе многоопытного руководителя, полковника Чернецова Анатолия Борисовича, а одной из важных задач было контрразведывательное обеспечение иностранцев, следующих в поездах по территории Тюменской области.

Лобанов, поначалу еще не сильно отягощенный нефтяными проблемами (они нас ждали впереди), возвратился из очередной командировки в Москву, где на совещании-семинаре услышал об удачных операциях московских чекистов по разоблачению вражеских агентов в момент закладки в тайник или выемки из него шпионских мате-

риалов. Это один из хорошо известных, но, тем не менее, нередко и успешно применяемых вариантов бесконтактной связи, описанный в открытой литературе и показанный в кино. Все знают, что метод есть, но никто не знает, кто, где и когда им воспользуется. И метод работает. (Кстати, сегодня его нередко используют распространители наркотиков вкупе с активным добавлением Интернета.) Лобанов спросил Чернецова, как мы прорабатываем вопрос возможной бесконтактной связи на станции Тюмень, где стоят все поезда, в которых следуют иностранцы, в том числе установленные разведчики, о которых нас иногда информирует Комитет госбезопасности. Анатолий Борисович рассказал о проводимых нами мероприятиях, сказал, что конкретных фактов такой связи пока не выявлено, главным образом, видимо, в силу специфики оперативной ситуации на станции во время короткой стоянки поезда и ограниченности пространства для проведения тайниковой операции. Такой ответ не удовлетворил Ивана Петровича, и он распорядился подготовить анализ за последний год по количеству и «качественному» составу проследовавших через Тюмень иностранцев и по осуществленным нами мероприятиям.

Документ мной был подготовлен, отдельно выделены и количественно, и с раскладкой по категориям иностранцы из США, Великобритании и других стран предполагаемого противника. Доложили Ивану Петровичу, после чего для обсуждения мы с Чернецовым были приглашены в кабинет к начальнику Управления. В ходе рассмотрения вопроса наши выводы и предложения не во всем совпали с пожеланиями высокого руководства, в словах которого буквально читалась мысль: москвичи сделали, а чем хуже мы? Но у нас не город, а станция, и здесь совсем другая оперативная обстановка, мы и те, кто захотел бы провести тайниковую операцию, очень сильно лимитированы по времени – поезд стоит всего 15 минут, и ограничены в пространстве – узкий перрон и небольшой вокзал (старое помещение, 1962 года). Итоги совещания подвел Лобанов: для получения необходимого результата надо использовать любые имеющиеся у нас возможности, выделять из общего потока тех иностранцев, которые заслуживают оперативного внимания. А также активизировать работу и в обязательном порядке проводить наши мероприятия по всем поездам дальнего следования Москва – Владивосток и Москва – Пекин в обоих направлениях, в том числе, и в ночное время, поскольку в этих поездах, практически во всех, едут иностранцы, и мы не всегда знаем какие. А ночь, по мнению Ивана Петровича, – вполне удобное

время для проведения тайниковой операции, особенно с учетом недостаточной освещенности нашего вокзала. Кроме того, он распорядился задействовать в этой работе службу наблюдения и, при необходимости, на наше усмотрение, другие подразделения Управления КГБ.

Как назло, поезда эти следовали по два раза в неделю в каждом направлении, и половина из них, четыре поезда, проходили по Тюмени в 3 часа ночи по местному времени. Получалось, что четыре ночи в неделю я должен быть на вокзале. Чтобы поспеть вовремя самому и дать распоряжения другим участникам операции, я должен был вставать в 01.45 ночи, или вообще не ложился, если случались интересные футбольные или хоккейные передачи. Домой возвращался в 4.00 или позднее, квартира у нас была небольшая, жена все слышала и тоже нормально не высыпалась. На работу в Управление приходил вялый, не отдохнувший. Сердобольный Анатолий Борисович разрешил в эти дни появляться на службе на пару часов позже. Жена на мое такое сообщение не очень весело заметила: «Но мне-то за твоих иностранцев никто опаздывать не разрешит, хотя бы потому, что я заведу лабораторией в СибНИИ НП, у меня более десятка лаборанток, и уже с утра ждут клиенты. А еще – надо дочек в детсад к восьми доставить». В общем, моей дорогой Вере Матвеевне приходилось похуже, чем мне, из-за этих «моих иностранцев».

Пока лето, тепло и светло, с таким ритмом работы можно было справляться. Однако наступила осень, потом зима, и «походы» на вокзал, когда на улице темно и очень холодно, стали напрягать меня. Но самое главное, что не внушало оптимизма, это существенное сокращение пассажиропотока и «интересных» для нас иностранцев, отсутствие положительного результата от моих ночных бдений. Анализ наших мероприятий, проведенный вместе с Анатолием Борисовичем, пока не давал надежды на серьезный результат, а получаемые «мелочи» только засоряли мою отчетность. Эти неутешительные результаты начальнику Управления докладывал Чернецов, но тот пока не давал команду отменить или как-то видоизменить проведение утвержденных им мероприятий. Пассажиры в три часа ночи, да еще в мороз, разумеется, погулять на перрон не выходили, посадки в поезд из-за дороговизны билетов на скорые поезда бывали в Тюмени весьма редкими. Тюменцы предпочитали местные электрички, в более удобное время и по более приемлемой цене. Поэтому на перроне в эти ночные часы при проходе пекинского и владивостокского поездов находились, как правило, оперработник и его коллеги из очередной дежурной смены. С моим предложением упростить в зимнее

время систему наблюдения и ограничиться присутствием на перроне сотрудника Линейного отдела милиции станции Тюмень и дежурного по вокзалу, которые по своим служебным инструкциям встречали все пассажирские поезда и были мною неоднократно проинструктированы, он тоже не согласился. Но это были «дежурные сотрудники», они, в отличие от меня, после каждого дежурства имели возможность отдохнуть сутки или двое по своему графику, а я трагил безрезультатно оперативно ценное время.

Для меня с моим молодым эмоциональным характером складывалась чуть ли не тупиковая ситуация. Попытки самому «прорваться» с докладом к начальнику Управления и попробовать его переубедить Анатолий Борисович вежливо пресекал. Но выручил случай. Иван Петрович попросил подобрать для его супруги такой поезд, чтобы она приехала к своим родственникам в Омск к обеду. В зимнее время, когда число поездов почти наполовину сокращено, таким оказался «опекаемый мною» Москва – Владивосток. Начальник согласился и, как положено, минут за двадцать до поезда приехал на служебной «Волге» на вокзал. Я встретил, кратко доложил, что поезд прибывает вовремя, что ситуация по нашей линии штатная и попросил разрешения продолжить свою работу. Было довольно морозно, и они с супругой вышли из помещения вокзала только тогда, когда поезд уже прибывал. На перроне пусто, ни встречающих, ни провожающих, лишь в «голове» состава – милиционер да посрединке – оперработник. Дежурная по вокзалу быстро прошла к «штабному» вагону, где всегда едет бригадир поезда, получила от проводницы записку с наличием свободных мест для Ишима и последующих станций и скрылась в здании вокзала. Мне проводница рассказала, что бригадир устал и отдыхает, просил передать, что все «гости» (имелись в виду иностранцы) ведут себя в пути нормально. Лобанов с супругой подошли к своему вагону, но двери его были закрыты, так как в Тюмени из него никто не выходил. Пришлось постучать. Устроив жену в вагон, Иван Петрович, не спеша, направился мою сторону. Подойдя, сходу спросил: «Это из-за мороза на перроне никого нет?». Я ответил, что скорее влияет зимний малолюдный сезон, дорогие билеты на скорый и позднее прибытие этого поезда в Тюмень. Ну и мороз тоже. Иван Петрович посмотрел на часы, а уже была половина четвертого то ли утра, то ли ночи, и сказал: «В конце дня зайдите ко мне с Чернецовым, надо все это еще раз обсудить». Обсуждали недолго, пришли к единому мнению, что работать на станции будем по полной программе только в случае получения на проезжающих иностранцев из Центра или

от чекистов из Омска или Свердловска информации, заслуживающей оперативного внимания.

Второй вопрос, по которому пришлось плотно контактировать с начальником Управления, тоже возник после его поездки в Москву, но это случилось где-то на четвертом году моей службы. Анатолий Борисович однажды предупредил, что в конце дня Иван Петрович пригласит меня для очень серьезного разговора и добавил: «Предложение неожиданное и не совсем обычное, но отказываться я бы не советовал. Остальное услышишь там».

Иван Петрович, обыкновенно суховатый и сдержанный, встретил непривычно приветливо, обращался он, в отличие от Чернецова, ко всем подчиненным на «ты». Поздоровавшись за руку, спросил:

– Я твою редкую фамилию где-то в Омске встречал, но где – не помню. У тебя там кто-нибудь есть?

– Есть родной брат и дядя. Брат пишет прозу и стихи, регулярно печатается в областной газете и омских журналах.

– Нет, там не видел!

– Тогда, может быть, на соревнованиях по стендовой стрельбе, брат – мастер спорта и нередко занимает призовые места. Или еще – он председатель областного совета рыбаков и охотников и периодически организует рыбалку и охоту на самом большом озере Тенис для областного начальства, там – у Обкома партии есть своя хорошая база отдыха.

– Совершенно верно, – обрадовался Иван Петрович, – вот на Тенисе, на базе, я его и видел, он всегда больше всех добывал уток, стрелок отменный!

Закончив с Омском и братом, сразу перешли к делу. Неожиданно для меня Иван Петрович спросил:

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты похож на немца?

– Говорили еще в школе, потому что светлолицый и волосы рыжие, даже кличка была – немец, в школе ведь у многих имелись клички, а еще за то, что у меня по немецкому языку «пятерка» была. Но это не от любви к немецкому, а просто классный руководитель и директор школы планировали меня на медаль и, начиная с 8-го класса, я должен был по всем предметам иметь «пятерки».

– А как с немецким языком сейчас, с русским, я знаю, неплохо, стихи пишешь и, говорят, хорошие?

– С немецким сейчас практически никак, в институте, как все, учил его мало, а начал работать, было уже не до языков.

– Дело вот какое, – продолжил Иван Петрович, – Москва предлагает Тюмени подготовить оперработника для работы в Германии с позиций одной из наших фирм, но надо в течение года освоить немецкий до степени разговорного. Я привез из Комитета разговорники, нужную литературу и магнитофонные записи, подберем в Тюменском университете хорошего преподавателя. Наши кадры и твой шеф Чернецов рекомендуют тебя. Я с ними согласен!

Прозвучало так, что вопрос со всеми согласован, предварительное решение уже есть, дело только за мной. Вот поэтому-то мой мудрый командир Анатолий Борисович и не советовал отказываться. Мне оставалось только поблагодарить всех за оказанное доверие и, засучив рукава, приниматься за дело, что я и озвучил довольному Ивану Петровичу. Он предупредил, что о существовании вопроса знают только кадры и Чернецов, больше ни с кем говорить пока не следует.

В приемной незаменимый, беспредельно вежливый, всегда улыбающийся и всеми уважаемый секретарь, участник Великой Отечественной Василий Акимович Глушко, вот о нем я бы написал отдельную главу, предупредил, что Чернецов меня ждет. Глушко, в отличие от своего шефа, со всеми, независимо от звания и должности, общался только на вы.

Анатолий Борисович всегда и за всех своих подчиненных волновался. Беспокоился он и в этот раз, хотя рабочий день уже закончился, и почти все разошлись. Выйдя мне навстречу из-за своего большого «начальнического» стола, нетерпеливо спросил: «Ну как? Садись, рассказывай!». Рассказал, оба – довольные, подробно все обсудили. На радостях чуть не брякнул, что за такое дело и по рюмочке можно, но вовремя вспомнил, что дорогой мой начальник давно «не принимает» из-за сердечных дел. Договорились, что завтра с утра пойду в кадры, кстати, еще к одному участнику Великой Отечественной войны и замечательному человеку, как будто созданному для работы с людьми, Владимиру Александровичу Карпову. Составим план, утвердим и – вперед! Анатолий Борисович жил в «доме ветеранов» в пяти минутах от Управления, а я далеко, по другую сторону вокзала, добираться долго. Время позднее, он вызвал дежурную машину и отправил меня домой, заметив, что я со своими «железнодорожными» и прочими заботами, наверное, редко прихожу домой вовремя, а ведь там меня ждут молодая жена и две маленькие дочки.

Выхожу, сажусь в машину и вот вам: «Здравствуйте, Федор Николаевич!», еще один ветеран и фронтовик – Козлов. Везет мне сегодня

на ветеранов! А впрочем, могло ли быть по-другому, в Управлении в тот период почти половина личного состава были участники Великой Отечественной войны. Работать и общаться с ними – одно удовольствие, и мы, пришедшие на чекистскую службу в 60–70-е годы, во всем старались брать с них пример. Проработав 28 лет в Управлении, не могу припомнить ни одного серьезного конфликта между сотрудниками ни по службе, ни в быту. Более дружного, сплоченного коллектива честных, порядочных и бескорыстных людей не встречал ни до, ни после. Да простит меня читатель за неожиданное отступление, но про Федора Николаевича Козлова хоть немного, а расскажу прямо сейчас.

Мы с ним дважды ездили на машине по районам области в целях подбора и изучения кандидатов на службу в отдельные части погранвойск, в гостиницах жили в одном номере, и было время поговорить о многом. Великую Отечественную он прошел, а точнее – проехал от начала и до конца. Спрашиваю: «Наверное, какого-нибудь генерала возил?». «Нет, не довелось. Все время на грузовиках, оружие, снаряды, питание, обмундирование, все, что требует война. Ездил до самой передовой, почти до окопов, под бомбежку попадал, под артиллерийские и минометные обстрелы. Четыре машины сгорели, остальные – ремонтировал. Самому трижды досталось, но через медсанбат возвращался снова на автомобиль. Кстати, должность водителя на войне была очень дефицитной, и не хотели, особенно молодые, и опасно, а весной и осенью по фронтовому бездорожью еще и очень тяжело. Да и зимой не слаще, особенно досталось в первую военную зиму – крепкие морозы и снега выше колена. А машины слабенькие, в основном наши «полуторки».

По возрасту Федор Николаевич – примерно ровесник моего погибшего на фронте отца, и я относился к нему с особым почтением и уважением. По характеру он очень общительный, легкий на разговор, с хорошим чувством юмора, сам отменный и добродушный шутник. Любил говорить, что юмор и доброта жить помогают, сколько людям отдашь, столько и тебе возвратится. Призывался в армию из Тюмени. Здесь его всю войну ждали жена и двое детей. Дождались. Теперь дети выросли, у него уже трое внуков. Поскольку с детьми заниматься пришлось мало, была война и послевоенные трудности, сейчас все свободное время отдает внукам и любит их больше, чем своих детей. Я во всем этом однажды убедился сам. Позвонила моя жена Вера Матвеевна, у нее конференция, попросила после работы

забрать из детсада детей. Дежурил как раз Федор Николаевич. Подъехали к детсаду, я сходил за дочками, им тогда было 3 и 5 лет, усадил на заднее сиденье, сам сел рядом с водителем. Машина стоит. Спрашиваю: «Что-то случилось?». «Да, – спокойно и очень серьезно отвечает Федор Николаевич, – девочки сели, а машинка ехать не хочет, надо, чтобы песенку спели или прочитали стихотворение». Я ему, конечно, подыграл: «Да, девчонки, я совсем забыл, что наша машинка без этого не ездит, давайте, Таня и Оля, выручайте. Может, сначала стихи, а потом вместе споем, я вам помогу». Начала старшая, затем прочитала стихотворение Таня, а потом все дружно спели «В лесу родилась елочка», словом, доехали быстро и весело.

Но был у нас с Козловым и пренеприятнейший случай. Произошло это еще в мою первую чекистскую зиму 1963 года. Личных машин тогда было очень мало, частных такси в те времена вообще не существовало, а государственные ходили так редко, что заказать их или где-то перехватить было практически нереально. Поэтому многие водители служебных авто в городе на этом «подрабатывали». Водителям Управления КГБ в приказном порядке категорически было запрещено во время движения на дежурстве брать посторонних пассажиров в служебную машину. Их с приказом знакомили под расписку, начинающих оперработников извещали устно на первой инструктивной беседе в группе кадров.

Мы с Федором Николаевичем в конце декабря, где-то после полуночи, ехали из аэропорта «Рощино» в город. Мороз стоял за 30, шел небольшой снег, был сильный ветер, по дороге «гуляла» поземка и довольно часто встречались снежные переносы. Опытный водитель ехал не спеша. Вдруг от автобусной остановки в районе Учебного хозяйства сельхозинститута, это еще довольно далеко от города, почти под колеса машины метнулась женская фигура и отчаянно замахала руками, требуя остановиться. Притормаживая, Федор Николаевич неуверенно произнес: «Автобусы уже не ходят, она же замерзнет». Я понял, что он хотел бы взять пассажирку, но ему нужно мое согласие, и сразу ответил: «Давай подвезем». С трудом устроившись на заднее сиденье, женщина негромко произнесла: «Дорогие мужчины, вы – мои спасители, ноги в ботинках я уже не чувствую и сама насквозь продрогла. Если бы не вы, осталась бы я здесь навсегда». «Может, сразу в больницу?» – предложил Федор Николаевич. «Нет-нет, если можно – до угла Холодильной и Республики, мне там рядом, и, потом, дома меня ждут, наверное, уже потеряли». Доехали, женщина

протянула водителю сложенную денежную купюру, сказала, что отдала бы все, но у нее с собой больше ничего нет. Федор Николаевич энергично принялся отказываться, но она, молча, положила деньги ему на колени и вышла из машины. Он повертел в руках купюру, не то шутя, не то серьезно сказал, что на бутылку хватит, еще и на пирожки останется. Я посоветовал деньги убрать, никому не рассказывать, а при случае выпить в гараже с друзьями. Известно было, что после каких-то общих мероприятий в гараже, субботников, плановой общей уборки свободные от дежурства водители «старички-фронтовики» позволяли себе принять по сто грамм, и никто их не осуждал за это. Федор Николаевич в числе активных любителей выпить не значился, но когда предлагали сослуживцы и был житейский повод, не отказывался. А выпивал он оригинально – рюмку водки или треть стакана, больше не наливал, он опрокидывал одним движением, смачно кричал, не спеша закусывал. После чего многозначительно говорил: «Всяк пьет, да не всяк крикает». Рассказывал, что научился выпивать «одним махом» свои фронтовые сто грамм в окопах с солдатами, где закусывать приходилось иногда корочкой хлеба, а то и «рукавом». Но в кабине машины, «за рулем», никогда себе не позволял.

После того ночного дежурства Козлов по графику двое суток отдыхал, потом были у меня выходные, потом начались предновогодние хлопоты и Новый год. Все это время мы не встречались, и я забыл про наше ночное происшествие. Недели через две после новогодних праздников меня пригласил к себе кадровик майор Карпов, он же – секретарь парткома Управления. Без всяких предисловий вежливо спросил:

– Товарищ лейтенант! – так он ко мне никогда до этого не обращался. – Вы 24 декабря с водителем Козловым из аэропорта «Рощино» ехали?

– Да!

– Пассажира в город подвозили?

– Да!

– А зачем деньги взяли?

Я горячо и с подробностями расписал, как было дело, но на кадровика это никак не подействовало. Он спокойно добавил: «На эти деньги Козлов в гараже устроил выпивку и теперь ему грозит увольнение с работы». Мои попытки как-то возразить Карпов пресек на корню и предложил прямо здесь, в его кабинете, написать объяснение. «И без эмоций!» – предупредил он. Дня через три-четыре Карпов снова пригласил меня, показал на лежавшую на столе папку и сказал:

«Здесь – объяснения Федора Козлова и других причастных лиц. Материалы доложены начальнику Управления. Он предложил коммуниста Зензина по молодости лет не наказывать, ограничиться обсуждением на партийном собрании. Козлова можно было бы уволить в назидание другим, но, как фронтовика, следует оставить и наказать в партийном порядке так, как посчитают нужным коммунисты. Собрание назначим в ближайшие дни. Никаких коллективных обсуждений или сбора подписей до собрания не рекомендую».

Собрание проходило бурно, мнения рядовых коммунистов разделились. Больше других мне запомнилось выступление участника войны, майора Александрова Владимира Ивановича, который, рассказывали, в войну служил политруком, а на работе в Управлении отличался особой партийной принципиальностью и умением произносить громкие, зажигательные речи. Он выступал в конце собрания и сказал примерно так: «Товарищи коммунисты! Налицо грубое нарушение письменного приказа руководства Управления КГБ, изданного на основе вышестоящих документов Комитета госбезопасности. Нарушение допущено не по ошибке, а опытным водителем, который не первый год работает в Управлении. Это – пятно на всю нашу партийную организацию, и мы вправе требовать сурового наказания для этого человека. Можно понять, что мороз, можно понять, что надо выручить человека, но я не понимаю, Федя, на хрена ты взял эти деньги?». Под смех и аплодисменты зала довольный оратор покинул трибуну. Было два предложения – предупредить Козлова или объявить ему выговор. И все-таки при голосовании буквально несколько голосов перевесили в сторону выговора.

Дай Бог здоровья и удачи всем нашим ветеранам, но давайте вернемся к вопросу немецкого языка и займемся его изучением. Начальник отдела Чернецов сразу предупредил, что свой участок оперативной деятельности я должен обеспечивать по полной программе, а от каких-то дополнительных нагрузок он постарается меня оберегать. Кадровики привлекли мне в помощь преподавателя кафедры иностранных языков Госуниверситета Раису Степановну. Как отрекомендовал Карпов, это очень опытный педагог, ей уже за 55, но на кафедре пока оставили, по ее убедительной просьбе. Она одинокая женщина, не обременена никакими семейными обязательствами, поэтому сможет в любое время проводить занятия с оперработником.

Вскоре состоялась наша первая встреча. Как специалист, она посоветовала на начальном этапе заниматься вдвоем три-четыре раза

в неделю, в остальные дни я должен работать самостоятельно. Довольно быстро между нами установились нормальные деловые отношения. Раиса Степановна откровенно рассказала, что на кафедре у них нет преподавателей, в совершенстве владеющих немецким языком, поскольку отсутствует свободная, постоянная разговорная практика. Все знают язык в пределах учебной программы, студентов учат литературному немецкому языку. Ни о каких баварских, берлинских и других особенностях немецкого языка даже речи не идет. Задача одна – обучить студента так, чтобы он потом мог ученикам в школе преподавать грамматику, чтение и перевод текстов и немного разговаривать.

Задним числом могу сказать, что занятия наши проходили по-деловому, спокойно, но как-то немного монотонно, сухо и скучновато. Может, еще и потому, что ей было 57 лет, а мне 32 и личного, теплого контакта у нас не сложилось. Прослушивание дома магнитофонных записей и повторение услышанного меня мало увлекало, и делал я это больше по необходимости. Но как бы там ни было, отведенный мне год закончился, Раиса Степановна доложила Карпову, что запланированная программа нами полностью выполнена, и я был направлен в Москву на итоговое собеседование. Московский кадровик принял радушно и после довольно продолжительного разговора предложил пройти на контрольное собеседование к специалисту по разведке, где мы останемся вдвоем, и беседа будет происходить только на немецком.

Хозяин этого кабинета был очень внимательным и доброжелательным. Сначала мы поговорили о городе Тюмени, о моей жене и детях, о преподавателе Раисе Степановне, и здесь моего словарного запаса хватало, чтобы держаться уверенно. Мне показалось, что мой собеседник немного удивился, когда я, отвечая на его вопрос, указал возраст своего преподавателя, он даже переспросил, правильно ли я называю число лет. Потом он стал расспрашивать, как у нас с ней проходили практики свободного общения на немецком языке, какие темы при этом она использовала. Когда мы перешли на политические и экономические проблемы, я стал не успевать за темпом его разговора, у меня появились паузы, когда я подбирал нужное слово или выражение. Он тут же заметил, что мы с преподавателем, видимо, мало говорили на политические темы и по вопросам экономики, а это как раз наиболее важные направления в предстоящей работе за границей. Подводя итог нашему разговору, мой собеседник с улыбкой заметил:

«В городе за границей Вы не заблудитесь, в магазин, музей или на стадион сходите. Но участвовать в деловых переговорах по экономическим вопросам, торговым соглашениям, по технологическим проблемам Вам будет, наверное, затруднительно. Давайте мы с Вами рисковать не будем, тем более, что у нас сейчас нет в этом острой необходимости, и я пока не подпишу заключение о Вашей готовности к заграничным командировкам. В Тюменской области нашли большие запасы нефти, об этом много говорят и пишут не только в Москве, но и за границей, к вам уже потянулись зарубежные фирмы и обязательно придут «интересные» иностранцы. Возвращайтесь в Тюмень, уверяю, что Ваш опыт обязательно там пригодится. Я желаю Вам успехов!».

Нефть, о поисках которой в Тюменской области докладывал в Москву в 1959 году полковник Северухин А. Н., нашлась и громко заявила о себе 21 июня 1960 года мощным, первым в Сибири нефтяным фонтаном из скважины Р-6, пробуренной буровым мастером С. Н. Урусовым на таежном Шаимском месторождении. Это немногим более четырехсот километров севернее Тюмени, а значит – 400 километров от Транссибирской железной дороги. Более близкого варианта доставки потребителям найденной нефти пока не было. Буровики продолжают бурить другие скважины, нефтяники – готовить месторождение к промышленной эксплуатации, а строители срочно проектируют и начинают строительство Первого сибирского, более чем четырехсоткилометрового нефтепровода Шаим – Тюмень. На восточной окраине города Тюмени, в районе поселка Антипино оперативно развертывается сооружение огромного строительного комплекса: резервуарный парк, насосная станция, нефтеналивная эстакада и подъездные железнодорожные пути, выходящие на Транссибирскую магистраль. Постановлением Центрального Комитета ВЛКСМ это строительство объявляется ударной комсомольской стройкой страны.

21 декабря 1965 года, с опережением строительного графика, первая сибирская нефть по первому в Сибири нефтепроводу пришла с нефтепромысла Шаима в город Тюмень. По этому поводу в поселке Антипино состоялся многотысячный, шумный и радостный митинг строителей и жителей города. Первый секретарь обкома КПСС Борис Евдокимович Щербина сказал, что на тюменской земле произошло выдающееся событие – шаимская нефть пришла в Тюмень и достигла своей финишной черты – Транссибирской железнодорожной магистрали. С этого дня начинается круглогодичная эксплуатация первых нефтяных месторождений. Центр нефтяной и газовой промышлен-

ности страны перемещается в Западную Сибирь, в нашу Тюменскую область.

С 29 марта по 8 апреля 1966 года в Москве проходил XXIII съезд КПСС. С докладом по пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1966–1970 годы выступил председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, побывавший до этого в Тюмени. Съезд поставил перед тюменцами задачу втрое увеличить добычу нефти и газа и довести ее до 20-25 миллионов тонн нефти и 20-26 миллиардов кубометров газа. Одновременно планировалось строительство нефтепровода Усть-Балык – Омск для подачи тюменской нефти на Омский нефтеперерабатывающий завод и газопровода Березово – Нижний Тагил для поставок нашего газа на Урал. Все эти грандиозные задачи решались тогда в условиях полного бездорожья в нашей области, с доставкой грузов и оборудования летом по рекам, в зимний период по спешно сооруженным зимникам и круглогодично с помощью быстро наращиваемой самолетной и вертолетной авиации. Поэтому огромное значение имело решение съезда о начале строительства 650-километровой железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут. Но создание всего этого грандиозного производственного комплекса было невозможно без «большой энергетики», и съезд принимает директиву по сооружению мощных линий электропередач от Тюмени до Шаима, Усть-Балыка, Тобольска, Сургута и Мегиона, общей протяженностью более четырех тысяч километров. Это почти два раза как от Тюмени и до Москвы!

Тюменская область стремительно ворвалась в общесоюзную и даже мировую экономику, таких темпов роста не отмечалось до сих пор нигде в мире. Но, при всем при этом, ЦК КПСС и Совет министров ежегодно просили, а то и требовали от Тюмени наращивать объемы бурения, увеличивать добычу нефти и газа, ускорять строительство дорог, аэродромов, нефте- и газопроводов, линий электропередач. В Тюменской области в те годы были побиты все мировые рекорды по скорости и объемам бурения, сооружению дорог и нефтепроводов, перевозкам авиацией грузов и оборудования. По всему Северу практически ежедневно на подвесках могучих советских вертолетов «лета-тали» опоры электропередач, жилые вагончики, тяжелые грузовики, стальные трубы большого диаметра, дизельные генераторы и многое другое, что требовалось строителям и нефтяникам.

Для тюменских чекистов в разы возросло число взрыво- и пожароопасных объектов, они взяли в оперативное обслуживание мно-

гочисленные важнейшие объекты нефтегазодобычи, строительства и транспорта и стали регулярно получать информацию о предпосылках, а нередко и свершившихся фактах чрезвычайных происшествий, как правило, наносивших серьезный экономический ущерб. Но в этом большом потоке информации надо было уметь отделить обычные технические или технологические нарушения от возможных умышленных действий преступных элементов. Для этого, кроме чекистских, нужны были специфические инженерные знания, которыми на тот момент не обладали ни сам начальник Управления Лобанов И. П. с его сельскохозяйственным дипломом, ни имевшиеся в его распоряжении оперативные работники. Практически все они получали высшее образование после войны, большинство – на историческом факультете педагогического института. Срочно требовалось пополнение и обновление оперативного состава для обслуживания быстро развивающегося нефтегазового, строительного и транспортного комплекса Тюменской области. Самым близким и доступным вариантом был Тюменский индустриальный институт, уже приступивший к подготовке кадров для нефтяников и строителей. Причем в первый год переводом из других вузов страны были приняты студенты, проходившие обучение по программам старших курсов.

В 1967 году в нашем Управлении КГБ, как и во многих других областных управлениях, появился новый отдел – по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом, который возглавил Евгений Михайлович Чулимов. Одно из основных направлений работы – борьба с идеологическими диверсиями противника, нацеленными, в первую очередь, против советской молодежи и интеллигенции. Чулимов, с согласия группы кадров, пригласил меня из отдела А. Б. Чернецова на участок оперативного обслуживания студенческой молодежи. С учетом моего первого инженерного диплома и философского факультета Университета марксизма-ленинизма в обслуживание получил технические вузы города, в том числе индустриальный институт. Где-то примерно через год начальник Управления И. П. Лобанов пригласил кадровика В. А. Карпова и нас с Чулимовым к себе в кабинет и поставил задачу – в сжатые сроки подобрать из числа студентов-выпускников индустриального института несколько человек и оформить на работу в Управление КГБ, главным образом, для обслуживания объектов нефтегазового комплекса.

О ректоре и самом институте надо рассказать подробнее, потому что этот институт, ныне нефтегазовый университет, стал потом на

многие годы основной кузницей кадров для Тюменского управления госбезопасности.

Первым ректором индустриального был легендарный Косухин Анатолий Николаевич, 1925 года рождения, уроженец города Симферополя. В период оккупации Крыма немецко-фашистскими захватчиками с ноября 1941 по апрель 1944 года Анатолий вместе со своими родителями находился в оккупированном городе. В декабре 1941 года шестнадцатилетний комсомолец Анатолий Косухин создал подпольную молодежную организацию. Юные подпольщики под его руководством организовали небольшую типографию, выпускали и распространяли листовки и малотиражную газету «Вести с Родины», проводили диверсионные акты в городе и на железнодорожной станции, принимали меры по противодействию отправке молодых граждан Симферополя на принудительные работы в Германию.

После войны он завершил учебу в школе, успешно окончил в 1951 году Московский энергетический институт, работал в городе Свердловске сначала на заводе, затем в Уральском политехническом институте, где прошел все ступеньки, от ассистента до заведующего кафедрой и защитил кандидатскую диссертацию. В феврале 1964 года 39-летний Косухин стал ректором вновь созданного Тюменского индустриального института.

Прежде всего, он наладил хорошие, деловые взаимоотношения с руководством областной и городской партийных организаций, администрацией области и города, от решений и поддержки которых зависело многое. В короткий срок подобрал себе опытных, надежных помощников по организации науки и учебного процесса. Как ни покажется, на первый взгляд, странным, одним из его заместителей стал бывший начальник Тюменского управления КГБ полковник запаса Соловьев Сергей Иванович. Фронтвик Косухин не прогадал, 56-летний Сергей Иванович, имевший богатый оперативный и жизненный опыт, стал хорошим советником молодого ректора, умело и быстро решал возникавшие ежедневно многочисленные организационные и хозяйственные вопросы. Кстати об опыте, именно Соловьев С. И. построил административное здание Тюменского управления госбезопасности на углу улиц Володарского и Водопроводной, в котором сегодня размещается Областное управление внутренних дел.

За счет приглашения в Тюмень опытных научных и педагогических кадров из Свердловска, Томска, Новосибирска, Омска и Башкирии удалось довольно быстро скомплектовать боеспособный инсти-

тутский коллектив. В новом вузе все было по-новому, все впервые. Первые учебные лаборатории и научные кабинеты, первый современный вычислительный центр, собственный геологический музей, созданный руками доктора наук Лебедева Ивана Викторовича, первая в области и, пожалуй, во всей Сибири система учебного телевидения, разработанная и внедренная молодым, неутомимым программистом Олегом Форштадтом, которого неизвестно где откопал Косухин.

Как оперативный работник, не могу не рассказать о своем знакомстве, тесном и плодотворном сотрудничестве с ректором Косухиным Анатолием Николаевичем. Мой прежний многоопытный куратор полковник Чернецов посоветовал, прежде чем идти знакомиться с Косухиным, зайти к его заместителю Соловьеву, с которым Чернецов раньше работал и хорошо его знал. Так и проделал. После короткой беседы с Сергеем Ивановичем, вместе идем в назначенное нам время к Анатолию Николаевичу. Более теплой, благожелательной, прошедшей в духе полного взаимопонимания беседы с официальным лицом я не припомню за все время своей работы в органах госбезопасности. Потом у нас с ним было все - вместе принимали в институте Председателя Совета министров СССР Косыгина А. Н., проводили профилактические встречи и беседы со студентами и молодыми преподавателями, решали вопросы секретности и безопасности и многое другое. И все – почти без разночтений.

Проведенный к этому времени Управлением КГБ дополнительный анализ показал, что в связи со стремительным ростом объемов добычи нефти и газа в Тюменской области резко возросли поставки импортной техники и оборудования на нефтепромыслы области из Европы, США и Японии. Вслед за этим начались массовые приезды иностранных специалистов для монтажа и наладки оборудования. В их числе могли быть лица, и позднее это подтвердилось, представляющие интерес для органов госбезопасности. У тюменских чекистов появились новые задачи по комплексному обеспечению безопасной работы специфических объектов нефтегазодобычи, предотвращению чрезвычайных происшествий и защите секретов, которые трудно было разрешать старыми приемами и методами силами прежнего оперативного состава. Для решения этих и других задач требовались новые оперработники с базовым техническим образованием. Индустриальный институт готовит именно таких специалистов, из которых можно воспитывать нужных нам оперативных сотрудников. Все это я подробно изложил фронтовику Косухину. Анатолий Николае-

вич ответил, что вопросы более чем понятные, и он на благо защиты интересов Отечества не пожалует своих лучших выпускников.

Через год заканчивали институт Виктор Иваненко, секретарь комсомольской организации электротехнического факультета, и Анатолий Антипин, активный общественник строительного факультета. Оба к тому же хорошие спортсмены. Было проведено немало встреч, в том числе с родственниками кандидатов на оперативную работу, исписано много бумаги, и эти инженеры из индустриального института стали чекистами. Они в высшей мере хорошо оправдали рекомендации своего легендарного ректора. Виктор Иваненко начинал в Тюмени, потом служил в Нижневартовском отделе Управления КГБ, с 1986 до декабря 1991 года – в Центральном аппарате КГБ СССР в Москве, генерал-майор в отставке. Анатолий Антипин тоже начинал с Тюмени, затем – начальником Сургутского горотдела, возвратился в Тюмень, отработал все служебные ступени и стал первым из местных чекистов начальником Управления ФСБ, поднял на достаточно высокий уровень оперативные показатели, получил звание генерала. Вместе с другим выпускником индустриального института полковником Мещеряковым Виктором Ивановичем, дошагавшим до заместителя начальника Управления ФСБ, построили новое комфортабельное здание Управления по улице Советской, 40. Сослуживцы тогда единодушно величали Виктора Ивановича «заслуженным про-рабом» великого строительства.

В органы госбезопасности Виктор Мещеряков пришел в 1980 году с должности начальника штаба ЦК ВЛКСМ по освоению Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В 1984–1991 годах трудился в должности заместителя начальника Нижневартовского горотдела КГБ. При его активном участии были проведены комплексные профилактические мероприятия по устранению предпосылок к чрезвычайным происшествиям на важных объектах нефтегазодобычи Нижневартовского района. С 1992 года – заместитель начальника Тюменского управления КГБ по кадрам, а это значит – тесные кадровые связи с родным индустриальным институтом. В 1998 году он назначается первым заместителем начальника Управления, основной задачей которого было обеспечение бесперебойного функционирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Ничего важнее этого в тот период для тюменских чекистов не было, он снова в своей стихии, и Виктор Иванович блестяще справляется с этой работой. Редкий в чекистской практике случай, но по инициативе тюменских

органов власти и нефтяных руководителей В. И. Мещерякову было присвоено звание «Почетный работник топливно-энергетического комплекса». В настоящее время Виктор Иванович, закончивший чекистскую службу, возглавляет Совет ветеранов госбезопасности всей Тюменской области.

Вскоре после оформления Иваненко и Антипина, с моей подачи, в Управление были приняты окончившие индустриальный институт Александр Кантышев и Виктор Пупышев, работавшие затем по линии разведки, Вадим Пантелеев, дослужившийся до полковника и заместителя начальника Управления, и Василий Горетый, прибывший в Тюмень после окончания вуза в Москве. Василий Павлович начинал службу в Тюмени, потом трудился в Ямало-Ненецком окружном отделе УКГБ, в 1996 году с честью выполнил свой офицерский долг во время служебной командировки в Чеченскую Республику и получил боевую награду. В настоящее время он - президент общественной организации «Ассоциация работников правоохранительных органов».

Иван Петрович Лобанов, проработавший начальником Управления практически десять лет, исповедовавший строгий кабинетный стиль руководства и очень тесные связи с партийными органами, так и не стал своим человеком в коллективе, ни для оперативного состава, ни для руководителей отделов и отделений, с которыми общался почти ежедневно. Показательно, что, когда случилось ЧП с участием Лобанова, и приехала для расследования московская комиссия, ни один опрошенный офицер не высказался однозначно в его защиту. Некоторые старослужащие в частных беседах вполне откровенно и не без иронии «вспоминали» недобрым словом его «ветеринарный» диплом, полученный в Омском сельхозинституте.

После перевода Лобанова И.П. в действующий резерв «по личным обстоятельствам», в июле 1972 года начальником Тюменского управления госбезопасности был назначен полковник Третьяков Михаил Иванович, 1919 года рождения, работавший до этого начальником соседнего, Курганского управления КГБ и, что особенно важно, по гражданскому диплому инженер-строитель. Именно такой человек с хорошим чекистским опытом и инженерной подготовкой и нужен был для Тюмени, потому что на его время пришлось наибольшие темпы наращивания добычи нефти и газа в области. А, значит, весьма существенное увеличение объемов строительно-монтажных работ, поставок зарубежного оборудования, приезда иностранных специалистов, а вслед за ними - дипломатов и разведчиков. Для меня

назначение Михаила Ивановича было вдвойне приятно, поскольку с 1964 года, с моей командировки в Курган, мы были лично знакомы и практически ежегодно встречались во время проведения магчевых спортивных встреч наших Управлений, поскольку я был председателем Совета физкультуры. Одна примечательная деталь – почти при каждой встрече Михаил Иванович интересовался, как идут дела у тюменских нефтяников. По прибытии в Тюмень после своего назначения он нашел время для обстоятельного разговора со мной, и все последующие годы службы я не раз замечал его благожелательное отношение к себе. Разумеется, я всегда старался хорошей работой отвечать на его внимание.

Между тем, огромные массы людей, техники и оборудования продолжали продвигаться все дальше на Север, ежегодно там возводились и сдавались в эксплуатацию десятки крупных объектов добычи нефти и газа, строились новые трубопроводы и аэродромы. Оперативная обстановка в северных районах области заметно усложнилась, а чекисты продолжали проводить свою работу с позиций областного управления из города Тюмени. Михаил Иванович свежим взглядом быстро оценил неадекватность ситуации. Доложив свои выводы Областному комитету КПСС и согласовав с ним свои дальнейшие шаги, срочно подготовил докладную записку в Комитет госбезопасности СССР с предложениями о создании городских и районных аппаратов Управления КГБ непосредственно в местах разведки, строительства и нефтегазодобычи. Третьяков кратко так обосновал свои мотивы по созданию новых подразделений УКГБ: «Причина этого: сегодня практически все основные объекты нефтегазодобычи и сопутствующие им производства переместились в наиболее отдаленные и сложные районы на север области, на расстояние от семисот-восьмисот до двух тысяч километров от Тюмени. Отсутствие дорожной сети, рост числа объектов и ускорение темпов строительства приводят к увеличению количества аварий и серьезных чрезвычайных происшествий, что ведет к экономическим потерям, а иногда и к гибели людей. Задача – создать систему мер по надежному контрразведывательному обеспечению и защите всей нефтегазодобывающей промышленности Тюменской области».

Москва в те времена все больше гордилась успехами тюменских нефтяников, поток нашей нефти и газа на экспорт постоянно возрастал, государственная казна заметно пополнялась за счет тюменских углеводородов. Поэтому кадровые просьбы Тюменского управле-

ния КГБ, поддержанные областной партийной организацией, Комитет госбезопасности оценил, как очень своевременные и финансово оправданные. М. И. Третьякову было предложено в короткие сроки прибыть в Москву, в Управление кадров КГБ СССР с конкретными предложениями. Так он стал отцом-основателем практически всех северных городских и районных аппаратов Управления КГБ Тюменской области.

В это же время в 1973 году, уже профессор, Косухин А. Н. переводится в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени Губкина, а позднее работает в Министерстве высшего и специального образования СССР. После отъезда Анатолия Николаевича в Москву ректорскую эстафету славных дел принял Виктор Ефимович Копылов, и Управление КГБ продолжило свою кадровую работу с индустриальным институтом. Михаил Иванович лично контролировал деятельность своего кадрового аппарата по подбору оперработников для вновь открываемых северных подразделений КГБ, не раз приглашал к себе по этим вопросам куратора индустриального. В общей сложности тогда и в последующие годы были приняты в Управление КГБ, трудились в чекистских рядах и продолжают служить более двух десятков лучших выпускников Тюменского индустриального института. Кроме уже перечисленных выше, считаю, что и все другие выходцы из индустриального вполне заслужили быть названными и причисленными к знаменитой когорте тюменских чекистов-индустриальщиков. Это Чазов Михаил, Велижанин Евгений, Воронцов Анатолий, Костюков Игорь, Пленкин Александр, Строгальщиков Сергей, Григоров Анатолий, Нагарев Владимир, Кабанов Аркадий, Вирченко Вадим, Красноусов Владимир, Мартышкин Александр, Масянов Сергей, Черкасов Сергей, Буторин Евгений, Зиганшин Сергей и Лаврентьев Александр.

После необходимых согласований и расчетов, сделанных в Москве по докладу Третьякова М. И., первыми претендентами на открытие городских отделений Управления КГБ были определены в Среднем Приобье город Сургут и на Севере – Надым. Но в это же самое время в Уренгое громко заявило о себе крупнейшее в мире газовое месторождение, а неподалеку от Нижневартовска возшла нефтяная звезда первой величины – богатейшее Самотлорское месторождение. И тут же в Новом Уренгое и в Нижневартовске создаются оперативные подразделения Тюменского управления КГБ.

Самой сложной проблемой всех северных поселений того периода бурного освоения и стремительного развития нефтегазового комплекса была острая нехватка жилья и служебных помещений. Люди – рабочие, специалисты, руководители – прибывали более быстрыми темпами, чем успевали строить жилье и административные здания. Мне, как и другим оперработникам, не раз приходилось выезжать в командировки на Север в те, очень непростые для тружеников области, да и для чекистов тоже, годы. После напряженного трудового дня надо было еще найти, где переночевать, лучший вариант – это койка в рабочем общежитии, в комнате на 8-10 человек, иногда на двухъярусных кроватях. Хуже – балок, вагончик или «бочка», но это, как правило, на строительной трассе или на буровой, когда из-за непогоды не прилетел вертолет, и ты не смог возвратиться в город. Случалось это одинаково часто и летом, и зимой. Про «бочку», а я в ней однажды зимой ночевал, нынешнему читателю надо рассказать подробнее. По внешнему виду – это большая железнодорожная цистерна, но без колес, на любых невысоких опорах. Снаружи и изнутри как-то утеплена, в торцевой части укреплен входная дверь, по бокам прорезаны узенькие оконца. Внутри, с помощью электросварки вдоль бортов приварены двухэтажные металлические кровати, посередине стоит небольшая железная печурка с трубой наружу. Дрова – рядом с «бочкой» на улице, дров в тайге всегда хватало. Зимой эту печку растапливает тот, кто придет ночевать первым, потом подбрасывают дрова все желающие, температура повышается настолько, что все лежат на кроватях в трусах и маечках, без всяких одеял. К полуночи все засыпают, в печке догорает последнее полено, и она быстро остывает. Через 2-3 часа все начинают укрываться одеялами, а к утру еще и своими полушубками.

Создание каждого северного отдела или отделения Управления КГБ начиналось с трудных поисков служебного помещения и квартир для сотрудников. Для ускорения процесса, как правило, шли на компромиссный вариант, начальнику подразделения и первым одному-двум сотрудникам в уже существующем отделе милиции за счет уплотнения, на время выделяли пару кабинетов, и работа началась. К чести генерала Третьякова Михаила Ивановича надо сказать, что эти первые, трудные, но очень важные шаги он старался никому не перепоручать. Он сам «привозил» вновь назначенного своего представителя Управления КГБ в город, сам представлял секретарю горкома партии и председателю горисполкома, которые

уже имели необходимые указания от своих областных начальников из Тюмени. Потом были визиты к руководителям наиболее крупных нефтегазовых предприятий, после чего делегация чекистов появлялась в кабинете милицейского начальства. Все эти встречи заранее планировались, тщательно готовились, проходили очень конструктивно и содержательно. В их ходе часть вопросов решалась сразу, что-то откладывалось на ближайшее будущее. В любом случае Третьяков не уезжал, пока не разрешит или не согласует по срокам самые главные вопросы, зато после его отъезда в Тюмень вновь назначенный начальник подразделения чувствовал себя уверенно и смело приступал к своим оперативным обязанностям. А мудрый Михаил Иванович, детально и плотно пообщавшись с первыми партийными, советскими и нефтегазовыми руководителями и посетив наиболее важные объекты, уже неплохо представлял себе оперативную обстановку в очередном уголке большой Тюменской области. Так, шаг за шагом, он облетал на самолетах и вертолетах, объездил на КАМАЗах и вездеходах, а где-то и прошагал пешком нашу огромную область, от Тюмени до самого северного подразделения Управления КГБ в райцентре Тазовском, а это уже за Полярным кругом. Чекисты-острословы шутили тогда, что из Тюмени в Москву попасть проще, чем в Тазовский, два часа самолетом и ты в столице. А в Тазовский на то же расстояние – сначала самолет до Салехарда, а потом с пересадкой вертолетом до места назначения, да еще с существенной оговоркой: если повезет с северной капризной погодой. Мне, например, довелось дважды летать в Тазовское райотделение, и оба раза сидел в Салехарде, ждал, когда «откроют» Тазовский.

Вслед за Сургутом, Надымом, Нижневартовском и Новым Уренгоем на карте Тюменской области появились, благодаря стараниям Михаила Ивановича Третьякова, еще десять городских и районных подразделений Управления КГБ. И что весьма характерно, многие из этих отделов и отделений УКГБ возглавляли молодые, растущие, перспективные чекисты, получившие базовое образование в Тюменском индустриальном институте и названные поименно чуть выше, а рядом с ними на предприятиях нефтегазового комплекса нередко трудились их недавние однокашники.

В том же 1965 году, когда в Тюмень по трубе пришла первая нефть, в областном центре было образовано Главное Тюменское производственное управление по нефтяной и газовой промышленности «Глав-

тюменнефтегаз». С момента образования Управление возглавлял, как его называли в народе, «нефтяной генерал» Виктор Иванович Муравленко, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. Третьяков, после вступления в должность начальника Управления КГБ и решения самых неотложных кадровых проблем с северными подразделениями, побывал у Муравленко в Главке. Не пригласил к себе, как это делали другие начальники, а сам пошел к нему, и это тоже было одним из правил в работе Третьякова М. И. – уважать заслуженных людей. Разговор получился вполне откровенным и деловым, два крупных специалиста, каждый в своей области, быстро нашли точки соприкосновения и определили совместные действия для решения единой общегосударственной задачи по обеспечению устойчивого развития Тюменского нефтегазового комплекса. Михаил Иванович рассказал Муравленко о своих последних кадровых решениях по укреплению оперативных позиций непосредственно в районах добычи нефти и газа, проведенных совместно с Управлением кадров КГБ СССР, пообещал оперативно информировать руководство Главка о возможных предпосылках к чрезвычайным происшествиям на его подконтрольных нефтегазовых объектах и по другим вопросам, представляющим взаимный интерес.

Судьбе было угодно, чтобы в том же 1965 году участник Великой Отечественной войны, полковник запаса КГБ Ярославцев Иван Федорович вернулся в родную Тюмень и попал в «Главтюменнефтегаз». Уроженец деревни Молчаново Тюменского района, Иван Федорович закончил войну в звании майора и по возвращении в 1945 году на родину поступил на работу в Тюменское управление госбезопасности. Поскольку специального чекистского образования он не имел, руководство Управления вскоре направило его в Ленинградскую двухгодичную школу подготовки оперативного состава. Окончив школу с отличием, получил назначение в КГБ Якутии. Добросовестно отслужил десять лет на оперативной и руководящей работе, затем был переведен из-за болезни супруги в европейскую часть страны – в Управление КГБ по Кировской области. В Кирове по достижении 27 лет общей выслуги, с учетом военных, по собственному заявлению ушел в запас КГБ и решил возвратиться в родные края, где уже начинались интересные нефтяные дела. На вокзале в Тюмени семью Ярославцевых встречали кадровик В. А. Карпов и «железнодорожник» Н. Зензин. Привезли в квартиру, выпили по рюмке за новоселье, обменялись телефонами. И не зря. Вскоре Иван Федорович попросил

помочь приобрести гараж для личного автомобиля в кооперативе железнодорожников, через начальника отделения дороги В. Н. Нарбутика вопрос оперативно решили. По рекомендации и при содействии Карпова Ярославцев был принят в «Главтюменнефтегаз» «старшим инженером по подготовке рабочих кадров» – так записали в трудовую книжку. Но «хозяин» Главка Виктор Иванович Муравленко захотел сам познакомиться с полковником запаса КГБ. Высокого роста, подтянутый, тактичный, образованный, с большим чекистским опытом, с хорошим чувством юмора полковник госбезопасности Ярославцев сразу понравился Виктору Ивановичу и с этого дня стал его советником по общим и специальным вопросам.

Вопросов этих было много: защита государственных секретов, создание спецчастей и работа с ними в крупных предприятиях Главка, контракты на поставку импортной техники и оборудования, работа с иностранными специалистами, различные согласования с органами милиции и Управления КГБ и кое-что другое. Иногда он звонил Карпову, а чаще, как оперработнику, мне, просил совета по спорным моментам или умолял ускорить продвижение документов, отправленных на согласование. Я старался выполнять просьбы Ярославцева, делал это с согласия, а иногда и при поддержке руководства своего отдела, все это, разумеется, докладывалось начальнику Управления М. И. Третьякову.

В тот период у тюменских нефтяников, да и у наших чекистов тоже, время было спрессовано до предела, счет нередко шел не на месяцы или недели, а даже на дни и часы. ЦК КПСС и Совет министров хорошо знали, что бюджет страны пополняется в значительной мере от объемов продажи за границу тюменских углеводородов, поэтому планы по разведке и добыче нефти и газа в Западной Сибири пересматривали практически ежегодно, и только в сторону увеличения. Появились сначала разговоры, а затем и примерные расчеты – в каком году Тюмень должна достичь рекордной добычи нефти в один миллион тонн и газа – в один миллиард кубометров в день. Естественно, что подобные грандиозные предложения и планы привлекли внимание к Тюменской области, не только в нашей стране, но и мировой промышленной и финансовой общественности. Среди тюменских журналистов появилась такая байка. Два крупных западных бизнесмена верстают план на предстоящий год, и для расчетов им требуется прогнозный курс доллара. Советуются, где бы узнать поточнее. Один предлагает обратиться в Международный валютный фонд,

второй возражает – лучше позвонить в ОПЕК, все-таки дело связано с нефтью. Первый отвечает, что в таком случае звонить надо сразу в Тюменский Обком КПСС, там знают точно.

Между тем, вновь созданные северные городские и районные подразделения госбезопасности встали на ноги и довольно быстро набирали ход в своей чекистской деятельности. В Тюмень, в областной аппарат Управления КГБ, систематически стала поступать заслуживающая оперативного внимания информация, и не только о предпосылках к чрезвычайным происшествиям. Из двух отделов, это Среднее Приобье и Ямало-Ненецкий автономный округ, пришли сообщения о повышенном и весьма подозрительном внимании двух иностранных специалистов к плановым показателям по разведочному бурению на ближайшую пятилетку, а также по прогнозным запасам нефти одного из очень крупных месторождений. Причем во втором случае иностранец обозначил наименование документов, копии которых он хотел бы получить, и не безвозмездно. Нашему нефтянику за документы была предложена иностранная валюта. Михаил Иванович, дополнительно и детально изучив ситуацию, согласовав, с учетом важности сигнала, свои действия с соответствующим Управлением КГБ в Москве, на месте своевременно провел необходимые оперативно-технические мероприятия. В итоге была пресечена негласная попытка передачи иностранцу и вывоза за границу секретной информации, господин Икс не получил желаемых ценных документов, а наш товарищ Игрек остался без валюты и с испорченной надолго служебной карьерой.

Часть получаемой из северных отделов и отделений информации Третьяков, как и обещал, направлял для принятия мер в «Главтюменнефтегаз» В. И. Муравленко, основные и наиболее значимые в контрразведывательном плане материалы шли в Москву. Комитет государственной безопасности страны довольно высоко ценил поступающую из Тюменского управления оперативную информацию, придавал исключительно важное значение вопросам организации тюменскими чекистами контрразведывательной работы на объектах нефтегазового комплекса.

В 1978 году Центральный Комитет КПСС и Советское Правительство проявили еще одну заботу о тюменских нефтяниках. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1978 года была учреждена медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». Медалью награждались активные участ-

ники освоения недр и развития нефтегазового комплекса за разведку и разработку месторождений, строительство гражданских объектов и транспортных магистралей, работники научных и проектных организаций, партийных, советских и комсомольских органов, внесших своим добросовестным трудом вклад в его развитие. Одно из требований к награждаемому – непрерывный стаж работы в районах нефтегазового комплекса не менее трех лет с тюменской или томской пропиской. Награждение не носило массовый характер, отбор кандидатов на медали был достаточно тщательным и строгим. Все-таки награда правительственная и вручалась от имени Президиума Верховного Совета СССР. На Тюменское управление КГБ и все его северные аппараты Москва выделила «квоту» немногим более двух десятков наград. Медаль эту, в первую очередь, получили, разумеется, чекисты городских и районных подразделений Севера, а также несколько сотрудников областного управления. Автору повезло, он оказался в их числе.

На этом связь тюменцев с нефтяниками и с именем Виктора Ивановича Муравленко не закончилась. Родился он 25 декабря 1912 года в станции Незамаевская, ныне Павловского района Краснодарского края. В 1936 году окончил нефтяной институт в городе Грозный по специальности «инженер по бурению нефтяных и газовых скважин». Трудовую карьеру начал на нефтепромысле в Чечено-Ингушской АССР. С 1936 года служил в Красной Армии. С конца 1930-х годов работал в Сызрани мастером на буровой, затем был назначен директором конторы бурения. В 1940–1946 годах – начальник отдела добычи и бурения нефтекомбината на Сахалине. В 1949 году возглавил трест «Ставропольнефть», в 1960–1965 годах – начальник управления нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза.

С сентября 1965 года Виктор Иванович – начальник Главного Тюменского производственного управления нефтяной и газовой промышленности. Принимал активное участие в создании основной энергетической базы СССР в Западной Сибири. Являлся сторонником внедрения новых технологий. Получил Ленинскую премию за разработку нового метода форсированного отбора нефти из скважин в числе группы нефтяников. Награжден Золотой Звездой Героя Социалистического Труда и четырьмя орденами Ленина. Скоропостижно скончался от сердечного приступа 15 июля 1977 года, находясь в служебной командировке в Москве и отстаивая в Правительстве страны вопросы оптимальной добычи нефти в Тюменской области. В его честь назван

город Муравленко на севере области, одно из месторождений нефти, его имя носят несколько улиц и школ в городах области. 20 лет назад в Тюмени создан общественный фонд имени В. И. Муравленко, с которым наши чекисты-ветераны поддерживают деловые отношения. Благодаря, главным образом, активной работе фонда и его президента Сергея Дмитриевича Великопольского сохраняется сегодня память о выдающемся тюменском нефтянике Викторе Ивановиче Муравленко.

По инициативе Тюменской областной Думы, Правительства Тюменской области и Тюменского областного общественного фонда имени В. И. Муравленко уже несколько лет проводится конкурс и присуждаются премии имени Муравленко в различных номинациях. Окончательное решение о присвоении почетных званий лауреатов премии принимают губернатор и председатель областной Думы, что подчеркивает высокий уровень этой региональной награды. Номинации, как правило, за успехи в разведке и добыче нефти и газа, в научно-исследовательских работах, в защите здоровья нефтяников, за лучшие произведения художественной литературы о жизни и трудовых подвигах нефтяников, а также представителей других профессий.

Очередной конкурс был объявлен весной 2016 года. Автором этих строк, при поддержке председателя Совета ветеранов органов госбезопасности В. И. Мещерякова, на конкурс были представлены три книги: «Война и разведка», «Два разведчика с улицы Республики», «Мы помним всех, далеких нам и близких», рассказывающие о подвигах в годы войны земляков-разведчиков Николая Кузнецова, Павла Фитина и Александра Тетцова. Итоги конкурса были традиционно подведены в конце года к дню рождения Виктора Ивановича Муравленко. 23 декабря 2016 года в актовом зале Дворца культуры «Нефтяник» состоялось торжественное собрание ветеранов нефтегазовой промышленности и представителей других профессий, посвященное 104-летию со дня рождения В. И. Муравленко. Первый заместитель председателя областной Думы А. В. Артюхов и президент фонда С. Д. Великопольский вручили победителям дипломы лауреатов премии имени В. И. Муравленко, нагрудные знаки и денежные премии. В числе награжденных, в номинации «За лучшие произведения художественной литературы, журналистики и публицистики (повесть, сборник рассказов, серия очерков), рассказывающие о жизни и труде нефтяников и газовиков, представителей других профессий», и «За личный вклад в развитие писательской деятельности в Тюменской области» прозвучала и моя фамилия.

В 1980 году девятилетняя «эпоха Михаила Ивановича Третьякова» в Тюменском управлении госбезопасности закончилась. После перенесенного прямо в служебном кабинете инсульта Михаил Иванович сумел восстановиться и выйти на работу, но по рекомендации врачей согласился оставить свой очень напряженный и беспокойный пост и перешел на работу в Областной исполнительный комитет.

В этом же году на пост начальника Тюменского управления КГБ был назначен более молодой Василий Алексеевич Пчелинцев, прибывший к нам из Кемеровской области. ТНК – тюменский нефтегазовый комплекс продолжал наращивать объемы добычи нефти и газа, в области уже действовало свыше 300 крупных объектов по добыче и транспортировке углеводородов. Тюмень впервые вышла на небывалый уровень ежедневной добычи в один миллион тонн нефти и один миллиард кубометров газа. А значит, усложнились оперативные задачи чекистов. Поскольку создание новых горрайаппаратов госбезопасности в районах нефтегазодобычи было завершено, стояла задача дальнейшего укрепления их материальной и оперативной оснащенности и усиления контрразведывательного обеспечения предприятий ТНК. Василий Алексеевич с присущей ему энергией и напором взялся за решение этих непростых проблем и об этом, конечно, следовало бы написать отдельную, интересную и увлекательную главу. Но генерал Пчелинцев уже заканчивает книгу воспоминаний о своих чекистских путях-дорогах и лучше его самого никто об этом не расскажет. Мне повезло потрудиться в его команде около шести лет, практически до окончания службы. На заслуженный, по-моему, отдых меня отправил его преемник Ефремов Василий Александрович, вступивший на высокий тюменский пост в декабре 1986 года. С ним мы успели поделиться воспоминаниями о его счастливых молодых годах, когда он начинал свою чекистскую карьеру в Свердловском управлении.

15 лет с Ю. В. Андроповым

Об этом интересном, достаточно широко известном и до сих пор обсуждаемом в определенных кругах пятнадцатилетии, продолжавшемся с мая 1967 по ноябрь 1982 года, написано много. А об его создателе и творце Ю. В. Андропове – еще больше. Сказать что-то новое практически невозможно. Думаю, что сегодня нам следует больше уделить внимания воспоминаниям о Юрии Владимировиче Андропове его московских соратников того периода, а также наших тюменских чекистов, которым посчастливилось работать под руководством этого неординарного человека. Пусть их зарисовки «на ходу», отдельные штрихи к портрету, большие и не очень монологи помогут нам создать довольно яркое полотно того насыщенного событиями 15-летия и его автора – высокого роста, с открытым лицом и негромким спокойным голосом, располагающего к себе человека. А еще – представить его же, сидящего в короткие минуты отдыха в мягком удобном кресле и сочиняющего небольшие лирические стихи, как он говаривал – «пишу сонеты своей, а не чужой жене». Хорошие стихи, я читал.

15 июня 2014 года страна отметила 100-летний юбилей со дня рождения выдающегося общественного и государственного деятеля Ю. В. Андропова, который дольше всех других руководителей возглавлял Комитет государственной безопасности СССР. 17 июня 2014 года, по инициативе свердловских чекистов, при активной помощи и поддержке федеральных и региональных властей в Екатеринбургe состоялся Уральский форум «Безопасность государства и гражданская ответственность молодежи», посвященный памяти Юрия Владимировича Андропова. В форуме участвовали ветераны органов госбезопасности Уральского федерального округа, представители общественных организаций, науки и органов власти города Екатеринбурга. От тюменского Союза ветеранов госбезопасности приняла участие делегация во главе с заместителем председателя Совета ветеранов ФСБ по Тюменской области В. А. Ефремовым.

В приветствии форуму начальник Управления ФСБ по Свердловской, а несколько ранее и Тюменской, области генерал-лейтенант А. П. Вяткин отметил, что в настоящее время «мы наблюдаем стремительный прогресс в области коммуникационных и иных наукоемких технологий, смену политических систем, изменения государственных границ. Все эти факторы обусловили появление новых угроз, связанных с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, наркобизнесом, промышленным и коммерческим шпио-

нажем, информационными противоборствами. В связи с этим руководство российского государства ставит перед Федеральной службой безопасности задачи, решение которых требует высокого уровня профессионального мастерства, владения оперативными знаниями и навыками. Большую роль в деятельности современных органов безопасности играет процесс становления молодых сотрудников, входящих на службу по окончании высших учебных заведений, осознание ими важности и ответственности в выборе профессии, ведь речь идет о защите жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. Не случайно сегодня все чаще говорится о необходимости формирования у молодежи ясного идеологического сознания, гражданской ответственности, уважения к закону. Основываясь именно на этих принципах, Ю. В. Андропов уделял огромное внимание патриотическому воспитанию молодого поколения, проводя большое число встреч в учебных заведениях и трудовых коллективах».

Во вступительном слове председатель Координационного бюро советов ветеранов органов безопасности в Уральском федеральном округе генерал-майор В. Л. Крупкин, прослуживший 15 лет под началом Ю. В. Андропова, сказал: «Время не имеет силы над тем, кто искренне и честно служит Отечеству. Именно таким человеком – подлинно государственным деятелем, верным Родине и воинскому долгу, ставившим во главу угла интересы народа, был и остается в нашей памяти Юрий Владимирович Андропов. На многочисленных встречах и на страницах газет ветераны, работавшие под руководством Ю. В. Андропова, делятся воспоминаниями о его стиле работы, отношении к коллегам, о принципиальности и требовательности при подготовке и проведении чекистских мероприятий. О внимательном и объективном рассмотрении любых материалов, касающихся судеб людей, о введении в приоритет предупреждения и профилактики государственных преступлений вопреки карательным мерам. Надеюсь, что наш форум продемонстрирует ценность и актуальность наследия Ю. В. Андропова в развитии непосредственной связи сотрудников органов безопасности с народом, а также в использовании опыта ветеранов в работе по патриотическому воспитанию молодежи».

«А еще, – добавил Л. В. Крупкин, – надо признать, что ранее допущенные ошибки, связанные с отчуждением общеобразовательных учреждений от воспитательного процесса, сокращение количества часов на изучение истории государства, истории малой Родины,

русской литературы, заменой изучения бесценных произведений российских писателей и поэтов (Пушкина, Толстого, Достоевского и других) краткими пособиями по их творчеству, дезориентировали молодежь. Увлекаясь защитой прав и свобод, мы упустили понятия «обязанность», «правовая подготовка», «привитие ответственности и законопослушания», забыв, что «высший уровень демократии – это строжайшее соблюдение законов государства».

Участник форума, завкафедрой теории и истории политической науки Уральского федерального университета доцент А. А. Керимов отметил, что «особо следует сказать о наследии Андропова, когда он был руководителем КГБ. По словам авторов «Энциклопедии шпионажа» Н. Полмара и Т. Б. Аллена, отражавших мнение многих зарубежных аналитиков, «в годы пребывания Андропова на посту председателя КГБ эта организация улучшила свой имидж и стала более эффективной. Андропов усилил дисциплину и предъявлял новые требования к интеллектуальному уровню своих подчиненных. Методы внешней разведки обновились, стали более современными и изощренными. По примеру Запада, Андропов сделал упор на научно-технические способы ведения разведки. В то же время он не забывал и про агентурную разведку, поощряя работу ценных агентов».

Он не был профессионалом в области обеспечения государственной безопасности страны. Однако, как отмечал в статье «Тайны Андропова» эксдиректор Федеральной службы безопасности России Н. П. Патрушев, «память об этом неординарном человеке, вообще-то непрофессиональном чекисте, бережно сохраняется среди кадровых сотрудников спецслужб. Фактически Андропов выступил как подлинный реформатор отечественных органов безопасности, выстроив их на новой основе, стараясь вписать их в процесс трансформации «государства диктатуры пролетариата» к общенародному государству».

Далее Керимов подчеркнул, что про период Андропова «нередко много говорится о якобы преследовании «диссидентов» за инакомыслие, ущемлении права на собственное мнение, свободу слова и распространения информации. Однако следует заметить, что свобода слова и распространение информации, вопреки широко распространенному, но ошибочному мнению, отнюдь не безграничны. Часть 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ратифицированного Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 года, устанавливала, что пользование правом на

свободу слова «налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с такими ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения и репутации других лиц, для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Здесь же Керимов продолжил со ссылкой на известного историка Роя Медведева, что «в многогранной работе Андропова «тема диссидентов» не была главной и единственной. Это была составляющая, «мучительная составляющая» его работы в КГБ, где девять десятых времени занимали другие, не менее важные для него, аспекты обеспечения государственной безопасности».

И еще несколько слов из выступления Керимова о личности Юрия Владимировича: «Сам Андропов жил почти аскетически. Пил по капельке для видимости. И дома, и на даче все было предельно скромно. Бессребреник полный. Детей держал в строгости. Не позволял своей конторе обслуживать их. Сдавал в казну многочисленные подарки. Не потому, что хотел взойти на вершину. Натура такая», – вот характеристика личности Андропова, данная политическим обозревателем Александром Бовиным».

Генерал-майоры Сидоренко А. Г. и Губернаторов Н. В., работавшие в «команде Андропова», рассказывали, что к моменту назначения Юрия Владимировича в мае 1967 года на пост Председателя КГБ деятельность иностранных спецслужб против Советского Союза достигла высшей точки напряженности. В конце 1950-х годов американское Центральное Разведывательное Управление сумело навязать руководству КГБ СССР вредную концепцию, в основе которой лежала переоценка роли технической разведки в ущерб агентурной. Одновременно широкий размах приобрела практика внедрения с позиций ЦРУ, разведок Канады и стран НАТО «агентов влияния», которым надлежало оседать в СССР на длительные сроки и добиваться ведущих постов в государстве, армии и науке. При этом особое значение наш противник придавал Украине, Белоруссии и прибалтийским республикам Литве, Латвии и Эстонии, входившим тогда в состав СССР. События более поздних лет показали, что кое-где такая агентура работала.

В результате проведенных в стране «послебериевских» чисток, сокращения штатов и реформирования некоторых структур органы госбезопасности СССР были значительно ослаблены. В этих условиях

Ю. В. Андропову, вступившему на пост руководителя, пришлось при серьезной поддержке Центрального Комитета КПСС, направившего его на этот очень острый участок работы, буквально реанимировать Комитет госбезопасности. В первую очередь, он пересмотрел систему подбора и подготовки кадров для работы в органах госбезопасности. По его инициативе были возрождены ранее ликвидированные школы подготовки оперативного состава, а также воссозданы курсы повышения квалификации молодых контрразведчиков.

Обладея феноменальной трудоспособностью и блестящим аналитическим умом, он постепенно вникал во все тонкости системы разведки и контрразведки. Его целью было создание таких органов госбезопасности, которые были бы способны выполнить любую задачу в рамках своей профессиональной компетенции и с учетом современных вызовов сложной международной обстановки. Анализируя положительный опыт предыдущих чекистов-профессионалов, он сумел так перестроить деятельность аппарата разведки и контрразведки, что органы госбезопасности стали работать на опережение и выявлять агентуру противника у нас в стране, а также за рубежом, еще на стадии подготовки подрывных акций. За все годы пребывания Андропова на посту Председателя КГБ чекисты обезвредили не одну сотню вражеских шпионов, предотвратили десятки крупных международных провокаций. Одновременно с этим удалось добиться большой степени осведомленности о подрывных планах и замыслах высокопоставленных представителей Минобороны и спецслужб США, ФРГ, Великобритании, Канады и Израиля, создать информационное превосходство для советского руководства.

Со временем Андропова стали высоко ценить за рубежом, в том числе основные противники, с кем он вел борьбу. Его самого и методы работы возглавляемого им ведомства стали изучать и относиться к ним с соответствующим уважением. Бывший начальник Управления внешней разведки генерал-майор Ю. И. Дроздов, лично знавший Юрия Владимировича, привел на этот счет необычный пример. В середине девяностых годов один из наших сотрудников, который поддерживал контакты с Федеральным Бюро Расследований США по поводу обмена арестованных советских разведчиков, содержащихся в нью-йоркской тюрьме, побывал в рабочем кабинете офицера ФБР, увидел там портрет Андропова и очень удивился. Хозяин кабинета спокойно пояснил: «А что, я не могу повесить у себя на стене портрет руководителя лучшей разведки мира?».

Генералы Сидоренко и Губернаторов отметили, что до назначения на пост Председателя КГБ Юрий Владимирович был крупным комсомольским, а затем партийным работником. Вскоре после возрождения школ подготовки оперативного состава и курсов повышения квалификации молодых контрразведчиков он, одним из первых своих приказов, летом 1967 года создал в системе КГБ новую структуру, противостоящую современным угрозам советскому государству, в том числе в вопросах борьбы с террором и в области идеологических диверсий противника. В Москве это было Управление, а в областных аппаратах КГБ – отделы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом. Некоторые идеи и методы борьбы с враждебными проявлениями террористического и экстремистского характера остаются на вооружении чекистов и в наши дни. Правда, свой отдел сотрудники ФСБ сегодня кратко называют подразделение БТ – борьбы с террором.

Наш тюменский отдел формировался тогда довольно оперативно, я, как один из молодых, но уже опытных чекистов, был направлен в это подразделение одним из первых. Сравнительно скоро в отделе появился бывший комсомольский руководитель Станислав Борисович Хальзов. Но вместе мы проработали недолго, уже в 1969 году он уехал на учебу в Москву по линии внешней разведки. С этого времени и до конца службы он трудился или в столице, или за рубежом, не прерывая связи с Тюменью. И ему из всех тюменских чекистов повезло, по-моему, больше других, он не только работал в «эпоху Андропова», но и лично встречался с Юрием Владимировичем. А как это было, мы узнаем из его рассказа. Вот что написал Хальзов:

«Я был направлен в органы КГБ через полгода после того, как это ведомство возглавил Ю. В. Андропов. С чувством гордости отношу себя к «андроповскому призыву». Помню, рапорт о приеме в ряды чекистов надо было подавать на имя Председателя КГБ Ю. В. Андропова – это вдохновляло и ко многому обязывало. Шел 1967 год, страна торжественно отмечала 50-летие Великого Октября. Вместе с тем, международная обстановка, да и внутривластьное положение в нашей стране продолжали осложняться. Надвигались события «пражской весны» в Чехословакии, кризис в Польше, кровавые столкновения на советско-китайской границе, на острове Даманском, наступление США и НАТО по всем фронтам. Внутри страны косыгинскую экономическую реформу «успешно заболтали», страна постепенно садилась на «нефтяную иглу». Разрастались явления

теневой экономики, коррупции, преступного обогащения узкой прослойки управленцев.

Отдельные авторы до сих пор полагают, что назначение Андропова в КГБ стало следствием личных интриг внутри советского руководства. На самом деле причины были глубже. Положение дел на международной арене, внутри страны, да и в самом ведомстве госбезопасности требовало иного, более высокого уровня работы КГБ, упреждающих ответов на новые вызовы безопасности. В этих условиях в руководство системой требовалась такая личность как Ю. В. Андропов. Сам Юрий Владимирович, по имеющимся свидетельствам, никогда не думал, что ему придется возглавить Комитет госбезопасности, хотя именно он, как никто другой в советском руководстве, был подготовлен тогда к этой роли всей предшествующей карьерой. Это был комсомольский вождь в Ярославле, один из организаторов партизанского движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны, партийный функционер, дипломат высокого ранга и, особо следует выделить, посол СССР в Венгрии в период назревания и преодоления глубочайшего политического кризиса 1956 года в этой стране. Именно в Венгрии Юрий Владимирович приобрел обостренное ощущение опасности возникновения массовых беспорядков, утраты контроля обстановки в стране, вооруженного путча. Пережитое им в тот период позднее было названо политологами «венгерским синдромом Андропова».

Впервые мне довелось лично встретиться с Ю. В. Андроповым в 1973 году во время официального визита в Москву делегации Министерства внутренних дел Венгрии во главе с министром Андрашем Бенкеи. Предстояли переговоры и подписание нового долгосрочного соглашения о сотрудничестве между КГБ СССР и МВД Венгрии по линии госбезопасности. Я был одним из переводчиков нашей делегации и, разумеется, участвовал во встречах и подготовке пакета документов. Ю. В. Андропов принял венгерскую делегацию в день приезда в своем рабочем кабинете. В памяти навсегда запечатлелись его высокая фигура, приветливая улыбка, внимательные грустные глаза, утомленное лицо. В последующие дни прошли переговоры по линиям работы. В торжественной обстановке главами делегаций было подписано соглашение о сотрудничестве между ведомствами госбезопасности двух стран.

В 1978 году состоялся ответный визит Ю. В. Андропова в Венгрию во главе делегации КГБ СССР. В то время я был сотрудником

представительства КГБ в Будапеште и, естественно, участвовал в обеспечении переговоров. В рамках визита состоялись обсуждения в составе делегаций, личная беседа Андропова с министром Бенкеи. Затем Андропов имел встречу и продолжительную беседу с Первым секретарем Венгерской социалистической рабочей партии Яношем Кадаром. По прошествии многих лет в памяти сохранились отдельные важные подробности. На пленарном заседании главы делегаций дали высокую оценку взаимодействию органов безопасности двух стран по все линии: обмен разведывательной и контрразведывательной информацией, подготовка венгерских кадров в учебных заведениях КГБ и, как важное достижение последних лет, – разработка и реализация совместных оперативных мероприятий за рубежом. Юрий Владимирович и в этот раз выступал «без бумаги», хотя имел перед собой подготовленные тезисы. Мне было известно, что еще в первый год работы послом в Венгрии в 1954 году он брал уроки венгерского языка, поэтому в перерыве между переговорами я спросил его, надо ли переводить свободную беседу с венграми. Он сказал, что многое понимает, но просит переводить, чтобы «не потерять нить разговора». За годы службы в Центре мне довелось неоднократно встречаться с Ю. В. Андроповым. В значительной мере такой «удачей» я обязан тому, что большую часть оперативной жизни работал на близком Юрию Владимировичу венгерском направлении».

В Тюмени чекистам нашего отдела по защите конституционного строя, созданного в соответствии с приказом Юрия Владимировича в 1967 году, «андроповский период» запомнился существенным оживлением и расширением связей с жителями области и активизацией общих профилактических мероприятий. Все сотрудники этого отдела, разумеется, имели высшее образование, но большая их часть являлись выпускниками технических вузов. Поэтому особое внимание руководство Управления и кадры на начальном этапе уделяли идеологической подготовке оперативного состава нашего отдела, это были дополнительные занятия в вечернем Университете марксизма-ленинизма, лекции и семинары в актовом зале Управления КГБ. У меня есть давняя привычка хранить черновики своих стихов и прозы, старые записные книжки с заметками сугубо личного характера, отдельные несекретные рабочие тетради. В одной из таких тетрадей и обнаружилось некоторые идеологические выкладки, которым нас учили 50 лет назад на чекистских занятиях и кое-что из этого багажа мы использовали тогда в практической работе. Например, профи-

лактика со стороны органов КГБ означала «опережающий характер идейного воздействия на объект с целью выработки у объекта, в первую очередь, молодежи, идеологического иммунитета, а также для своевременного разоблачения перед нашими людьми враждебных позиций классового противника». Под идеологическим иммунитетом понималась «невосприимчивость человека к влиянию чуждых нам идей, способность им противостоять и умение отстаивать свои идеи».

Это – в теории. А на практике было так. Сама идея расширения профилактической работы внедрялась сверху, то есть из КГБ. Москва информировала нас об усилении против СССР подрывных идеологических акций, дальнейшей активизации работы зарубежных антисоветских центров, белоэмигрантских организаций и их типографий, враждебных нам радиостанций, которые чекисты в просторечии прозвали «вражескими голосами». В Центре эти станции пытались «глушить», но советские умельцы-радиолюбители, в том числе и тюменцы, находили способы их прослушивать, иногда коллективно, что, конечно же, не поощрялось ни партией, ни комсомолом, ни, тем более, «компетентными органами». Печатная продукция антисоветского содержания поступала в Тюмень по самым разным каналам: почта, туристы, иностранные и наши специалисты, с оборудованием зарубежных фирм и другими способами. Комитет госбезопасности СССР требовал от местных аппаратов КГБ активизации мероприятий по общей и частной профилактике по всем этим направлениям.

Следует отметить, что в годы руководства Юрия Владимировича по «андроповскому призыву» на службу в органы госбезопасности пришло много партийных и комсомольских работников, значительная часть которых в новой системе находилась на руководящих должностях разного уровня, вплоть до начальников областных управлений. Поэтому рекомендации Центра по усилению идейно-профилактической работы попадали на благодатную почву, вчерашним партийным и комсомольским активистам они были близки и понятны. Именно они охотнее других стали организовывать общепрофилактические акции среди населения, вовлекая в эту работу остальных чекистов. Особое внимание уделялось студенческой и рабочей молодежи. Разнообразились формы этой деятельности. Проводились вечера встреч чекистов с молодежными и другими коллективами, на которых использовались киножурналы, фотовыставки и стенды, рассказывающие о подрывной деятельности вражеских разведок и зарубежных антисоветских центров против нашей молодежи и интеллигенции.

Наиболее подготовленные оперработники выступали с лекциями о повышении политической бдительности населения, кстати, разработанными в Москве и дополненными местными примерами. Члены созданной в Управлении КГБ лекторской группы под руководством заместителя начальника Управления полковника А.И. Корнева, кроме лекций в коллективах, выступали иногда с тематическими беседами на телевидении, это были А. И. Корнев, С. Е. Рычков, Н. В. Зензин и С. А. Гаряев. Все эти мероприятия активно освещались в тюменских газетах, на радио и по телевидению.

На строительстве железной дороги Тюмень – Тобольск – Сургут – Ноябрьск – Новый Уренгой трудились тогда, в основном, комсомольско-молодежные отряды. По инициативе ЦК ВЛКСМ и Тюменского Обкома комсомола в Тюмени был организован комсомольский агитпоезд. В его состав были включены кинозал, медицинский вагон, два вагона с лекторами и консультантами и вагон-ресторан. В творческую бригаду подобрали популярных актеров-эстрадников, лучших врачей различных специальностей, юриста-консультанта, лекторов – историка и философа, с лекциями по политической бдительности, по рекомендации А. И. Корнева, направили капитана Н. Зензина. Были там и журналисты. Для кинозала, кроме «комсомольских фильмов», мы подобрали два фильма о советских разведчиках и киножурнал КГБ о подрывной деятельности вражеских разведок. В течение двух с лишним недель агитпоезд добросовестно «отработал» на всех станциях и полустанках, от Тюмени до Ноябрьска, дальше не хватило рельсов, еще не уложили. Отзывы строителей были восторженными, все это, разумеется, отражалось в средствах массовой информации области.

Еще одним удачным примером общей профилактики можно считать создание в Тюмени подросткового военно-патриотического клуба «Дзержинец». 29 октября 1966 года майор госбезопасности Шевелев Эмерик Меркурьевич из разрозненных групп подростков, собиравшихся в подвалах в районе ТЭЦ-1, обсуждавших и пытавшихся пропагандировать антиобщественный образ жизни, создал клуб. Штаб-квартирой клуба стала, по договоренности с городскими властями, бесхозная водонапорная башня в центре города. Общими усилиями чекистов, строителей и подростков башня была постепенно приведена в порядок, и с лета 1967 года у ребят начались регулярные занятия: изучение материальной части пистолета Макарова и автомата Калашникова, овладение приемами «самбо», работа на радиопе-

редатчике, проведение бесед о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском и первых тюменских чекистах, участие в вечерних патрулированиях по городу, выезды на базы отдыха и различные соревнования на природе. Руководитель подразделения Управления КГБ Тюменской области майор Э. М. Шевелев привлек к этой работе своих молодых сотрудников – мастера спорта по борьбе Георгия Худышкина, активных спортсменов и лекторов Петра Афанасьева и Николая Зензина.

Добрая молва о клубе разошлась по всему городу, и подростки уже сами искали дорогу в «Башню», так они именовали клуб между собой. Запомнился такой случай. Однажды мы с Афанасьевым проводили занятия с ребятами на первом этаже башни, сидя прямо на борцовских «матах». Зашел бойкий паренек лет 14-15-ти, бодро спросил:

– Здесь принимают в клуб трудных подростков?

– Да, садись, рассказывай!

– А сколько надо иметь приводов в милицию, чтобы взяли в клуб?

У меня пока четыре. Сказали, еще раз попадусь, посадят в тюрьму! А чего я там не видал, мне учиться надо, мамке помогать. Она у нас одна, а нас с братом двое. И оба бестолковые, это она так говорит!

Парня, конечно, взяли, а через пару месяцев он привел в клуб и второго «бестолкового».

Позднее через областной совет «Динамо» чекисты пригласили в клуб постоянного тренера по борьбе майора милиции Нечаева Геннадия Александровича. И вот уже более 40 лет знаменитый «Ген Саныч», так к нему обращаются подростки, – отличный тренер, прекрасный педагог, трудится теперь уже в Центре внешкольной работы «Дзержинец», который 29 октября 2016 года отметил свое 50-летие. «Люблю детей, – откровенно признается Геннадий Александрович, – вспоминаю свое детство. Оно пришлось на военные и послевоенные годы. Занимались где попало, с кем попало и чем попало. Кто-то в той сложной ситуации пошел по кривой дорожке. А ведь ребенку всего-то и нужно, чтобы его вовремя услышали, поддержали, помогли. Мы всегда стараемся это делать!». А еще ему нравятся слова Феликса Дзержинского о том, что в душе каждого подростка есть огонек доброты. Если его разжечь, в том пламени сгорит все дурное и наносное. Сегодня Центр внешкольной работы департамента по спорту и молодежной политике Администрации города Тюмени имеет восемь отделов: общей профилактики, специальной профилактики, по работе с волонтерами, с молодой семьей, психолого-педагогической службы, службы примирения, по профилактике наркомании, алкого-

лизма, суицидов и экстремизма. Возглавляет этот, всем очень нужный, центр «Дзержинец» известный и весьма уважаемый в городе специалист по работе с подростками доктор педагогических наук Ольга Антиевна Селиванова.

Как видите, с вопросами общей профилактики у нас получалось неплохо, это отмечали не раз и наши московские шефы из КГБ. А вот частная профилактика, работа с «отдельными физическими лицами» проходила сложнее, требовала более тонких подходов и, разумеется, опыта, которого на первых порах не хватало. Но зато полученный положительный результат в каждом конкретном случае вызывал удовлетворение. Ведь удавалось предупредить возможные преступные проявления, уберечь еще одного, чаще всего, молодого человека от антиобщественного, а то и от уголовного поступка. Профилактируемого, как правило, вызывали в подразделение Управления КГБ, вежливо объясняли ему, в чем он не прав, чем могут закончиться его политически вредные высказывания или публикации, которые, в конце концов, могут привести его к уголовному преступлению, предусмотренному статьей 70 Уголовного кодекса РСФСР об антисоветской агитации и пропаганде. Понятно, что нередко приглашенный не сразу признавал свою вину, пытался объяснить, что его неправильно поняли, исказили смысл его слов или печатной продукции, что он имел в виду совершенно другое. Но правильно подобранные объективные материалы, логично выстроенные доказательства и доброжелательное отношение чекистов к профилактируемому позволяли, в конце концов, достигать нужного результата.

«Андроповский период» в КГБ запомнился также активным, но не всегда однозначным решением кадровых проблем, в основном, за счет привлечения партийных кадров. Хотелось бы отметить, что Юрий Владимирович Андропов, выросший до больших высот на комсомольской и партийной работе, возглавив в 1967 году Комитет госбезопасности, в определенной степени оставался приверженцем партийных взглядов и партийных подходов и в чекистской деятельности. Именно в «его годы» в органы госбезопасности призвали самый многочисленный отряд партийных и комсомольских активистов, причем абсолютное большинство из них начинали служебную карьеру с руководящих постов. Считалось за правило, прежде всего, направлять их «на кадры», в кадровых аппаратах они трудились и в Центре, и практически в каждом областном управлении. Но ведь каждый из них в глубине души какое-то время оставался партийцем или комсо-

мольцем, продолжал вне работы жить со своими старыми связями и по старым правилам. Более того, некоторые из них стали рекомендовать на работу в КГБ своих прежних сослуживцев по партии или комсомолу, а иногда и просто «однокашников». В этом достаточном большом потоке в органы госбезопасности стали попадать направленные партийными комитетами люди, не вполне пригодные не только к руководящей деятельности, но и к обычной оперативной работе. Были такие факты и у нас в Тюмени, и мы с ветераном Быковым считаем, что в отдельных случаях некоторые партийные руководители неответственно подошли к отбору претендентов на работу в органы КГБ. Хотя «обычной» оперативную, чекистскую деятельность назвать, по большому счету, никак нельзя. Настоящий, ежедневный труд чекиста всегда предполагает дисциплину, творчество, новаторство, поиски нестандартных решений, разумный риск и многое другое.

Все пятнадцать «андроповских» лет я работал в Тюменском управлении КГБ и «наблюдал» оперативные и кадровые процессы изнутри, а точнее, жил в этих, не совсем обычных условиях. Еще работавшие к этому периоду в наших чекистских рядах несколько ветеранов-фронтовиков – А. Б. Чернецов, Д. П. Быков, Г. Г. Костенко, Ю. Ф. Степанов (а мне приходилось контактировать с ними достаточно много) – неоднозначно относились к подобной «ротации» партийных кадров. Они напрямую спрашивали у руководителей Управления, почему эти «новобранцы» имеют по службе такую большую фору перед остальными. Ответ, обычно, был стандартный: «Они обладают опытом работы с людьми». Более импульсивные Костенко и Степанов горячо доказывали, что любой чекист-практик постоянно по работе общается с очень широким кругом лиц самого разного уровня, от кандидатов и докторов наук, писателей и музыкантов до уголовных преступников, и приобретает такой опыт общения с людьми, который партийным товарищам и не снился. Оба при этом добавляли, что никакие организаторские способности и партийный энтузиазм не могут заменить профессионального чекистского опыта.

При Ю. В. Андропове окончательно сформировалась схема партийного контроля и влияния на органы КГБ со стороны партии, а иногда просто некорректного, а то и противозаконного вмешательства в оперативные дела. Зарождалась эта схема еще при В. И. Ленине, в первые годы работы ВЧК. Наиболее уродливые и негативные формы она приобрела в печально знаменитые сталинские времена. В нынешней практике это выглядело более привлекательно, но, тем не менее, имело иногда существенные минусы. Начальник област-

ного Управления КГБ, как правило, избирался членом бюро Обкома КПСС, начальники окружных, городских и районных отделов Управления КГБ были, соответственно, членами окргоррайкомов КПСС, а значит, в определенной степени были подотчетны им и выполняли любые их решения, даже не связанные с оперативной деятельностью.

С ветераном контрразведки Д. П. Быковым, с которым мы работали в те годы, и совсем недавно, в связи со 100-летием ВЧК-КГБ, обсуждали эту тему, вспомнили несколько примеров из своей практики. Первым начальником Тюменского управления КГБ в 1944 году был назначен опытейший профессионал Шатеркин Иван Васильевич, которому в короткие сроки удалось сформировать надежный и дееспособный чекистский коллектив. Быков рассказал, как осенью 1950 года в связи с неблагоприятными погодными условиями и задержкой в уборке урожая в Тюмень прибыл член ЦК КПСС Лазарь Моисеевич Каганович и проводил в Обкоме КПСС совещание руководящего состава области по активизации уборки. Выступавший в числе других Шатеркин, обращаясь к Кагановичу, сказал, что сравнительно небольшой коллектив Управления КГБ решает важные оперативные проблемы в области и вряд ли будет более полезен на уборке урожая. Каганович буквально закричал: «Вон с трибуны!», лишил Шатеркина слова, а еще через несколько дней он был уволен с работы.

В 1974 году вскоре после назначения Д. П. Быкова начальником Ханты-Мансийского окружного отдела КГБ он был избран членом бюро окружного комитета КПСС и, естественно, невзирая ни на какие оперативные задачи, должен был присутствовать на каждом заседании бюро и выполнять все принимаемые там решения. Так, однажды в соответствии с решением бюро окружкома он был направлен в отстающий колхоз для «поднятия надоев молока» на животноводческой ферме. Прибыв на место, майор Быков установил, что коров элементарно не кормят. Он заставил заведующего фермой найти две косы, трижды в день косил с ним траву и подвозил ее в коровник, уже через неделю надои молока стали расти, а через две недели он доложил на бюро о полной стабилизации надоев.

Быков отметил, и я его поддержал, другую особенность партийного влияния на органы безопасности. Каждый год чекисты проводили итоговые отчетные служебные совещания оперативного состава в областном Управлении КГБ, в окружных, городских и районных подразделениях госбезопасности. В обязательном порядке на эти совещания приходил первый партийный руководитель, его приглаша-

ли в президиум собрания и он практически на равных с начальником этого подразделения участвовал в работе совещания, а также в принятии итоговых решений. Некоторые чекисты-ветераны шутили по этому поводу, что «партийная струя» должна быть и в разведке, и в контрразведке.

В областном центре «надоями» нам заниматься не довелось, но в посевной и, особенно, уборочной кампании участвовали постоянно. Мне запомнились поездки на уборку картофеля, причем это случалось в любую осень, независимо от погоды. Почему-то с уборкой этой культуры колхозы не справлялись регулярно, и не только в Тюменской области. Повсеместно на картофельных полях в сентябре работали школьники, студенты, аспиранты, журналисты и чекисты. В то время сочинили такую байку. Сидят в Швейцарии в кафе американский и советский разведчики. Наш говорит американцу:

– За что вам платят такие большие деньги? Вы же работать не умеете!

– Назови факты!

– Пожалуйста. Во Вьетнаме вы четыре года упирались, но мы вас выбросили. В Эфиопии сидел ваш наместник, теперь руководит наш. В Конго десятки лет были вы, с этого года работаем мы.

Американец возражает:

– Можно подумать, что у вас проколов не бывает!

– Скажи, где?

– А чего говорить, в Чили сидел ваш ставленник-коммунист Сальвадор Альенде, в прошлом году мы его убрали!

– Минутку, а в каком месяце это было?

– В сентябре прошлого года.

– А-а, так наши все на картошке были!

В «андроповский период», да и в другие годы, в работе тюменских и всех чекистов страны встречалось такое негативное явление, как невозвращенцы. Именно так назывались в законе граждане Советского Союза, отказавшиеся вернуться в страну из легальных зарубежных поездок или командировок. Совершалось это ими, как правило, самовольно, тайно, путем обмана бдительности представителей власти. Советские государственные органы трактовали невозвращение в СССР, как вид измены Родине, и совершивший это преступление привлекался к уголовной ответственности по статье 64 Уголовного кодекса. В числе известных невозвращенцев шестидесятых-семиде-

сятых годов для нынешнего читателя можно назвать артистов нашего балета Р. Нуреева, М. Барышникова и А. Годунова, шахматиста В. Корчного, писателя В. Суворова, были и фигуры помельче.

Иностранные разведки и зарубежные, враждебные СССР центры систематически устраивали в те годы провокации против советских граждан во время их пребывания за границей, а вокруг каждого случая невозвращения организовывали шумные антисоветские акции. Поэтому Комитету госбезопасности страны и его органам на местах приходилось искать свои меры противодействия проидам западных спецслужб. Одной из них было включение оперработников в состав отдельных групп, выезжающих в некоторые капиталистические страны, в целях контрразведывательного обеспечения безопасности наших граждан. Причем действия чекистов в поездках, как правило, соответствовали одному из приоритетных направлений деятельности, провозглашенных тогда Ю. В. Андроповым – это своевременное предупреждение и профилактика возможных преступлений вопреки карательным мерам. Летом 1975 года довелось и мне съездить в такую турпоездку в Финляндию и Швецию, по программе пребывания получилось по семь дней на каждую страну. По этическим соображениям фамилии действующих лиц, разумеется, изменены.

У нас сформировалась большая группа из руководящего состава, специалистов-нефтяников и сотрудников НИИ нефтяной промышленности, в том числе отдельные «секретносители», и несколько работников автотранспортных предприятий города Тюмени и области. Люди, в основном, молодые и очень молодые. Я был включен в список группы, как инженер отделения железной дороги, что соответствовало моему первому диплому и опыту работы на железнодорожном транспорте. Руководителем группы Москва назначила заведующего отделом Обкома КПСС Курганова Ивана Петровича, с которым мы встретились заранее и обсудили все вопросы взаимодействия. На инструктивном собрании группы в Доме профсоюзов оперработник Тюменского управления КГБ рассказал о возможных вариантах провокаций со стороны спецслужб противника и призвал будущих туристов не терять за границей бдительности. По предложению Курганова, его помощником по общим вопросам – организация экскурсий, размещение в гостиницах и другое был избран инженер-железнодорожник Николай Зензин, все голосовали по принципу «лишь бы не меня».

Маршрут наш выглядел так: Тюмень – Москва самолетом, потом до пограничной станции Выборг и столицы Хельсинки поездом и далее везде автобусами. На перегоне Москва – Выборг случилась первая неожиданность. Еще в Тюмени я обратил внимание на председателя профкома нефтяников Фаину Петровну, громкоголосую энергичную даму лет сорока пяти, по анкете – разведенную, которая проявляла излишнюю, иногда ненужную активность. В поезде она зашла в соседнее купе, где ехала молодая пара – инженер НИИ Топилин Евгений и его жена Валерия, как выяснилось потом, дочь куйбышевского чекиста. В ходе беседы Валерия обмолвилась, что, по словам ее папы, с некоторыми группами за границу выезжают оперработники КГБ. Я стоял в коридоре у окна, немного наискосок от раскрытой двери этого купе и любовался замечательными российскими пейзажами, но когда прозвучало очень близкое – КГБ, невольно прислушался. Все трое, после короткой дискуссии, решили единогласно, что наша группа из-за весьма интересного состава вполне заслуживает чести ехать за рубеж с «личным чекистом». У соседнего окна стоял с женой Курганов, жестом я подозвал его к себе и предложил послушать разговор. Вздурораженная Фаина Петровна стала громко доказывать собеседникам, что они втроем должны «вычислить» этого чекиста, «чтобы знать, кто за ними присматривает». Евгений спокойно возразил, что он за собой никаких грехов не знает и ему все равно, если человек едет, пусть занимается своими делами. Но Фаина Петровна не унималась и продолжала настаивать на поисках оперработника. Курганов, будучи по характеру человеком энергичным и взрывным, быстро вошел в открытую дверь купе, устроил «разнос» профсоюзной начальнице и посоветовал ей не будоражить людей ненужными разговорами.

На станции Выборг по окончании пограничного и таможенного контроля всем пассажирам было предложено покинуть вагоны и приготовиться провести на вокзале около двух часов, необходимых для смены советских колесных пар на финские. Все скоро собрались у нашего вагона, времени было много и я предложил рассказать историю первого паровоза и первой железной дороги, пояснил, что российские железные дороги изначально строились шириной колеи 1524 миллиметра с допуском плюс-минус 2 миллиметра на температурные колебания. В тот исторический период русские купцы активно торговали с Европой и рассматривали будущие железные дороги как дополнительный фактор расширения своих торговых операций. Западноевро-

пейские торговцы, чтобы воспрепятствовать прямому продвижению российских товаров в Европу, «придумали» построить свои, европейские железные дороги, но поуже российских, и выбрали стандарт в 1435 миллиметров. Позднее все убедились, что, по большому счету, это оказалось экономически совсем не выгодно, но перестраивать уже много настроенных дорог никто не захотел. И теперь всем нашим и, конечно, их пассажирам на погранпереходах приходится рассчитывать своим личным временем и лишними неудобствами за те коммерческие варианты, которые когда-то навывдумывали европейские торговые и другие, не совсем деловые люди. Туристам мой рассказ понравился, и они даже наградили «лектора» аплодисментами, а я с удовлетворением подумал, что теперь-то Фаина Петровна наверняка не будет искать чекиста в моем купе.

Первые три-четыре дня своего тура мы провели в Хельсинки и богатых историческими достопримечательностями его окрестностях. Все свободные выходы в город происходили, как и требовал московский Интурист, только «пятерками», пять человек в группе во главе со старшим группы, который назначался или выбирался по согласованию с нашим руководителем Кургановым. С его же согласия и по его поручению я, как заместитель руководителя, постоянно контактировал со старшими «пятерок» по всем вопросам пребывания за границей, а также, чтобы быть в курсе возможных происшествий с нашими туристами с целью своевременного оказания необходимой помощи любому из них.

Где-то на пятый день нам была предложена целевая поездка на юго-запад страны в город Турку в университет, который после Хельсинского считался вторым в стране. Там нас ждала дискуссионная встреча с преподавателями и студентами кафедры русского языка и литературы. Общение было свободным, без переводчика, студенты старших курсов и преподаватели русским владели неплохо, многие, как оказалось, не раз бывали в Советском Союзе и знали нашу действительность. Дискуссию они предложили как дружескую, но очень скоро мы почувствовали, что у хозяев был хороший режиссер, который не очень любил нашу страну. Вот некоторые фрагменты из того достаточно острого разговора. «Вы утверждаете, что в СССР бесплатная медицина, но на деле больному дают бесплатно только аспирин и пурген, за хорошие лекарства надо платить». «У вас бесплатная учеба в вузах, но наши студенты пока учатся, тоже не платят, по

«прогрессивному Указу президента страны» они постепенно расцениваются за учебу после получения диплома со своей достаточно высокой зарплатой. Зато в общежитиях наши студенты живут по 1-2 человека в комнате, у вас по 4-5 человек. А как же они занимаются сексом?». Кто-то из наших, видимо с КВНовской подготовкой, серьезно заметил: «Трое-четверо берут билеты в кино, а один – занимается». Наши туристы старались на все эти и другие выпады спокойно отвечать, но по дороге в гостиницу в автобусе мы признались себе, что были не готовы к такой острой дискуссии, и наши оппоненты выглядели предпочтительнее по многим позициям. «Даже в сексе!» – грустно добавил КВНщик.

Через три-четыре дня после переезда в Швецию один из старших «пятерки» Сергей с тревогой рассказал мне следующую историю. Молодой человек, член их «пятерки» Виктор Краев, техник-автомобилист из Тюмени уже дважды уходил от группы и проводил время в пункте автосервиса, кстати, расположенном недалеко от гостиницы. Он еще в школе увлекался английским языком, потом изучал его самостоятельно, поэтому не боится потеряться в городе. Вечером в гостинице, а они жили вдвоем в одном номере, Виктор вздохнул расхваливал шведский автосервис по всем параметрам: организация труда, техническая оснащенность, качество работы, «чистота – лучше, чем в нашем общежитии», высокая зарплата техников, «побольше, чем у наших инженеров». Сказал, что познакомился с директором, который положительно оценил его интерес к автосалону, любезно отвечал на все его вопросы, приглашал заходить еще.

Сергей был немного старше Виктора, уже имел семью, и последний прислушивался к его советам. О себе Виктор рассказал, что вырос в детдоме. Отец-шофер еще до его рождения погиб в ДТП, мать стала пить, после родов сдала сына в дом малютки, сама уехала на Север, где и потерялась. Виктор после школы окончил техникум, пришел на автопредприятие, по работе – на хорошем счету. Как детдомовцу, ему должны были по закону в течение года предоставить жилье, но кто у нас соблюдает закон? Директор сказал – поставим на очередь, поживи пока в общежитии. Это «пока» продолжается уже три года, сын директора недавно въехал в новую квартиру, а ему все еще обещают. Познакомился с хорошей девушкой Ниной с камвольно-суконного комбината, она из деревни, живет тоже в общежитии. «Дру-

жим» в теплое время на скамеечке, а в непогоду – у меня или у нее в коридоре на подоконнике. Согласно статье моей женой, а куда я ее поведу из ЗАГСа, на какой подоконник? Выглядел Виктор во время разговора расстроенным и злым.

Выслушав все это, я попросил Сергея не оставлять Виктора одного, а если он снова захочет заглянуть в автосервис, пойти с ним и посмотреть, с кем и о чем он будет там разговаривать. Поскольку турпоездка приближалась к концу, на следующий день «по просьбе трудящихся» Курганов объявил, что экскурсии будут только до обеда, а затем – свободное посещение больших и маленьких магазинов и приобретение сувениров. В гостиницу все собрались только к ужину. Я обратил внимание, что Сергей с Виктором, минут за тридцать до ужина, появились во дворе гостиницы и в стороне от других вели какой-то оживленный разговор. Сразу после ужина они удалились в свой номер. Еще часа через два встревоженный Сергей пришел ко мне в номер.

Он рассказал, что Виктор снова побывал в своем «любимом автосервисе», где его, оказывается, уже ждал директор. Хозяин сервиса еще раз показал ему автосалон, потом пригласил к себе в кабинет, заказал два кофе и в ходе любезного разговора заявил, что ему нужен толковый, опытный работник. Виктор ему нравится и, если он хорошо подумает и согласится, то может стать сотрудником автосалона. Предупредил, что он любит дисциплину и самоотдачу и такие предложения делает не каждому. Предварительно согласившись с заманчивым предложением, Виктор поинтересовался, как быть с документами – у него советский паспорт. Директор ответил, что его друг работает в полиции, он с ним уже говорил, проблем никаких не будет. Виктор поделился, что у него в Тюмени есть невеста, и они планировали в этом году пожениться. И на этот вопрос у хозяина кабинета уже был ответ. Ты напишешь ей письмо, укажешь телефон, вместе мы найдем способ доставить письмо, она с туристической группой выедет в любую скандинавскую страну, позвонит и «мы с моим другом», имелся ввиду сотрудник полиции, поможем ей добраться до будущего мужа. Жилье для вас возьмем в кредит, за два-три года рассчитаемся.

«И как это все может у тебя происходить?» – попытался уточнить Сергей. «Директор» сказал, что в последний вечер группа наверняка будет «отмечать» в ресторане успешное окончание тура. После прощального ужина, когда все хорошо заснут, надо без вещей, только

с документами и деньгами, спуститься на первый этаж. Центральный вход обычно закрывают ночью на ключ, и рядом в кресле дремлет вахтер, поэтому лучше пройти по второй лестнице, там – в коридоре и туалете – окна выходят во двор, вот через одно из них и следует покинуть гостиницу. На соседней улице будет ждать автомобиль.

– Ты не подумал, что это может быть ловушка? – спросил Сергей.

– Думал, но все происходило как-то очень естественно и откровенно, совсем не похоже, что это кто-нибудь спланировал.

– И что ты теперь решил?

– Если бы решил, я бы с тобой не разговаривал, пока не знаю.

По мнению Сергея, Виктор очень расстроен, растерян и способен на любой необдуманный шаг.

Впереди у нас был всего один день и одна ночь, поэтому, несмотря на поздний час, я сразу отправился к руководителю группы Курганову, обо всем подробно рассказал ему и высказал свое предположение, что ситуация очень похожа на вербовочный подход.

– Что будем делать? – как всегда, кратко отреагировал он.

– У меня, на крайний случай, есть посольский телефон. Думаю, утром надо позвонить, встретиться и обсудить. У них по Швеции подобный опыт уже был!

Спалось, конечно, плохо, не знаю зачем, но выходил в коридор и прогуливался около дверей «наших комнат». Утром, наскоро позавтракав, звоню в посольство, прошу нужного человека, через час уже встречаемся в кафе недалеко от гостиницы, поскольку он на машине, а я пешком. Разговор предметный, деловой, только факты и немного эмоций с моей стороны в пользу Краева: по моему, он не имеет претензий в целом к советской власти, но очень недоволен действиями тюменских чиновников в вопросах работы и предоставления положенной ему по закону жилплощади.

Офицер безопасности подводит итог случившемуся: почти стандартная вербовочная ситуация! Предлагает: «Времени на рассуждения нет, поэтому сегодня, сразу после обеда группа меняет план и в полном составе едет на экскурсию в посольство Советского Союза в Стокгольме». Так и проделали. Там нас ждала 40-минутная прогулка по территории посольства с рассказом об истории наших отношений со Швецией и о красивом замке, в котором живут и работают сотрудники посольства. Затем, примерно столько же по времени, в актовом зале – кинофильм о деятельности сотрудников этого замечательного, но малоизвестного туристам советского учрежде-

ния, и ответы на вопросы гостей. Прежде чем отвечать на вопросы, старший советник посла поздравил всех присутствующих с тем, что мы – туристы – в настоящий момент находимся на «кусочке территории СССР» и защищены стенами посольства от любых внешних невзгод. Группа ответила аплодисментами.

А вот нашему руководителю группы Ивану Петровичу Курганову и труженику автосервиса Краеву Виктору не удалось ничего этого ни увидеть, ни услышать. Около часа они провели в кабинете посла Советского Союза в Швеции. Вначале беседы Виктор был настолько растерян, что с трудом отвечал на вопросы посла. Но опытный дипломат начал разговор с Тюмени, с его учебы и работы, расспросил о взаимоотношениях с руководством предприятия, о семейных планах, спросил о возможных жизненных проблемах. Когда речь зашла о том, что ему четвертый год не дают положенную детдомовцу квартиру, посол спросил, почему он не обратился с заявлением в прокуратуру. Тут же поинтересовался у Курганова, нельзя ли в Тюмени с позиций Обкома КПСС попытаться решить этот вопрос. Иван Петрович пообещал по возвращении домой разобраться и до конца года урегулировать эту проблему. Виктор постепенно успокоился, разговорился, и здесь посол спросил его, а что интересного для себя, как работник автосервиса, он узнал за время всей турпоездки или конкретно здесь, в Стокгольме. Пришлось признаться, что ему понравился шведский автосервис, и он трижды побывал в одном из сервисных пунктов недалеко от гостиницы. Посол осторожно уточнил, как проходили эти посещения, с кем Краев встречался, о чем были разговоры. Тут Виктор начал отвечать уклончиво и довольно сдержанно. Но когда посол стал задавать наводящие вопросы и спросил, почему он все три раза один ходил в этот сервис и один вел разговоры с директором, Виктор подумал, что послу, наверное, уже все известно. Иначе, зачем бы его, как он обозвал сам себя, «мелкую сошку», пригласили в кабинет самого главы советского посольства. Он вынужденно, неохотно, но признался, что получил предложение от стокгольмского работодателя оформиться к нему в автосервис на работу и что, в принципе, он это предложение принял, но теперь начинает понимать, что поступил не совсем правильно.

Подводя итог разговору, посол заявил, что действия Краева фактически подпадают под статью 64 Уголовного кодекса и посольство в целях недопущения возможных негативных последствий могло бы оставить его до момента отъезда на своей территории. Завтра его бы

на посольской машине доставили до самолета, отправили в Москву, где его встретили бы сотрудники компетентных органов, ну а там уж как суд решит. Но, учитывая, что Виктор молод, только начинает жить, допущенную ошибку признает, не хотелось бы в самом начале жизненного пути портить ему биографию. Поэтому он просит руководителя группы Ивана Петровича Курганова взять на себя ответственность гарантировать возвращение Краева вместе с группой в Тюмень, а для Виктора эта поездка пусть останется уроком на всю жизнь. Иван Петрович с мнением первого руководителя посольства полностью согласился. Посмотрев на часы, посол сказал, что до окончания фильма остается минут пять, поэтому им следует пройти в зал и незаметно присоединиться к своей группе.

По возвращении группы в гостиницу, я сначала встретился с Кургановым, обсудили все, что надо предусмотреть и предпринять сегодня, вплоть до отлета завтра в Москву. Потом накоротке переговорил с Сергеем, рассказал ему о результатах беседы у посла, посоветовались, какое внимание уделить и что надо сделать, чтобы расстроенный и мрачноватый Виктор не совершил еще какой-то непредвиденный шаг.

Прощальный вечер, как и планировали, провели в ресторане гостиницы, было шумно и весело, туристы остались очень довольны всей программой пребывания, особенно последней экскурсией в наше посольство. Как заявили знатоки, такое выпадает редко каким группам. Виктор Краев в общем веселье не участвовал, был задумчив и сосредоточен, больше сидел за столом, Сергей находился рядом и поддерживал вялый разговор. В номер они ушли вместе. Для нас с Кургановым последняя ночь на шведской земле оказалась бессонной, но все прошло так, как запланировали мы. Когда утром группа в полном составе доехала до аэропорта, разместилась в нашем ТУ-134, и он набрал высоту, мы оба крепко заснули.

Дня через два-три после возвращения в Тюмень Курганов пригласил в Обком партии в свой кабинет руководителя автопредприятия, где работал Виктор. В ходе довольно напряженной беседы нашли вариант, чтобы в ноябре, но не позднее декабря этого года дать Краеву квартиру по нормам для детдомовцев, о чем известить его на этой неделе. Иван Петрович пообещал держать вопрос на контроле, я через его секретаря тоже был в курсе дел. Все сложилось так, как Виктору и не снилось. Оформление документов на квартиру он совместил с визитом в ЗАГС, и Новый год они встретили с Ниной уже как муж и жена в новенькой квартире. А в сентябре следующего года в молодой семье появился сын.

Историю со счастливым концом можно было бы и закрыть, но где-то через четыре-пять лет она получила неожиданное продолжение. Очередную годовщину 9 Мая мы, офицеры Управления КГБ, встречали в парадной форме на Центральной площади Тюмени. По окончании парада и демонстрации я переместился на Площадь Памяти, где праздник еще продолжался, и ко мне обещала присоединиться моя семья. Военных в нарядной парадной форме было немного, а это было время, когда Армию вновь стали почитать и уважать, поэтому девушки и молодые мамы с детьми дарили нам цветы и старались сфотографироваться на память. Навстречу мне двигалась молодая пара с мальчиком лет пяти. Мама и сын «ускорились», поздравили меня с Днем Победы, и мама попросила разрешения сфотографировать рядом со мной своего сына, который «мечтает стать военным». Потом она спросила, можно ли сделать снимок сына в моей фуражке. Сделали, сын потащил маму к мороженщице, а стоявший неподалеку и зафиксировавший мою рыжую прическу папа – в форме он меня не узнал – направился ко мне. Я признал в нем Виктора Краева. Поздоровавшись, он неуверенно спросил: «А в Стокгольме... это были Вы?». «Да, я!». «Мне нужно обязательно с Вами поговорить». Встретились довольно скоро, много говорили о его семье, работе, обо всем, кроме шведского автосервиса. Расставаясь, он негромко сказал: «Вы меня простите, пожалуйста, молодой был и злой на всех. Спасибо Вам за все, от меня и от Нины!»).

На опасных тропях Афганистана

«Война» – тревожное и страшное слово. Страшно тем, что всегда раздается в мирное время. И очень неожиданно, когда молодым воинам приходится ехать воевать далеко от Родины, следуя приказу правительства своей страны и защищая интересы другого государства. За долгие семьдесят с лишним лет существования Советского Союза наши воины-интернационалисты побывали в Алжире и Вьетнаме, Иране и Ираке, Китае и Корее, Венгрии и Чехословакии, Лаосе и на Кубе и где-то еще. Последнее десятилетие СССР ознаменовалось малоизвестной тогда, непонятной афганской войной, которая продолжалась практически десять лет, с 1979 по 1989 год. Эти военные события в то время довольно скупо освещались в советских газетах, преподносились как «оказание интернациональной помощи дружественному

народу соседней страны» и были не очень известны широкому кругу граждан нашего государства. В 1991 году Советский Союз распался, последовавшие вслед за этим бурные реформы и экономический кризис вытеснили «афганские вопросы» из общественного сознания. И только теперь, когда открылись многие секретные архивы, проведена большая работа историков и исследователей, когда исчезли идеологические партийные клише, появилась возможность беспристрастно рассмотреть и оценить события тех очень трудных лет.

Всего в войне на территории Афганистана с 1979 по 1989 год прошли боевыми дорогами и тропинками, с учетом ротации, 620 тысяч советских военнослужащих, в их числе – около 90 тысяч человек в пограничных и других подразделениях КГБ СССР. Около трех тысяч молодых тюменцев, в том числе пограничников, призвали тогда в ряды интернационалистов, 130 из них сложили головы на полях сражений. За 28 лет после окончания войны уже около 400 «тюменских афганцев» из числа возвратившихся домой ушли из жизни от ран и болезней.

Разумеется, об этих неоднозначных, а порой трагических событиях в жизни нашей страны, в жизни воинов-интернационалистов следует рассказать, по возможности, подробнее. Тем более, что целый ряд тюменских чекистов, моих коллег, с которыми проходил службу в Тюменском управлении КГБ, принимали участие в боевых операциях в этой далекой стране. А предшествовали началу военных событий непрерывающиеся революционные преобразования и гражданская война внутри самого Афганистана.

27 апреля 1978 года в Афганистане при поддержке армии произошел государственный переворот, и место убитого президента Дауда занял лидер Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) Мухаммад Тараки, который взял курс на сближение с Советским Союзом. Он пообещал советским руководителям начать строить социализм, что практически было невозможно в стране, где более 90 процентов населения неграмотны, а в сельской местности сохранялись полуфеодалные отношения. Но Кремлю нравились намерения «афганских товарищей», и Москва начала активно помогать афганцам строить то, что мы в Советском Союзе безуспешно пытались построить давно. В скором времени в Афганистане появились более двух тысяч наших советников и различных специалистов – военных, врачей, учителей, строителей. Как реагировали жители столицы страны и военнослужащие афганской армии на первые партийные и со-

циальные меры нового президента и на появление приглашенных им из СССР специалистов? Спустя короткое время в Кабуле появились листовки с призывом «вступить на тропу войны за очищение страны от коммунистов и русских». Из афганской народной армии дезертировала часть офицеров и солдат, которые ушли в соседний Пакистан и стали формировать там отряды оппозиции.

Несмотря на сложную, неустойчивую и тревожную обстановку в Афганистане, в декабре 1978 года между СССР и Афганистаном был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве. Лидеры обеих стран спешили. В связи с резким обострением борьбы с вооруженной оппозицией афганское правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой об оказании помощи и вводе в страну советских войск. 20 марта 1979 года в Москву прибыл на переговоры президент Тараки, которому Председатель Совета Министров А. Н. Косыгин заявил следующее: «Мы готовы поставлять Вам вооружение и боеприпасы, направлять людей, которые будут полезны. Но ввод наших войск на территорию Афганистана возбудит международную общественность, повлечет резко отрицательные последствия. Это будет конфликт и с собственным народом. Наши общие враги ждут того момента, когда на территории Афганистана появятся советские войска. Это даст им предлог для ввода на афганскую территорию враждебных нам формирований. Мы изучили все аспекты и считаем, что, если ввести наши войска, то обстановка в вашей стране не улучшится, а еще более осложнится. Нам придется бороться не только с агрессором, но и с какой-то частью вашего народа. А народ таких вещей не прощает!».

Мудрый, рассудительный и дальновидный Алексей Николаевич сумел трезво оценить и предвидеть все достаточно точно, так оно, к сожалению, потом и произошло. Он, сразу после переговоров с Тараки, доложил о их результатах в ЦК КПСС и высказал свое мнение по поводу ввода наших войск в Афганистан. К его голосу, к сожалению, не прислушались, и это была последняя проблема, после которой они полностью разошлись во взглядах с Генеральным секретарем ЦК Брежневым. Немногим раньше Брежнев не поддержал его план крайне необходимых стране экономических реформ.

Однако обстановка в Афганистане все больше выходила из-под контроля, летом 1979 года оппозиционные выступления охватили почти все сельские районы страны. Обострению ситуации способ-

ствовало активное вмешательство во внутренние дела Афганистана зарубежных государств, в первую очередь, Соединенных Штатов Америки, а также появление нового лидера партии Хафизуллы Амина, ставшего главой правительства и министром обороны. Борьба за власть между Амином и Тараки завершилась уничтожением последнего. Но это лишь накалило ситуацию в стране. Авторитет новой власти был подорван массовыми арестами и расстрелами неугодных, поспешными реформами, казнями мусульманских богословов, репрессиями в вооруженных силах.

Из Кабула по линии КГБ поступала информация о том, что Амин регулярно посещает резидентуру ЦРУ в американском посольстве и что он, якобы, дал согласие на размещение в приграничных с СССР провинциях американских средств технической разведки. Но самым убедительным для Кремля фактом усиления американского влияния в Афганистане стала, вроде «по счастливой случайности», добытая резидентом Главного разведуправления советской армии в Вашингтоне копия секретной директивы Белого дома о «помощи внутренним врагам промосковского режима в Кабуле». Автор документа, помощник президента США Збигнев Бжезинский позже признал, что в июле 1979 года ему «с большим трудом» удалось убедить президента США Д. Картера подписать планируемую дезинформирующую директиву с грифом «Совершенно секретно». Смысл этой акции, по словам Бжезинского, заключался в том, чтобы «как можно глубже вовлечь СССР в гибельную трясину афганской политики и тем самым победить Советы в холодной войне». «Вовлечь в гибельную трясину» – точнее не скажешь. Документ получился довольно основательный, да еще с грифом «Совершенно секретно», оставалось довести эту дезинформацию до сведения советских руководителей. Наиболее достоверным для противника выглядел бы вариант с использованием каналов разведки. Американские спецслужбы сработали хорошо, и важный документ «случайно» попал в руки советской военной разведки.

Москва не просчитала «подвоха» вашингтонского руководства, и решение «о временном вводе ограниченного воинского контингента» было принято. Принято «келейно», очень узкой группой высших руководителей Советского Союза Генеральным секретарем Л. И. Брежневым, Председателем КГБ Ю. В. Андроповым, главным идеологом партии М. А. Суловым, министром обороны Д. Ф. Устиновым и министром иностранных дел А. А. Громыко.

Формально все вместе они имели право принимать решение о применении Вооруженных сил, в том числе за пределами СССР. В данном случае решение получилось с явным политическим подтекстом, да и звучало оно достаточно нечетко: «О временном вводе ограниченного контингента советских войск». Никто этот контингент с самого начала не ограничивал, да и насчет «временного» сильно просчитались, лет этак на восемь-девять. Ведь были же активно возражавшие, причем очень серьезные профессионалы, почему к ним не прислушались? Начальник Генерального штаба советской армии маршал Николай Огарков, которого даже приглашали на заседание Политбюро ЦК КПСС, генералы армии С. Ф. Ахромеев и И. Г. Павловский не видели необходимости во вводе наших войск в Афганистан, подчеркивали малую эффективность предстоящей «контрпартизанской войны, говорили о возможности надолго втянуться в бесперспективную и разрушительную для экономики войну. О негативных последствиях войны для политики и экономики страны еще раз вполне определенно заявил А. Н. Косыгин, писали руководители института экономики Академии наук СССР. Но все тщетно.

Поскольку среди принимавших и формулировавших решение «о вводе» не нашлось ни одного дипломированного военного специалиста, это сразу сказалось на наших войсках, которым ни партийными, ни военными авторитетами не были определены ЯСНЫЕ ЦЕЛИ и не поставлены КОНКРЕТНЫЕ ЗАДАЧИ. А общее указание об «интернациональной помощи дружественному афганскому народу» было абстрактным и мало что говорило командирам всех степеней.

Чтобы меньше привлекать внимание мировой общественности и населения собственной страны, операцию решили приурочить к началу рождественских каникул в Европе и США, а воинские соединения вводить ночью. Последующий ход событий показал, что это было не лучшее решение. 25 декабря 1979 года начался ввод советских войск в Афганистан. 27 декабря 103-я воздушно-десантная дивизия, переброшенная транспортными самолетами, вошла в Кабул и взяла под свой контроль и защиту здания ЦК Народно-демократической партии Афганистана, МВД, Министерства обороны и другие важные объекты столицы. Вдумайтесь, уважаемый читатель, наши солдаты взяли под защиту афганский ЦК партии, правительство, штабы военных и МВД и стали защищать «представителей афганского народа» от своего народа. А теперь подумайте, как должны были относиться свободолюбивые граждане Афганистана к иностранным «защитни-

кам». Правда, думать об этом должны были, в первую очередь, те, кто принимал решение о вводе.

Вместе с передовыми частями в столицу Афганистана вошли подразделения полевого управления Особого отдела КГБ во главе с его первым начальником полковником С. Бажковым. В тот же день группы советского спецназа, сформированные и подготовленные чекистами КГБ, разведчиками ГРУ и офицерами ВДВ, взяли штурмом президентский дворец. Президент страны Хафизулла Амин в ходе спецоперации погиб. По одним данным – был убит, по другим – застрелился сам.

Остальные воинские части, перейдя государственную границу, двигались по маршрутам Термез – Кабул – Газни и Кушка – Герат – Кандагар и, по мере продвижения, брали в кольцо с целью охраны основные административные центры страны. Вяizzlyваться в боевые столкновения с отрядами афганской оппозиции нашим войскам пока было не рекомендовано. Некоторые части при вводе направили через Термез, перевал Саланг и далее на Баграм и Кабул. К середине января 1980 года ввод главных сил 40-й армии в основном был завершен.

Первые погибшие из состава советских войск появились примерно через два часа после вступления на территорию Афганистана. Марш совершался зимой, в ночное время, шел снег и дул ветер, одна из боевых машин пехоты на узкой мерзлой дороге, уступая путь встречной афганской машине, не удержалась на крутой насыпи и перевернулась. Погибли восемь человек. Случилась трагедия и при переброске 103-й воздушно-десантной дивизии. В ночь на 26 декабря при заходе на посадку недалеко от Кабула разбился военно-транспортный ИЛ-76, погибли 37 десантников и 7 членов экипажа. Командир впервые, да еще ночью, сел на горный аэродром, произошло столкновение самолета с горой высотой 4662 метра.

Несколько десятков человек задохнулись во время перехода перевала Саланг. Саланг – это тоннель, длиной около семи километров, примерно четыре из них в центральной части – сплошная скала без доступа воздуха. Навстречу по тоннелю двигались местные жители. Наши военные машины шли плотно, «бампер к бамперу». От выхлопных газов были едва видны огни впереди идущей машины, дышать нечем, не помогали даже противогазы. К тому же случилась пробка. Солдаты валились на землю и умирали от угарного газа. Один участник перехода позднее написал: «Непонятно, почему зимой, почему ночью, куда спешили, зачем многокилометровая колонна машин це-

ликом и сразу вошла в глухой, не продуваемый тоннель, почему серьезнейшая войсковая операция проводилась без предварительной разведки, какие мозги додумались до всего этого? Я бы тогда своими руками задушил тех, кто нам в тоннеле Саланг устроил эту душегубку. И, главное, выводов не сделали. Вскоре после нас шла ракетно-артиллерийская часть, опять пробка, снова потери и примерно столько же погибших».

В Советский Союз стали поступать первые цинковые гробы с телами погибших. Но поскольку Кремль, практически с самого начала, засекречивал все данные, связанные с вводом наших войск, похороны проводились без воинских почестей, полутайно, на памятниках запрещалось указывать, что военнослужащий погиб Афганистане. Эти «правила» соблюдались с первых дней военных действий и вплоть до 1987 года. Хоронили молодых, в основном 19-22 летних парней. Среди убитых горем родителей появилось немало недовольных таким отношением властей к погибшим в мирное время воинам-интернационалистам. Кто-то пытался обращаться с жалобами в партийные органы.

30 июля 1981 года по этому поводу состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС. Привожу в небольшом сокращении выступление все того же Суслова, который ратовал за ввод наших войск: «Поступила записка в Центральный Комитет об увековечивании памяти воинов, погибших в Афганистане. Причем, предлагается выделение каждой семье по тысяче рублей для установки надгробья на могиле. Дело не в деньгах, а в том, что если мы будем увековечивать память и писать об этом на надгробьях, а на некоторых кладбищах таких могил будет несколько, то с политической точки зрения это не совсем правильно. Следует также подумать об ответах родителям, дети которых погибли в Афганистане. Здесь не должно быть вольностей, ответы должны быть лаконичными и стандартными!».

Товарищи члены Политбюро и остальные причастные руководители! А как же с сохранением памяти о воинах-интернационалистах? Кто и как позаботится о родителях, потерявших своего сына-кормильца? Кто поможет молодой вдове и ее ребенку, оставшимся без мужа и отца? О какой «политической точке зрения» можно говорить с людьми, которых постигла тяжелейшая утрата самых близких в мирные дни?

Но вернемся в Афганистан. Все делалось в спешке, торопились поскорее ввести войска, спешили поменять власть в Кабуле. В ночь с 27 на 28 декабря 1979 года на внеочередном пленуме Центрального

Комитета НДПА были сформированы новый состав Революционного Совета и правительства республики. Посты председателя Ревсовета и премьер-министра страны занял Генеральный секретарь ЦК НДПА Бабрак Кармаль, доставленный из Москвы в Кабул на советском военном самолете.

Первыми действиями вновь избранного правительства Кармаля стала ликвидация по решению «революционного суда» десяти ближайших соратников Амина, главным образом, из силовых структур, и «очистка партийных рядов от враждебных элементов». Это сразу вызвало неоднозначную реакцию, в первую очередь, в столице страны. Генерал армии В. И. Варенников, работавший тогда советником в Кабуле, в своих воспоминаниях написал, что «мы поддались напору со стороны Бабрака Кармаля и позволили себя втянуть в затянувшуюся войну. Кармаль не заслуживал доверия ни своих соратников, ни наших советников, ни своего народа. Он был демагогом высшего класса и искуснейшим фракционером. Допускал тяжелые просчеты в экономике, социальной политике и в области религии. Со временем все это кончилось тем, что Кабул оттолкнул народ от революции, а ислам целиком перешел на сторону оппозиции».

Первоначально, при вводе, политическое и военное руководство СССР, как будто, не планировало участия советских войск в боевых операциях против вооруженных отрядов оппозиции. Но случилось так, что уже 9 января 1980 года, менее чем через две недели после ввода, батальон 186-го мотострелкового полка был привлечен к боевым действиям по подавлению мятежа афганского артполка. В феврале, в связи с участившимися фактами нападения на наши колонны и обстрела гарнизонов советских войск, командованию 40-й армии последовало официальное указание сверху – «начать совместно с армией республики Афганистан активные действия по разгрому отрядов оппозиции». Вскоре была проведена совместная крупная операция в приграничной провинции Кунар, в которой участвовали советский батальон и два афганских.

Первые весенние боевые операции 1980 года, а их, больших и малых, было проведено 96, не все достигали планируемого результата и показали неподготовленность советских войск к ведению антипартизанской войны. Командующий 40-й армией генерал Б. В. Громов позднее в книге «Ограниченный контингент» написал: «Выяснилось, что все выработанное советской военной наукой и записанное в боевых уставах, в том числе, в разделе «Ведение боевых действий в горах», годится только для западного направления и европейского

театра военных действий. Здесь же, в Афганистане, мы были вынуждены многое постигать на ходу, медленно продвигаясь вперед методом проб и ошибок».

Как отреагировали другие государства на ввод советских войск в Афганистан? 6 января 1980 года президент США Картер заявил по телевидению, что оккупация Афганистана представляет «угрозу миру во всем мире» и озвучил санкции, вводимые против СССР. Это – ограничение продажи зерна, прекращение поставок высоких технологий, двустороннее сокращение дипломатического персонала в Москве и Вашингтоне, отмена переговоров и контактов в области ядерных вооружений, авиации, здравоохранения и культуры. Американские спортсмены и поддерживавшие их атлеты других государств отказались участвовать в летних Олимпийских играх 1980 года в Москве. Премьер-министр Австралии тоже ввел санкции против СССР, а британское правительство приостановило кредиты на сумму 950 миллионов фунтов стерлингов.

В целом ввод наших войск осудили около двух десятков государств Европы и Азии. В итоге все случилось так, как предсказывал накануне событий Председатель Совета министров А. Н. Косыгин и крупные армейские специалисты Генштаба.

Военная статистика афганского периода говорит о том, что в 40-й армии воевали очень молодые. Солдатам было по 18-20 лет, это военнослужащие первого призыва, командиры взводов 21-23 лет, командиры рот 23-25 лет, командиры батальонов 30-35 лет. Из-за введенной в начальный период военной цензуры у тех, кто призывался в Афганистан, практически не было никакого представления о том, что там происходит и какая война их ждет. Некоторое исключение составляли пограничники и офицеры КГБ, которые по своим каналам получали кое-какую информацию и в общих чертах представляли оперативную и фронтовую обстановку. Поскольку в боевых операциях начального периода нередко рядом с необстрелянными бойцами не было старших или просто опытных сослуживцев, молодые с азартом, без трезвой и спокойной оценки очень коварного противника, рвались в бой и получали неожиданные и порой довольно болезненные удары. Не закаленные на первых порах солдаты и командиры переживали свои потери довольно тяжело.

По признанию бывшего офицера спецназа Алексея Чикишева, отсутствие опыта антипартизанской войны, да еще в непривычных условиях гор и бездорожья, неумение сориентироваться в экстремаль-

ных ситуациях, и, как следствие, беспомощность и явные просчеты отдельных молодых командиров, а также серьезные бытовые трудности приводили к падению уровня дисциплины в армии. В некоторых воинских частях появилась «дедовщина», солдаты и офицеры нередко злоупотребляли алкоголем и наркотиками. Воинский дух был на довольно низком уровне, некоторые военнослужащие частенько находились в стрессовых ситуациях. Кстати, тестирование, проведенное в 1990-х годах, вскоре после окончания афганской кампании, показало, что минимум 35-40% возвратившихся участников войны в Афганистане нуждались в помощи профессиональных психологов. Чикишев также отмечал, что солдаты и командиры испытывали недоверие к местному афганскому населению. Опыт спецназа показывал, что если отпустить задержанного афганца, он вскоре может вернуться с отрядом партизан. Считалось, что все население в той или иной степени помогало моджахедам, а советским военнослужащим давали ложную информацию или пытались завести их в засады.

В целом войсковая операция в Афганистане развивалась не по нашему первоначальному сценарию. Заместитель начальника оперативного отдела штаба 40-й армии генерал Евгений Никитенко позднее вспоминал, что на протяжении всей войны наше высшее командование преследовало неизменные цели – подавление сопротивления вооруженной оппозиции и укрепление власти афганского правительства. Но, несмотря на все наши усилия, численность формирований оппозиции из года в год только росла, и в 1986 году, на пике советского воинского присутствия, моджахеды контролировали 70% территории Афганистана.

Мнение Никитенко поддержал начальник Оперативной группы Министерства обороны СССР в республике Афганистан генерал-полковник Виктор Меримский. Он заявил после войны, что руководство Афганистана, даже при нашей очень серьезной поддержке, проиграло борьбу с мятежниками за свой народ и не смогло стабилизировать обстановку в стране. После распада СССР и прекращения нашей постоянной помощи просоветский режим президента М. Наджибуллы был свергнут и в Афганистане начался новый этап гражданской войны между группировками победивших моджахедов при активном иностранном вмешательстве извне.

Основными причинами для принятия окончательного решения о выводе наших войск из Афганистана стали: постоянное международное давление на Советский Союз, усиливающиеся трудности

в советской экономике, новый курс политического руководства страны с приходом М. С. Горбачева, а также возрастающая непопулярность афганской войны в советском обществе. Наряду с цифрами о больших людских потерях в прессу стали просачиваться материалы о серьезных финансовых расходах на войну. Так, расходы на помощь кабульскому правительству оценивались примерно в 800 миллионов долларов в год, на 40-ю армию и все, что связано с ее боевой работой, бюджет тратил от трех до восьми миллиардов долларов. Главный военный советник в Афганистане Александр Майоров говорил, что война обходилась Советскому Союзу ежедневно в полтора-два миллиона рублей. Это – в тогдашних советских рублях, если перевести на сегодняшние, это будет значительно больше.

С учетом ошибок, допущенных при вводе, и исходя из складывающейся оперативной обстановки, вывод наших войск осуществляли уже строго по плану и с использованием предварительной разведки. Основная часть воинского контингента выводилась наземным путем, часть личного состава перевезли самолетами.

Каковы итоги афганской войны? Если говорить кратко, то советское вмешательство не укрепило революционные позиции Народно-демократической партии Афганистана, а всего лишь продлило существование партии ровно на тот срок, когда в стране оставались войска Советского Союза. Попытки насильственного внедрения извне идей социализма в полуфеодальную страну заранее были обречены на провал. После вывода наших войск моджахедские группировки быстро восстановили собственный контроль. В апреле 1992 года демократия в республике Афганистан была окончательно ликвидирована исламистами.

Что касается СССР, то втягивание его в афганскую войну оказалось одним из самых непопулярных решений советского руководства. Военное вмешательство во внутренние дела независимого государства еще больше усилило международную изоляцию Советского Союза, вызвало нарастание протестов внутри страны, достаточно серьезно истощило ее экономику и, в конечном счете, стало одной из причин развала СССР.

Попытки замалчивать сведения о наших потерях в Афганистане, равно как и отсутствие публикаций о подвигах советских воинов в жестоких сражениях с моджахедами, все больше усиливали конфликт общества с властью. К концу 80-х годов требование вывести

наши войска из соседней страны и прекратить поток напрасных жертв стало одним из главных лозунгов перестройки. Все чаще об этом говорили диссиденты, а знаменитый в СССР академик Андрей Сахаров за открытую критику правительства по афганскому вопросу был из Москвы отправлен в ссылку в «закрытый» для иностранцев город Горький, ныне Нижний Новгород. 27 декабря 1989 года на втором Съезде народных депутатов СССР комитет Верховного Совета по международным делам принял следующую резолюцию: «В итоге обстоятельного анализа имеющихся данных Комитет пришел к выводу, что решение о вводе советских войск в Афганистан заслуживает морального и политического осуждения» (газета «Известия», 27 декабря 1989 года).

Последний президент Афганистана Наджибулла сказал после войны: «У политиков своя ответственность и о ней уже достаточно сказано. Я же склоняю голову перед памятью советских людей, которые отдали свои жизни, выполняя воинский долг. Война принесла много горя. Она не сразу забудется. Но не забудется многими и многими афганцами доброта и мужество советских людей, их бескорыстие и человечность».

Как бы пытаюсь оправдать советских руководителей, один из нынешних либеральных авторов отметил, что война велась не с целью победить афганский народ. Намерение было благое – внедрить социалистические ценности взамен феодальных порядков. Но, к сожалению, ошибки политиков всегда приходится исправлять военным. Больше просто некому. Так было в далеком огненном 1941-м, так случилось в афганскую войну.

15 февраля 1989 года последний советский солдат покинул Афганистан. Этим солдатом стал командующий Ограниченным контингентом, Герой Советского Союза генерал-лейтенант Громов Борис Всеволодович. Он вышел из машины и, замыкая колонну советских бронетранспортеров и танков, в пешем строю торжественно прошагал по мосту через пограничную реку Аму-Дарья и вступил на родную землю. Это произошло до обеда и было тщательно зафиксировано многочисленными журналистами печатных изданий и телевидения. На следующий день исторические кадры вывода советских войск из Афганистана и окончания десятилетней войны облетели весь мир. А после обеда 15 февраля последняя, теперь уже точно последняя, колонна советских пограничников и подразделений спецназа, при-

крявавших вывод советских войск, снялась со своих позиций, погрузилась на машины и спокойно, без фоторепортеров и аплодисментов, покинула чужую, негостеприимную землю и возвратилась на Родину.

Из «могучей» пятерки высших руководителей СССР, принимавших в 1979 году решение о вводе советских войск в Афганистан, до 15 февраля 1989 года не дожил никто. Первому руководителю государства М. С. Горбачеву, озабоченному в то время надвигающимся развалом страны и пустыми полками в магазинах, было не до «ограниченного контингента», возвращавшегося из Афганистана. Примерно такое же отношение к воинам-интернационалистам было и у местных властей. Пришлось нашим многострадальным афганцам в мирные дни, на своей земле «сражаться» с чиновниками и бюрократами всех мастей, учиться в институтах и техникумах, приобретать мирные профессии, пробиваться на какую-то приличную работу, создавать семьи и нередко лечить незажившие раны.

Уже после распада СССР в 1991 году, после трудной полосы реформ и кризисов, в стране постепенно начинает меняться в лучшую сторону отношение в целом к российской армии и к советским воинам, исполнявшим служебный долг далеко от Родины. В 2004 году президент России Владимир Путин выступил на всероссийском собрании, посвященном памяти воинов-интернационалистов, и сказал следующее: «В афганскую войну было испытано все, все, на что способен человек, что он в состоянии выдержать. Это знают и помнят наши «афганцы», им полной чашей пришлось хлебнуть и страданий, и горя, и отчаянья, и трудностей. Они воевали в чужой стране, а собственный народ практически ничего не знал ни о причинах этой войны, ни о ее целях, ни даже об отваге и подвигах наших солдат и офицеров. Больше того, многих, кто вернулся с той войны, подчас встречали на Родине с непониманием и равнодушием. По-настоящему, мало кому было дело до судеб наших «афганцев». И чаще всего им самим приходилось находить себе место в жизни. Всем, кто прошел Афганистан, хочу пожелать вам и вашим близким здоровья, успехов и благополучия!».

Только 29 ноября 2010 года Федеральным законом № 320-ФЗ, подписанным президентом страны, день вывода наших войск – 15-е февраля – был утвержден, как официальная памятная дата в Российской Федерации – «День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества». С тех пор все наши замечательные и теперь весьма уважаемые афганцы: пограничники, чекисты, де-

сантники, вертолетчики, связисты, – все воины-интернационалисты, достойно сражавшиеся в горах и песках Афганистана, собираются в этот день вместе, чтобы отдать дань памяти участникам той кровавой бойни, и ныне живущим, и не вернувшимся домой.

Больше всего бед, тревог и трудностей выпало на долю советских пограничников, которые несли свою, и в мирное время опасную службу на границе с Афганистаном, да и другим сотрудникам погранслужбы страны. Еще до ввода наших войск им не раз приходилось пресекать вражеские вылазки афганских моджахедов. Ну а во время ввода и в ходе боевых действий на территории Афганистана роль погранвойск переоценить просто невозможно. Немало тюменских пограничников достойно исполнили свой интернациональный долг в той, официально не объявленной, войне.

Пограничная служба имеет свою богатую боевую историю. Учреждена она была Декретом Совета Народных Комиссаров 28 мая 1918 года. Значит, в 2018 году мы будем отмечать ее славное героическое столетие. За свою многолетнюю историю Служба претерпела не одно изменение, в 1953 году погранвойска передавались в объединенное МВД СССР, а с декабря 1991 года Служба выступала под флагом федерального Комитета по охране госграницы. И только с 11 марта 2003 года пограничники снова вернулись в «родные стены» и стали называться Пограничной службой ФСБ Российской Федерации. В законе это звучит так: «Формирование специального назначения Федеральной службы безопасности с задачами защиты, охраны и обороны сухопутных и водных рубежей, а также исключительной экономической зоны России и ее континентального шельфа». Все это сегодня в полной мере имеют тюменские пограничники на северных рубежах Тюменской области, а на юге у нас довольно протяженная государственная граница с Республикой Казахстан. И тюменцы успешно и надежно решают поставленные перед ними задачи по защите интересов своей области и всей России.

Особенно торжественным и многолюдным был сбор афганцев в Тюмени в 2014-м, юбилейном году, когда исполнилось 25 лет со дня вывода наших войск из Афганистана. Обращаясь к ветеранам-интернационалистам, губернатор области В. В. Якушев отметил: «Дорогие земляки, уважаемые ветераны! Сражаясь вдали от Родины, вы проявили свои лучшие качества – верность присяге, мужество и патриотизм. Школа Афганистана многим дала закалку на всю жизнь. Через годы вы несете память о своей, опаленной войной юности,

о погибших товарищах и о священном боевом братстве. Светлая память солдатам Отечества, погибшим вдали от родной земли. Спасибо всем, кто честно и мужественно исполнил свой воинский и гражданский долг и нашел силы вернуться к мирной жизни. Огромная благодарность за большую работу по патриотическому воспитанию, которую вы ведете с сегодняшней молодежью!».

Основные хлопоты по организации мероприятия взяли на себя руководители и активисты областной общественной организации «Ветераны-пограничники Тюменской области» полковник А. А. Носырев, майоры Н. Н. Ибрагимов и Е. Г. Макаров. Все собрались в просторном Дворце культуры «Железнодорожник». В первую очередь, на торжество были приглашены участники афганской войны и их родственники, ветераны-пограничники и чекисты, много было школьников и группа курсантов кадетского президентского училища. Присутствовал почетный гость из Москвы – заслуженный пограничник России, участник боевых действий в Афганистане генерал-полковник Валиев Мансур Масгутович, бывший первый заместитель руководителя погранслужбы России. После совместного фотографирования в фойе Макаров Е. Г. представил нас друг другу, его как начальника пограничников, меня как чекиста-ветерана и автора книг о войне и разведке. Валиев охотно вступил в разговор. Я «похвалился» тем, что где-то году в 1985-м мне повезло пожать руку начальнику Главного управления погранвойск, члену Коллегии КГБ СССР, генералу со знаменитой фамилией Матросов, имени и отчества не запомнил. Меня, тогда как руководителя тюменского транспортного отдела Управления госбезопасности, заслушивали на Коллегии КГБ по организации работы на объектах авиации в Тюменской области. Валиев сразу оживился и кратко рассказал, что генерал армии Матросов Вадим Александрович – легендарный человек. Он участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, много лет возглавлял Управление погранвойск. Когда началась афганская война, он неоднократно выезжал на границу, активно участвовал в руководстве боевыми действиями советских пограничников, не раз на вертолетах летал в распоряжение наших погрангрупп, дислоцированных в северных районах Афганистана. Заканчивая разговор об афганской войне, Валиев с сожалением заметил: «Сколько хороших парней положили, и неизвестно за что!». А мою книгу «Война и разведка» договорились передать Валиеву позднее через тюменских ветеранов-пограничников.

Торжественное собрание открыл известный пограничник, полковник в отставке Владимир Иванов. Юные кадеты в нарядной парадной форме внесли в зал флаг Российской Федерации, знамена Тюменского управления ФСБ, Пянджского пограничного отряда за его существенный вклад в афганскую войну и общественной организации «Ветераны-пограничники Тюменской области». От имени губернатора Тюменской области Владимира Якушева воинов-интернационалистов поздравил председатель комитета по делам национальностей Евгений Воробьев. Многие пограничники были отмечены грамотами, благодарностями и памятным знаками. В их числе – участники боевых действий в Афганистане Ильгиз Шарипов, Евгений Макаров, Нуртдин Ибрагимов, полковник в отставке Олег Белый, участник боев на Даманском Михаил Устюгов и многие, многие другие.

Затем на сцену были приглашены матери, вдовы и другие близкие воинов-интернационалистов Татьяна Корневская, Александра Воронина, Лидия Колесова, Людмила Курлаева, – всего семнадцать человек, всем им вручили памятные подарки и букеты живых цветов. Зал в едином порыве, стоя, долго аплодировал этим замечательным мужественным тюменкам и тюменцам.

Февраль 2017 года, очередная, уже 28-я годовщина вывода советских войск из Афганистана. Говорим об этом с моим другом, бывшим начальником Особого отдела по 19-й отдельной железнодорожной бригаде Граниным Валерием Аркадьевичем. Отдел его дислоцировался в районе станции Богандинской. Не раз и не два наши чекистские пути-дороги пересекались на режимном объекте № 319. Если надо было, например, подать на объект или вывести с его путей группу вагонов с «особо важной оборонной продукцией», он с Москвой выбирал «окно», когда траектории американских спутников-шпионов не пересекали зону объекта. Мне необходимо было изучить передвижение всеми видами наземного и воздушного транспорта по территории Тюменской области иностранцев, представляющих оперативный интерес, и исключить их возможное пересечение с трассой проследования охраняемого груза. Были и другие интересные задачи, но сегодня разговор об афганской войне.

Говорили не раз о той непонятной войне и тогда, когда все только начиналось. Единственное, что мы оба в тот момент ясно понимали, это – интернациональный воинский долг, и людям в погонах, если прикажут, его придется выполнять. Кто, с кем и о чем договорился, за что мы там воюем, из-за отсутствия информации даже чекистам было не очень понятно. В целом, в бригаде и в Особом отделе поря-

док был такой: кадровик получал из Министерства обороны разнарядку, согласовывал с первым руководителем кандидатов на поездку, направлял их на медкомиссию. Если офицер комиссию прошел, его приглашали в кадры и объявляли ему о направлении в командировку в Афганистан, в состав ограниченного контингента советских войск, сроком минимум на полгода, а получалось обычно два больше. Добровольцев не было, но и отказываться никто не пробовал, невыполнение приказа грозило увольнением с военной службы, причем с плохой характеристикой.

Таким «порядком» Гранин проводил в Афганистан четырех офицеров, все они, слава Богу, живы и почти здоровы, отвоевали свое и возвратились домой. Все четверо награждены орденами Красной Звезды. Фамилии их, по взаимной договоренности, решили не называть. Двое возвратились с психическими проблемами по здоровью, и им пришлось проходить лечение в Тюмени. Все они единодушно отмечали, что «мы зря вляпались в эту войну и напрасно так долго там воевали». Причем воевали не лучшим образом, без должной военной организованности, с неоправданными потерями. Там не было ни фронта, ни тыла, нападение противника было возможно с любой стороны, и что еще хуже, в любое время суток, особенно ночью. Было просто страшно находиться там, и не у всех хватало на это мужества и здоровья.

15 февраля 2017 года мы вдвоем с участником афганской войны Евгением Георгиевичем Макаровым сходили в сквер имени Губкина к мемориалу погибшим в Афганистане на митинг, посвященный памяти воинов-интернационалистов. Памятник расположен в светлом, солнечном сквере, среди елей и стройных березок, рядом с колледжем искусств, из окон которого часто слышится хорошая музыка. Неподалеку стоит небольшая часовня. Дорожки в сквере выложены красивой плиткой, в обычные дни по ним гуляют мамы с детскими колясками. Создан мемориал в 2002 году в виде стены с барельефами, разделенной на две части. На барельефах изображены сцены из боевой военной жизни афганцев. Вдоль по стене размещены десять небольших колонн, символизирующих десять афганских фронтовых лет. На каждой колонне – памятные плиты, на которых золотом отлиты имена тюменцев, погибших на той далекой войне. В центре композиции – большой камень из красного мрамора в виде контура Афганистана. На камне золотом – дорогие каждому афганцу слова: «Памяти павших. Ради живых. Во имя правды. Афганистан».

Почтить память земляков, живых и погибших, собралось более двухсот тюменцев. Каждый год памятные мероприятия начинаются с акции «Свеча». Курсанты высшего военно-инженерного командного училища в парадной форме, медленным торжественным маршем, с горящими свечами в руках, в абсолютной тишине проходят по красной ковровой дорожке вдоль мемориала. Каждый из десяти курсантов останавливается возле «своей колонны», преклоняет колени и осторожно ставит свечу под списком погибших.

На состоявшемся после этого митинге выступили представители правительства области и областной Думы, председатель Тюменского отделения всероссийского объединения «Боевое братство» полковник В. Д. Глушко, участники войны и жены погибших. Глава областного объединения десантников Г. Г. Григорьев пояснил, что из 130 погибших в Афганистане тюменцев имена 112-ти нанесены золотом на плиты мемориала, 18 фамилий надо добавлять, но пока нет денег. В честь памятного события Григорий Григорьев, Нуртдин Ибрагимов, Евгений Макаров и другие офицеры-интернационалисты накануне провели встречи с молодежью в школах, гимназиях и училищах Тюмени. А сегодня после торжественного митинга на свежем морозном воздухе ветераны обязательно соберутся в теплой компании за круглым столом.

И последнее. В Интернете на страничке, посвященной «Мемориалу афганцев», размещены отзывы тюменцев, в основном молодых, посетивших в разное время этот замечательный памятник. Там сказано много теплых слов в адрес всех афганцев, видно, что люди пишут искренне, от души и хотят понять, что тогда происходило. 21 февраля 2016 года житель Тюмени Олег Макеев в своем отзыве, в частности, написал: «Хочется верить, что такие бессмысленные войны больше никогда не коснутся нашей страны».

16 февраля 2017 года – новая встреча с Макаровым, больше двух часов сидим в его уютном доме на окраине Тюмени, и Евгений Георгиевич, не спеша, рассказывает о своих долгих и трудных двух с половиной годах «афганской эпопеи», с мая 1986 по декабрь 1988 года. Но тогда быстротечное и опасное военное время считали не годами, а прожитыми во фронтовых условиях днями. И кадровики, подсчитывая выслугу лет, объявляли не «год за три», как это пишут в инструкциях, а один день за три. Говорит Макаров о своей службе по-военному четко и кратко, вот так я попробую и написать.

Призывали Евгения Георгиевича в Хабаровском погрануправлении, с должности заместителя начальника пограничной заставы.

Начальник отдела кадров управления Истигичев, обращаясь к собравшимся, вежливо, но очень четко заявил: «Товарищи офицеры, для нас это приказ, разговор на тему ехать или не ехать не может быть. Для членов партии отказ – это партбилет на стол, для беспартийных – рапорт на увольнение. Срок командировки для рядовых – до конца призыва, офицерам – два года. Время на сборы минимальное».

Все делалось довольно оперативно, и вот пограничники уже в зоне боевых действий. Постоянное место базирования отряда пограничников – на советской территории вблизи границы. Вылеты на задание – через границу на вертолетах МИ-8 и МИ-24, зона боевых действий – до 100 километров вглубь территории Афганистана, срок пребывания на территории противника – от двух дней до двух месяцев. Это зависело от объема и сложности поставленной задачи. Каждый участник операции брал с собой автомат, полный боекомплект, гранаты, сухой паек, две фляжки воды, спальный мешок и все остальное самое необходимое. В общей сложности в рюкзак набивали до тридцати и более килограммов. Командиры свои офицерские ремни при заброске сразу снимали, потому что снайперы моджахедов выцеливали их в первую очередь, а стреляли они хорошо. Форма одежды в бою у всех одинаковая. Предварительное место высадки изучали обычно разведчики погранотряда. Но, во-первых, по чужой территории сильно не разгуляешься и все собрать там нереально, во-вторых, оперативная обстановка в зоне боевых действий очень подвижна и довольно быстро меняется. Поэтому в момент высадки надо быть очень внимательным, так как можно было нарваться на неприятный сюрприз, если ориентироваться только на то, что рассказали разведчики. Как всегда, острые на язык «погранцы» очень скоро окрестили разведчиков «сказочниками» или «бюро прогнозов погоды», ведь реальность «предсказания» – пятьдесят на пятьдесят.

Боевые операции, а всего их за два года набралось три с половиной десятка, проводились по-разному: только силами своего отряда, объединенные с другими пограничными отрядами и реже – с участием подразделений афганской народной армии. Надо отметить, что афганские бойцы, да и командиры тоже, осторожничали, вперед не лезли, хотя воевали у себя дома и знали каждую тропинку. Про все операции не расскажешь, но некоторые, как говорит Макаров, запомнились на всю жизнь.

По данным разведки, в одном из кишлаков обнаружена крупная банда Башира. Командование принимает решение силами че-

тырех наших погранотрядов окружить и уничтожить моджахедов. На сбор по тревоге – всего 30 минут, и вертолеты с десанниками уже в воздухе. Выброска десанта идет по плану, все четыре группы высаживаются по периметру кишлака. Вертолеты зависают почти у самой земли, но не садятся на грунт, готовые при внезапной опасности «дать газу» и уйти в небо. Десантники один за другим быстро покидают винтокрылые машины и сходу разворачиваются в цепь. Удастся обнаружить и обезвредить передовые, дозорные точки противника. Но моджахеды успевают передать в свой штаб в кишлаке сигнал тревоги и координаты наступающих пограничников. Из всех видов оружия противник открывает по нашим десанникам массированный огонь. Местность вокруг кишлака довольно ровная и открытая, спрятаться негде. Пограничники медленно продвигаются вперед, пытаются занять удобные позиции. Задача у всех четырех отрядов одна – создать вокруг кишлака кольцо окружения, не выпустить бандитов и уничтожить их. Встречный бой продолжается до конца дня, появляются первые раненые и погибшие.

К вечеру стрельба с обеих сторон постепенно утихла, южная ночь наступила быстро, почти без вечерних сумерек. Но пограничники по опыту знали, что именно ночью бандиты попытаются прорвать кольцо окружения и скрыться, поскольку и в темноте они умели неплохо ориентироваться. Поступила команда окопаться, оборудовать огневые точки, еще раз проверить связь между командирами отрядов, подготовиться к отражению атак противника.

После полуночи, где-то ближе к утру, когда очень хочется спать, моджахеды сразу по двум противоположным направлениям атаковали позиции пограничников, причем оба удара пришлись на стыки между отрядами. Значит, они сумели немного изучить наши позиции. Завязался ожесточенный ближний бой, на участках прорыва складывалось впечатление, что противники почти в упор расстреливают друг друга. Потери, и довольно серьезные, были у тех, и у других. Атаковавших душманов, разумеется, полегло значительно больше, но Баширу удалось выскользнуть из кольца и уйти. Макаров в этом бою получил два ранения, в голову и в ногу. Сделав с помощью бойцов первичные перевязки, он до конца сражения оставался на боевых позициях. Прибывший днем вертолет, в первую очередь, забрал всех раненых и доставил в медсанбат. Как пошутил Макаров, в медсанбате он получил месячный «отпуск».

Второй эпизод, про который стоит рассказать, случился в горах. Группу – около двух десятков бойцов во главе с Макаровым – высадили почти под облаками. Им была поставлена задача – закрепиться на каменистой площадке до прилета второй группы и затем вместе выбить противника с соседней высоты, которая «контролировала» нашу дорогу. На войне в горах – кто выше, тот и хозяин. Но на этот раз или «сказочники» подвели, или душманы бегали по горам очень быстро. Как только удалился вертолет, по группе сбоку и сверху ударил пулемет и стали подбираться «духи». Внезапный бой был коротким и ожесточенным. Встретив решительный отпор, противник отступил, но «макаровцы» потеряли несколько человек убитыми и ранеными. До конца дня, с помощью прибывшего подкрепления Макарову и его бойцам все-таки удалось организовать наступление и выбить моджахедов с соседней высоты. Задача была выполнена, но заночевать всем пришлось здесь же, в горах.

Наутро, вместо ожидаемых двух машин, прилетел вертолет покрупнее, но один. Командир, не выключая двигатель, прокричал, что второй машины не будет, и приказал всем быстро грузиться. Бойцы одним движением швыряли в дверь рюкзаки и сами буквально влетали за ними. Посадочных мест всем не хватило, поэтому устраивались на мешках и многие оказались ближе к хвосту. Пилот заметил, что машина перегружена, но дал полный газ и вертолет оторвался от земли, однако тут же резко ударился о камни. Переднее колесо вышло из строя. Со второй попытки машину удалось немного приподнять, и командир попытался сразу направить ее к обрыву. Нос вертолета неестественно «полез» вверх, в спешке была нарушена центровка. Перекрывая шум двигателя, бортмеханик заорал: «Всем вперед!». Бойцы, летавшие чуть ли не через день, и сами сообразили, в чем дело, и дружно бросились к кабине пилота. Макаров, вошедший в вертолет последним, оказался внизу этой «кучи малы», кто-то очень больно уперся автоматом в его спину.

А вертолет, иногда цепляясь колесами за камни, все быстрее сваливался вниз, пока, наконец, не скользнул по краю обрыва и полностью оказался в воздухе. Полетели. Пилоты выдохнули, осмотрелись и обнаружили, что помято хвостовое управление, а в дополнение к переднему повреждено еще и правое колесо, садиться не на что. Но надо еще долететь. Бортмеханик по радиации немедленно доложил в аэропорт прибытия о сложной ситуации на борту. Командир изо всех сил «тянул» изуродованную машину на оптимально допусти-

мой высоте и скорости к спасительной гавани. На аэродроме были срочно собраны все резиновые покрышки, из которых выложили для «раненого вертолета» посадочный круг. Машина зависла над летным полем, пограничники моментально повыпрыгивали на землю. Первый пилот, подчиняясь подсказкам-корректировкам начальника аэродрома, осторожно посадил, а точнее, наверное, положил изуродованный вертолет на покрышки. Пожарники и машина «скорой помощи» стояли наготове, но, к счастью, их услуги не потребовались. Когда мокрые от пота члены экипажа вышли на поле, начальник аэродрома каждого обнял и растроганно сказал: «Ну, мужики, молодцы! Да еще в рубашке родились. С такими поломками вертолеты не летают, и тем более, не садятся!».

Вскоре члены героического экипажа вертолета и вся ударная группа Макарова за успешное выполнение боевого задания были представлены к правительственным наградам.

В конце беседы Евгений Георгиевич отметил несколько особенностей в работе пограничников, воевавших в Афганистане. Ротация офицеров и солдат у них проводилась более планомерно и подготовленнее, чем в обычных армейских подразделениях, причем не превышая 50% от общего числа одновременно. Поэтому рядом с новичками всегда были опытные солдаты и офицеры, а, значит, была лучше дисциплина, меньше боевых и небоевых потерь. Закон для офицеров-пограничников был один – беречь солдата. Поэтому, наверное, был высок авторитет командиров, любую команду солдаты выполняли беспрекословно. После госпиталя бойцы, бывало и с не до конца залеченными ранами просились обратно в свои подразделения. Командиры старались сами во всем подавать пример, особенно в боевой обстановке. Если офицер давал команду: «Короткими перебежками вперед!», то первым выпрыгивал из окопа и увлекал всех за собой.

Была особенность и в ночных дежурствах в боевой обстановке, особенно, на линии соприкосновения с противником. Пограничники, зная о возможных ночных вылазках моджахедов, на ночь выставляли усиленные наряды часовых – до половины личного состава, находящегося в окопах, и только тогда другая половина могла отдыхать. Армейские подразделения ночами чаще ограничивались отдельными часовыми, все остальные спали. Макаров рассказал случай, когда в одной из совместных боевых операций отряд пограничников располагался недалеко от армейского отряда. На ночь дежурные наряды часовых обоих отрядов обменялись, как и положено, паролями для

радиосвязи. В ходе сеанса радиосвязи сразу после полуночи пограничники поделились с соседями тем, что на постах у них стоит почти половина личного состава бойцов, армейцы «похвалились», что справляются вдвоем, остальные все отдыхают. На очередной сеанс связи через три часа армейские часовые не вышли, утром не ответили тоже. Посланные на разведку бойцы-пограничники по возвращении доложили, что часовые убиты ударами ножа в спину, остальные уничтожены прямо на местах отдыха...

Обо всем, что пришлось увидеть и пережить молодому офицеру-пограничнику Макарову за два с половиной года войны в Афганистане, можно рассказывать не один день. Теперь, по прошествии многих лет и с высоты своего возраста, он считает, что, если уж пришлось воевать в Афганистане, надо было воевать по-другому. Мы не имели четких планов и целей, в результате ничего не добились, а потеряли много. Да и в целом из истории известно, что никто еще не покорил свободолюбивый афганский народ. Победить можно армию, но не народ, тем более, другой религии. Ничего этого, видно, не учли те, кто начинал афганскую войну.

В одной из ожесточенных схваток, уже на третьем военном году, Макаров получил второе ранение и, одновременно, довольно тяжелую контузию. После окончания лечения кадровики вдруг «заметили», что воюет он уже больше двух положенных лет и предложили, наконец, продолжить службу вдали от фронта, в тогда еще спокойном Закавказье. Однако Дальний Восток и его первая погранзаезда были ближе сердцу Макарова, и он отправился служить в знакомые края. По окончании службы на границе возвратился в родную Тюмень, отработал три года в Управлении госбезопасности и ушел на заслуженный отдых. Но вот отдыхать у Евгения Георгиевича пока не получается. Он нашел себе новую работу, да не одну, ежедневно с восьми утра колесит по городу на своем автомобиле. Очень много времени и сил, а также немало заработанных средств, отдает общественным делам в областной организации «Ветераны-пограничники Тюменской области», особенно в создании и обустройстве сквера пограничников в селе Казарово. Вместе со своими боевыми друзьями по Афганистану Ильгизом Шариповым и Нуртдином Ибрагимовым регулярно проводят встречи со школьниками и молодежью города.

На следующий день, 17 февраля 2017 года, майор запаса Ильгиз Карибуллоевич Шарипов был у меня в гостях. О необъявленной и малоизвестной в 1979 году афганской войне теперь написано уже много. Но искренние слова правды от непосредственного участника,

прошедшего в Афганистане «огонь, воду и медные трубы», сегодня, конечно же, дороже всего. Начнем с того, что этот воин-интернационалист сугубо наш, тюменский. Родился 16 августа 1957 года, значит, нынче ему будет 60, в красивой деревне Байкал Нижнетавдинского района Тюменской области. С детства запомнил фронтовые рассказы своего деда, который вместе с тремя старшими сыновьями отвоевали 1418 дней и ночей в Великую Отечественную войну, и все возвратились живые. Дед с гордостью говорил, что Шариповы на войне не погибают, и юный Ильгиз твердо уверовал в это.

Среднюю школу окончил в соседнем селе Киндер, затем была срочная служба в 1976–1978 годах в 103-й Витебской дивизии воздушно-десантных войск. И первое армейское фото – в берете ВДВ. После армии поступил в Кременчугское летное училище гражданской авиации, которое успешно окончил в 1982 году. Мог с друзьями поехать по распределению на тюменский нефтяной Север. Но они знали, что вертолетчики очень нужны на афганской войне и добровольно выбрали Афганистан. Вскоре Шарипов прибыл в распоряжение командира 23-го Душанбинского полка пограничной авиации.

Базировался полковой аэродром у самой афганской границы, а вся военная «работа» проходила по другую сторону пограничной черты, в основном, в гористых районах Афганистана. Командиры вертолетов, в чье распоряжение поступили новички, были уже опытные пилоты 26-27 лет. В первых полетах старшие всегда находились рядом, называлось это «вывозить» молодых, и со временем давали им допуск для посадки на высоте. Потому что в горах, а это нередко 2000 метров и выше, и заход на посадку, и сама посадка, иногда на каменистый «пяточок», и взлет с него, – все это намного сложнее, чем то, что «проходили» в училище на равнине. Существовало «железное» правило – при посадке двигатель не выключать, погрузку или выгрузку производить быстро и сразу взлетать. Нередко, уже при заходе на посадку, противник встречал огнем с земли, пилоту надо было проявить мастерство и мужество, чтобы в любых условиях выполнить полученное задание.

Работа и атмосфера в летном погранполку постоянно были довольно напряженными и боевыми, правило для всех одно – или воюешь, или уходи. За световой день экипажу по норме полагалось совершить не более 15 посадок в горах. На практике нередко получалось значительно больше, бывало, в отдельные, очень сложные дни от темна до темна делали до 30-40 посадок. Случилось в полку несколько моментов, когда пилоты не выдерживали нагрузку, писали рапорты

и уходили. Но это, скорее, исключение из правил. Уклонение от боевых вылетов со ссылкой на недомогание или рекомендации врача, равно как и «походы» в медсанчасть, не поощрялись. Работал в полку опытный и осторожный доктор Николай Абрамов, который иногда считал нагрузку у отдельных пилотов чрезмерной и пытался как-то ее координировать, даже кого-то «по состоянию здоровья» на время отстранять от полетов. Но пилотов постоянно не хватало, начальству «инициативы» доктора не нравились, и со временем он был переведен на другое место службы.

Капитан Ильгиз Шарипов от природы имел отличное здоровье, от предков по мужской линии унаследовал любовь к своей малой и большой Родине, честь и достоинство советского офицера, готовность защищать интересы своего Отечества и на далекой границе, и на чужой афганской земле. А если без громких слов, он просто был безотказным надежным работником на той, очень трудной войне. За долгие шесть с лишним фронтовых лет он совершил более двух с половиной тысяч боевых вылетов. И все-таки счастливая судьба хранила его, как и всех Шариповых на фронте, и он остался жив после великого множества близких к смерти передраг, в которые попадал со своим вертолетом.

Ильгиз Карибуллоевич крепко усвоил одну из главных заповедей боевого армейского братства: сам погибай, но товарища выручай. Однажды они, как обычно, в паре вылетели на выброску армейского десанта. Ведущий – капитан Шарипов. При заходе на посадку попали под плотный оружейный огонь. Ведущий сумел прорваться, ведомый МИ-24 был сбит, упал и загорелся. Не раздумывая, Ильгиз развернулся и пошел на помощь своим товарищам. С небольшой высоты члены его экипажа в упор расстреляли из автоматов нападавших моджахедов, затем зависли у самой земли, быстро собрали всех оставшихся в живых. Командир вертолета Шарипов был отмечен медалью «За отвагу». А в 1985 году за другой подвиг он получил орден Красной Звезды с формулировкой «За ратный труд в Афганистане».

Первые три года он «поработал» на разных пограничных аэродромах, но каждый из них знал до последнего метра. Здесь, на земле, их всегда с надеждой ждали и тепло встречали после каждого боевого полета. Здесь принимали раненых и убитых, пополняли боеприпасы, брали на борт десанты, получали задание – и снова в небо. И так изо дня в день, из недели в неделю, без праздников и выходных. Бесконечный тяжкий военный труд. Ильгиз признался, что со временем

привык к горам, привык к постоянной опасности, был уверен, что на этой войне он должен остаться живым. Действия за штурвалом отработал до автоматизма, в полетах появилась какая-то обостренная интуиция. Почти кожей чувствовал, где могут обстрелять, а где можно и обойти опасное место. Научился замечать любые мелочи, из которых на войне надо уметь делать выводы, поскольку точно знал, что в бою мелочей не бывает.

Однажды с аэродрома «Имам-Сахиб» сообщили, что наши вертолеты попали под минометный обстрел. Надо было срочно выяснить, где засели моджахеды, и уничтожить их. Первые два разведвылета результата не дали. В третий раз полетел Шарипов. В предполагаемом районе он обратил внимание на трех крестьян, копошившихся на рисовом поле. Что они там делают? Сеять уже поздно, убирать еще рано. Снизился и по одежде определил, что это не местные. Значит, переодетые моджахеды, маскируются под рисоводов. Срочно передал «на землю» координаты, наши выдали хороший залп. Минометы больше не стреляли.

Последний свой полет Ильгиз Карибуллоевич не забудет никогда. Шел январь 1989 года, до вывода наших войск оставалось меньше месяца. Он с экипажем в шесть человек летал на специально оборудованном для пеленгации вражеских радиостанций вертолете МИ-8. 19 января 1989 года капитан Шарипов получил приказ найти и запеленговать семь радиостанций в расположении крупного соединения моджахедов. На задание вместе с ним ведомым полетел капитан Валерий Попков, будущий Герой Советского Союза. Моджахеды к тому времени уже располагали поставленными им американскими «стингерами», которые успешно уничтожали летающие цели. Чтобы не сбили машину, надо лететь не выше 20-30 метров. Но тогда не возьмешь радиосигнал. Рискуя, пошли выше и довольно быстро запеленговали шесть радиостанций, передали своим. Вскоре по душманам ударили наши установки «Град». Эфир тут же ожил, афганский полевой командир передавал напарнику, что их разбомбили и погиб некий Лангор. Разговоры эти экипажу быстро переводил летавший с ними прекрасный переводчик Залетдинов.

Оставалось запеленговать седьмую, штабную радиостанцию. Пошли на ее поиск. Нашли, успешно запеленговали и тут вертолет сильно трянуло. Ракета попала в грузовой отсек, от взрыва находившиеся там переводчик и три члена экипажа погибли сразу. Стекла в кабине вылетели, Шарипов получил ранение в голову, вертолет

начал падать. Успел крикнуть второму пилоту Шеняеву, чтобы быстрее прыгал. Тот выпрыгнул, но попал под лопасть несущего винта. Командир, не раскрывая парашюта, оттолкнулся от быстро падающей машины, больно ударился о колесо, сделал затяжной прыжок и раскрыл парашют ближе к земле. Видимо, автоматически сработал опыт, приобретенный во время службы в ВДВ. А внизу уже бежали, стреляя на ходу, душманы. Сумел «дать» парашют по ветру и дотянул до противоположной стороны разделительного канала. Ведомый вертолет Попкова был рядом, все видел и немедленно пошел на помощь. Отсекая душманов ураганым огнем из всех видов оружия, сумел под градом пуль противника приземлиться и подобрать раненого командира. В машине Попкова потом на аэродроме насчитали 21 пробоину.

Ильгиз Шарипов навсегда запомнил этот день 19 января 1989 года и отмечает его, как день памяти о погибших боевых товарищах и второй день своего рождения. Потом были два госпиталя в Душанбе и Москве, где из его головы и тела извлекли около десятка пуль и осколков и долго восстанавливали травмированный позвоночник. В госпитале он узнал об окончании войны и выводе наших войск из Афганистана. После излечения еще три года летал «на гражданке» с ежегодным прохождением медицинской комиссии, а потом был окончательно списан на землю. Ильгиз возвратился в родную Тюмень, построил свой дом, вырастил сына и дочь и уже нянчит внуков. Иногда встречается с однополчанами, много времени отдает военно-патриотической работе с молодыми и всем желает только одного – ни его сын, ни мальчишки-школьники никогда в жизни не должны взять в руки автомат, чтобы с кем-то воевать.

Афганская война оставила глубокий след в жизни всей страны и каждого ее тюменского участника. Если писать подробно о каждом, потребуется целая книга, и не одна. Но и не назвать, хотя бы некоторых, с кем работал, разговаривал или встречаюсь до сих пор, не имею права. Еще один герой афганской войны – друг и соратник Макарова и Шарипова, уроженец Ялуторовского района Нуртдин Ибрагимов, ныне избранный председателем Совета общественного объединения «Пограничники Тюменской области». После успешного окончания школы и Московского высшего пограничного командного училища в 1981 году был назначен заместителем начальника погранзаставы в Средней Азии на границе с Афганистаном, где уже вовсю шла война. За долгое время службы прошел через четыре заставы, и все на афганской границе. Дольше всех, почти пять лет, работал заместителем,

а потом начальником заставы «Вахш» Пянджского погранотряда. Нередко приходилось отражать вооруженные вылазки экстремистов с «противной» стороны, а в 1981–1982 годах Ибрагимов со своим взводом пограничников, в составе сводного боевого погранотряда неоднократно забрасывался во фронтовую зону на территорию Афганистана. Задания военного командования удалось выполнить успешно и практически без потерь.

После демобилизации вернулся в Тюмень, занялся строительством, создал в селе Казарово небольшую строительную организацию ООО «Застава». С помощью Евгения Макарова, с которым вместе учился в погранучилище, вошел в число активистов Совета ветеранов-пограничников, стал одним из авторов идеи создания областного сквера пограничников в Казарово, затем вместе с Макаровым – его главным строителем и руководителем. Таких скверов пограничников в России больше нет. В 2010 году установили первый в сквере памятник тюменцам-пограничникам, погибшим на границах страны в мирное время. Потом узнали, что в бывшем пионерлагере «Спутник», недалеко от Тюмени, пришел в негодность памятник Герою Советского Союза Андрею Кижеватову, начальнику девятой погранзаставы Брестской крепости. Приложили максимум усилий и настойчивости, изыскали необходимые средства, перевезли монумент в Казарово, отреставрировали и 22 августа 2010 года, в день рождения Кижеватова, открыли памятник Герою. А в 2011 году неутомимые Ибрагимов и Макаров установили в сквере пограничников красивый обелиск жителям села Казарово, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Справедливости ради надо отметить, что глава поселения Казарово Александр Паули и глава управы Центрального округа Тюмени Валерий Борисов поддерживали пограничников и оказывали им содействие.

Почти детективная, по словам Ибрагимова, история приключилась с памятником Феликсу Дзержинскому в селе Гольшманово Тюменской области. Памятник давно был изготовлен самодеятельным гольшмановским скульптором Леоновичем и установлен возле здания местного районного отдела милиции. Когда в Москве, в смутные перестроечные годы оппозиционеры сумели убрать памятник Феликсу Дзержинскому, стоявший недалеко от здания КГБ СССР, появились такие же «инициаторы» в селе Гольшманово. Местный ветеран МВД ночью с помощью своих коллег демонтировал памятник и спрятал в своем гараже. И вот, много лет спустя, председатель гольшманов-

ского отделения ветеранов-пограничников Олег Борисович Мугамедзянов узнал об этом, приехал в Тюмень и рассказал членам областного Совета пограничников. Члены облсовета и Нуртдин Ибрагимов, разумеется, первый, немедленно решили «перетащить» памятник в Тюмень, в сквер пограничников. Сказано – сделано! Открывали памятник два Совета ветеранов: пограничников и чекистов, на открытие новенького, отреставрированного «Железного Феликса» пригласили в Казарово взрослых детей скульптора Леоновича, школьников, местных жителей, ветеранов-чекистов и пограничников, представителей прессы. Открытие прошло по-настоящему торжественно и очень интересно.

Благодаря стараниям и заботам ветеранов-пограничников сквер приобрел ухоженный вид, есть сцена для выступлений самодеятельных артистов, скамеечки для посетителей, посажены деревья, на выложенных плиткой дорожках и площадках – чистота и порядок. В 2013 году ветераны разработали программу и организовали на территории сквера первую игру для учащихся «Зарницу», в ней приняли участие 15 школьных команд, а на следующий год их было уже 24. В 2016 году, по случаю 105-летия со дня рождения разведчика Н. И. Кузнецова, ветераны погранвойск провели военно-спортивную игру «Граница-2016», в которой приняли участие рекордное количество школьников. По рекомендации и при содействии Союза ветеранов госбезопасности эта игра была представлена на конкурсе школьных военно-патриотических программ в Уральском федеральном округе. В результате председатель Совета ветеранов-пограничников получил диплом из рук Полномочного представителя президента России в УрФО И. Р. Холманских, а на расчетный счет пограничников перечислен грант размером 70 тысяч рублей. Команда-победительница, по инициативе депутатов Тюменской областной Думы, получила бесплатные путевки на турпоездку в город-герой Севастополь.

В 2016 году ветераны-пограничники изготовили 16 мемориальных мраморных плит, посвященных подвигам тюменских пограничников, погибших при исполнении служебного долга, и установили на школах, где эти герои учились. Заканчивая наш разговор, Нуртдин Ибрагимов сказал, что все это нужно, прежде всего, молодежи. «Если мы не будем ребятам рассказывать о своей истории, победах наших отцов и дедов, то расскажут другие. Этих «других» уже слишком много. И тех, кто специально переиначивает и подтасовывает факты, и тех, кто просто мало что знает». На вопрос, не трудно ли все это ежегодно

и постоянно организовывать, Нуртдин ответил: «Нас, ветеранов, уже не исправить, кто-то в свободное время идет на рыбалку, кто-то на гулянку, а мы – в сквер пограничников!».

Всегда с большим уважением произношу имя этого чекиста – Александр Вениаминович Буруцкий. Статный, подтянутый, неизменно выдержанный и вежливый, с умеренным чувством собственного достоинства, побрит и хорошо одет, приветлив с товарищами и внимателен к особам женского рода. С лету понимает шутки и юмор, может сам вставить к месту острое словечко, для меня – это образец настоящего российского офицера. От рядового до подполковника, прошагал сам, полагаясь на свои силы и способности. Первый боевой и жизненный опыт приобрел на службе в погранвойсках. Потом – заявление на работу в органы госбезопасности, спецшкола в Ленинграде и заочное отделение Высшей школы КГБ СССР в Москве. Сравнительно спокойное течение службы офицера Буруцкого в Тюмени нарушила афганская война. Снова обучение на спецкурсах методам работы во фронтовых условиях, изучение афганских наречий в Ташкенте, после чего на два положенных по приказу года местом постоянной работы для него стал город Баграм в провинции Парван. В качестве советника оказывал помощь местным сотрудникам в создании системы органов госбезопасности Республики Афганистан, регулярно проводил встречи с информаторами из местного населения. С особой тщательностью отбирались и изучались афганцы, способные и готовые оказать содействие. Лично участвовал в 18-ти войсковых операциях совместно с подразделениями 40-й армии. 29 сентября 1985 года произошло счастливое возвращение домой, где с большим нетерпением его ждали жена и два сына.

А теперь приведу слова Александра Вениаминовича: «Как бы ни называли войну в Афганистане, и «спрятанная», и непонятная, но она оставила глубокий след в жизни моего поколения. Нет ничего, крепче боевого братства! Нам, как оперативным работникам, пришлось вести работу в боевых условиях. Афганскими тропами войны прошли многие юноши и девушки нашей огромной страны. Незабываемые годы, забываемые люди, забываемые впечатления. В день памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества, хочу пожелать здоровья и благополучия живым и вечная память отдавшим жизнь за народ Афганистана!».

Подполковник Иванов Александр Николаевич родился и вырос в семье пограничника у самой западной границы. После планово-

го сокращения Вооруженных сил СССР Иванов-старший переехал с семьей в Тюмень. Политехнический институт Александр окончил в Омске и получил приглашение на работу в Тюменское управление госбезопасности. Затем последовало престижное назначение начальником вновь создаваемого Новоуренгойского отделения КГБ. И почти одновременно – обучение по линии разведки. Поэтому приказ прибыть в Ташкент, в центр подготовки специалистов-десантников, не стал для него неожиданностью. Дальше был Афганистан, назначение в спецотряд «Тибет» и место постоянной работы 30-летнего капитана Иванова – город Джелалабад. Первые впечатления: феодальная страна, вставшая на путь демократии, роскошь одних и нищета других, воинствующая религиозность, высокая преступность, опасность на каждом шагу. Вопросов больше, чем ответов. Кроме выполнения боевых задач требовалось постоянно помогать местным органам госбезопасности ХАД и органам внутренних дел Церандой в разработке, организации и проведении совместных мероприятий по борьбе с бандитизмом.

Старший офицер разведки Иванов принимал также личное участие в обнаружении и захвате моджахедов, выявлении и уничтожении их центров подготовки, создании, вместе с местными контрразведчиками, негласной информационной сети. Работа весьма кропотливая и неблагодарная, из сотни отобранных будущих информаторов полного доверия заслуживали один-два. Но однажды крупно повезло, два источника капитана Иванова сумели проникнуть в ближайшее окружение президента соседнего Пакистана Зия Ульхака, где укрывались недобитые моджахеды и дезертировавшие из армии афганцы, из которых готовились, вооружались новые банды для вторжения в Афганистан. И так изо дня в день, работа на грани риска, с постоянным нервным напряжением. Но закончился благополучно положенный срок, приехал сменщик, и Александр Николаевич возвратился в тюменские края. Сейчас он на заслуженном отдыхе, возглавляет музей истории органов госбезопасности Тюменской области, является одним из активных участников ветеранской чекистской организации.

Прекрасный человек, смелый офицер Стрекалев Александр Михайлович, 1949 года рождения, афганскую войну встретил в расцвете сил, молодым тридцатилетним чекистом Тюменского управления КГБ, где трудился оперуполномоченным с 1974 года. Он позднее других наших сотрудников безопасности, только в 1984 году, появился в Афганистане, но служить довелось дольше других, целых четыре

с половиной года. Работал, в основном, в зоне столицы страны Кабула, где были сосредоточены наиболее важные политические, военные и другие проблемы. Его отличали вдумчивое отношение к порученному делу, инициатива и настойчивость в достижении поставленной цели, самообладание в любой сложной ситуации. Начинать боевую службу с должности руководителя оперативной группы. И только благодаря активной жизненной позиции и своим отменным личным качествам он преодолел все ступени трудной службы в Афганистане и поднялся до высокой должности заместителя руководителя афганской группы «Центр» по борьбе с бандитизмом представительства КГБ СССР в Кабуле. Стрекалев планировал и разрабатывал сложные операции по борьбе с афганскими бандитами, сам участвовал в их реализации. За проявленные мужество и героизм награжден орденом Красной Звезды и афганским орденом Дружбы. По возвращении из Афганистана в 1989 году продолжил оперативную деятельность в чекистских рядах, 1993 году ушел на заслуженный отдых. Проживает в Москве.

В почетном списке фронтовиков, участников Великой Отечественной войны, работавших в Тюменском управлении КГБ, достойное место занимает подполковник Костюков Михаил Михайлович. Горжусь, что был лично знаком с этим замечательным чекистом и слушал его рассказы о войне. В органы госбезопасности его призвали в тревожном 1938 году, все военные 1941–1945 годы добросовестно и отважно сражался в рядах военной контрразведки «СМЕРШ». Сразу по окончании войны был направлен в Главное управление правительственной охраны НКВД и назначен начальником отделения по оперативному обеспечению охраны Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Жили с супругой Ниной в служебной, а вернее конспиративной, квартире в дачном поселке Кунцево Одинцовского района Московской области, рядом со знаменитой «кунцевской дачей» вождя.

В этой квартире родился и рос герой моего рассказа Игорь Костюков. Мальчик запомнил, что в дом постоянно приходили какие-то люди в военной и гражданской форме, иногда устраивали небольшие застолья. Много говорили о войне. Отец рассказывал, как храбро сражались контрразведчики «СМЕРШа», как по лесам и болотам прорывались из фашистского окружения. Еще о том, как ему удалось разоблачить нескольких немецких агентов, скрывавшихся под видом

военнопленных в одном из польских концлагерей. Эти военные повествования родителя были фантастически интересны, а профессия чекиста казалась Игорю настолько привлекательной и героической, что он иногда откровенно завидовал своему отцу. Но чекистом он станет позднее. А в 1952 году охранный Главк Москвой был расформирован, Костюковы переехали в Тюмень, и Михаил Михайлович в июне 1952 года стал заместителем начальника 3-го отделения 5-го отдела Управления МГБ по Тюменской области.

В 1964 году Игорь Костюков поступил на электротехнический факультет Тюменского индустриального института. Преддипломную практику Игорь проходил в конструкторском бюро Туполева, а одну из систем военного ТУ-160 изготавливали тогда на Тюменском электромеханическом заводе. Эта тема стала основой его дипломной работы и прочным мостиком для поступления и последующей успешной работы на заводе. В короткое время Костюков уверенно прошагал путь от рядового инженера до заместителя главного конструктора завода.

То ли славные оперативные дела Костюкова-старшего, уже ушедшего на заслуженный отдых, то ли желание занять его опустевшее место в слаженном чекистском строю сыграли свою роль, теперь никто не скажет. Но Игорь неожиданно для всех меняет свое удобное конструкторское кресло и хороший оклад на должность рядового оперуполномоченного Тюменского управления КГБ. Работать в полсилы он не умел и не хотел и вскоре уже числился в списке передовых. Способного оперативника заметили, направили по линии разведки на годичные курсы языковой подготовки в Москву. В Афганистане практически уже шла война, программа курсантов по изучению персидского языка была уплотнена до предела. И свой новый, 1980 год, майор Костюков встретил очень далеко от морозной, заснеженной, но родной Тюмени, в чужом, сражающемся Афганистане, среди джалалабадских роз.

Для начала надо было разобраться в оперативной и боевой обстановке, но он больше двух месяцев был единственным сотрудником Советского представительства в провинции Лагман, олицетворяя все направления нашей деятельности сразу – военное, партийное и чекистское – и имея в своем распоряжении лишь переводчика и водителя автомобиля «Нива». Подготовленных кадров катастрофически не хватало. Не то что советовать, самому поговорить не с кем было, а ведь он по должности был советником в создающейся системе органов государственной безопасности республики ХАД. Ко-

стюков пошел по пути налаживания и закрепления доверительных отношений с местными сотрудниками и населением Джелалабада, используя иногда знание языка. Постепенно это стало приносить свои плоды. Однажды во время беседы с местным главарем банды он неожиданно заговорил на фарси, чем очень удивил и переводчика, и бандита. Моджахед после этого проникся таким уважением к Игорю Михайловичу, что согласился сотрудничать с ХАДом и неоднократно предоставлял довольно ценные сведения.

Но полного доверия ни к официальным сотрудникам, ни к населению все-таки не получалось. Костюков готовил очень серьезную боевую операцию и по ходу работы посоветовался с членом ЦК народной партии Афганистана, говоря по-русски, выше некуда. Но операция провалилась. Стал разбираться и выяснил, что в результате подготовленных им мероприятий частично могли пострадать интересы дальнего родственника этого члена ЦК. И так ежедневно, почти в каждом деле. Как по лезвию бритвы. Напряжение колоссальное, нередко одолевали сомнения, приходила бессонница, появилась ранняя седина.

Примечательно, что начало оперативной деятельности майора Костюкова в Афганистане совпало с началом активных военных событий. На первых порах наше командование использовало для ввода значительные силы Туркестанского военного округа, и, в первую очередь, воинские части, укомплектованные местным населением. Хотели как лучше, не будет большого языкового барьера с афганским населением, лучше станет взаимопонимание и наше положительное влияние. А получилось, как всегда. Не учли, что в конце гражданской войны в Средней Азии злейшие враги советской власти басмачи под напором Красной Армии бежали в Афганистан и осели, в основном, в приграничных провинциях. Именно там и появились первые части нашего «ограниченного воинского контингента». Вышло так, что басмачи быстро оценили ситуацию, стали активно общаться с нашими военными, нашлось немало земляков и даже родственников. Басмачи взялись энергично обрабатывать наших военнослужащих в антисоветском духе, разлагать и даже склонять к дезертирству и другим преступлениям. Противостоять им советские политруки не сумели, и командованию 40-й армии пришлось спешно выводить туркестанских солдат обратно и заменять их другими.

Со временем Представительство в Джелалабаде было укомплектовано, у Игоря Михайловича появились надежные друзья и помощники, он смог лично больше участвовать в организации и проведе-

нии боевых операций, их оперативном обеспечении. В одной из них ему удалось задержать французского военного специалиста, которого пришлось сопроводить в Кабул и передать центральным властям.

В конце разговора попросил Игоря Михайловича подвести итоги. Он считает, что многое мы не учли и много потеряли. До сих пор не понимает, за что мы там воевали. Афганцы вели против нас не только наземную, но и подземную войну, активно используя многочисленные колодцы и подземные ходы и тоннели. Если уж более организованный и неплохо оснащенный английский экспедиционный корпус афганцы ранее победили, то нашему «ограниченному контингенту» там вовсе ничего не светило. Напрасно страну, имевшую родоплеменные отношения на большей части территории, мы пытались «тащить в партию». В результате получили самую продолжительную интернациональную войну, понесли большие материальные и людские потери, в тысячи советских семей пришло неожиданное горе. После войны в нашу страну хлынул неконтролируемый поток наркотиков. На южной границе с распадом СССР мы потеряли все среднеазиатские республики. Надо было не воевать с афганским народом, а помочь им построить фабрики и заводы, научить на них работать, а труженики они хорошие, и за добро, которое им делали советские люди, они относились к нам с благодарностью.

Сам Игорь Михайлович тяжело переживал афганские события и позднее, уже по возвращении домой, написал об этой войне песню, которую не раз с успехом исполняли местные барды и воины-интернационалисты. Он подарил ее мне.

*Я раз в году, налив вина стакан,
Сажу и вспоминаю ту войну и тот Афганистан.
Я помню всех погибших, пью за всех живых,
Далеких, близких и неблизких, с той поры родных.
Я пью за всех военных россиян,
Кто Родине служил за честь, не за карман,
Имеющих в награду только седину...
Я пью и проклинаю ту войну.
Я пью за сероглазую девчонку,
За верность парню получившей похоронку.
Ведь до сих пор она живет одна...
Да будь ты проклята, афганская война.
Я пью за женщину, которая, ребенка уложив,
Сквозь слезы шепчет: «Милый мой, ты жив?»*

*Я жизни тяжкий воз тяну совсем одна,
Да будь ты проклята, афганская война!».
Я пью за мать, чей сын 15 лет в плену...
Я пью и проклинаю ту войну.*

Командировка в Чечню

Вернемся, уважаемый читатель, ненадолго в дорогие мне семидесятые годы, где и начиналась эта история, когда в 1972 году Тюменское управление КГБ возглавил генерал-майор Третьяков Михаил Иванович. С ним мне довелось познакомиться еще в 1964 году в городе Кургане, где он трудился в той же должности. Прежний наш руководитель И. П. Лобанов приучил всех к строгому порядку. Утром при входе в здание Управления он, молча, едва заметным кивком головы, отвечал на приветствие вытянувшегося по стойке «смирно» и приложившего руку к козырьку фуражки вахтера и быстро поднимался на второй этаж. В приемной дежурный офицер кратко докладывал ему о происшествиях за смену, если таковые имелись, или рапортовал, что дежурство прошло без происшествий. Иван Петрович выслушивал, проходил в свой «высокий» кабинет, усаживался в руководящее кресло и только после этого начинал отдавать указания. В течение дня он практически кабинет не покидал.

Михаил Иванович заходил в Управление, не спеша, молодым вахтерам говорил «здравствуйте», пожилым, а у нас было двое участников Великой Отечественной, обязательно подавал руку, иногда спрашивал: «Как здоровье, как подежурилось?». В приемной, стоящему по стойке «смирно» дежурному говорил с улыбкой «вольно», здоровался за руку, обязательно называя офицера по имени-отчеству, и только потом выслушивал рапорт по дежурству. Что-то уточнял, тут же говорил, кого пригласить к нему немедленно, а кого и с какими документами позднее. Иногда давал задание на день: когда и с кем его соединить по телефону, каких сотрудников и на какое время пригласить к нему на совещание. Не любил экспромтов и неожиданных вызовов, все старался делать по плану. Начальникам отделов и отделений это нравилось. Таким же образом строил свои взаимоотношения с партийными и советскими органами, с руководителями крупных предприятий. Они со временем усвоили такую манеру работы Михаила Ивановича и отвечали ему взаимностью. Но ЧП, разумеется,

как неотъемлемый атрибут чекистской практики, шли «вне очереди», о наиболее серьезных происшествиях он просил докладывать ему в любое время суток.

Я в то время работал в новом, иногда его называли «андроповским», отделе по защите конституционного строя начальником отделения и потом заместителем начальника отдела, а по общественной линии возглавлял Совет физкультуры Управления. Отдел наш был на виду, и мне довольно часто приходилось по службе бывать у начальника Управления. А еще, Михаил Иванович был большим поклонником спорта, поддерживал все спортивные начинания в Управлении и старался посещать наиболее интересные соревнования. Причем требовал, чтобы все свободные от игр и службы оперработники и, по возможности, все жены оперсостава вместе с детьми приходили поболеть за свои команды. Здесь мы тоже часто пересекались с ним, и в разговорах с глазу на глаз он называл меня просто Николаем. И это было еще одним признаком его благосклонного отношения ко мне.

Моя теща, в одиночестве проживавшая в Омской области, после ухода на пенсию стала часто болеть, и встал вопрос о ее переезде к нам в Тюмень. Но мы вчетвером жили в двухкомнатной квартире и не знали, куда ее поселить. Об этом я как-то обмолвился в разговоре с Михаилом Ивановичем, но квартиру не просил и заявление не писал. Однажды, недели за три до Нового года, меня пригласил кадровик Пульников Владимир Демьянович, с которым у нас были очень хорошие отношения. Он сообщил, что нашей семье выделили трехкомнатную квартиру, а свою «двушку» я должен передать молодому оперработнику. Документы по выписке и прописке надо оформить быстро, чтобы обе семьи до Нового года въехали в свои квартиры. Такую команду дважды повторять не надо, но пришлось приложить максимум усилий, чтобы преодолеть все формальные, а где-то и бюрократические, ступени и уложиться в срок.

Накануне Нового года моя жена Вера Матвеевна и две довольно взрослые дочери с большим удовольствием взялись упаковывать вещи. А помочь перетащить все это с четвертого этажа на другой четвертый (такая уж традиция тогда была – молодым военным город, ниже четвертого, квартиры не давал) согласились крепкие спортивные ребята Виктор Иваненко и Вадим Пантелеев. Оба не очень давно пришли в Управление прямо из промышленного института при моем серьезном участии и потому были готовы оказать любое содействие. С Верой Матвеевной они тоже были знакомы, поскольку в то вре-

мя жены оперсостава часто бывали на общественных мероприятиях Управления, а Виктор и Вадим постоянно выступали за наши сборные по волейболу и легкой атлетике.

Когда все перевезли и расставили, жена пригласила изрядно вспотевших работников «умыться и расслабиться» за товарищеским столом. Сидели недолго, поскольку любителей хорошо выпить в этой компании не нашлось, и на завтра предстоял рабочий день. Прощаясь, уже в прихожей, Вера Матвеевна встала между молодыми офицерами, обняла их за плечи и с обворожительной улыбкой, а она умела это делать, все-таки актриса народного театра, сказала: «Мальчики, еще раз спасибо, новоселье у нас 31-го, на Новый год, приглашаю вместе с женами, отказы не принимаются, Николай Васильевич может подтвердить!». И они, конечно, согласились.

В те времена и вне работы мы жили довольно дружно, и в Управлении было принято собираться компаниями, иногда и с детьми. Поэтому новогоднее новоселье прошло замечательно. Виктор, Вадим и я сочинили стихотворные поздравления, Вера Матвеевна неплохо пела и плясала, жен наших гостей она тоже привлекла к этой новогодней самодеятельности, все умело срежиссировала и провела. Вадим принес свою гитару, и мы дружно подпевали ему, когда он исполнял студенческие и другие популярные песни. Здесь же он рассказал, как участвовал в КВН и студенческом эстрадном ансамбле, вспомнил, как мы с ним познакомились на творческом вечере студентов промышленного с поэтическим названием «На клавишах весны». Неожиданно Вадим спросил: «Николай Васильевич, дело прошлое, признайся, как ты сумел в большой толпе студентов промышленного вычислить Иваненко и меня и определить, что мы годимся для работы в контрразведке?». «Очень просто, я зашел к вашему ректору Анатолию Николаевичу Косухину, и попросил «пожертвовать» двоих-троих хороших выпускников для работы в Управлении КГБ. Ректор-фронтвик точно оценил важность вопроса и назвал вас. Можете гордиться. А потом я собрал кое-какую информацию в парткоме, комитете комсомола, у Саши Козлова в студенческом профкоме, ну и через другие источники!». Жены наши слушали этот разговор, по-моему, с большим вниманием, чем Вадим и Виктор.

По крайней мере, где-то через год-полтора Вера Матвеевна неожиданно спросила, нужны ли нам еще работники в Управление. На мой утвердительный ответ рассказала, что к ним в СибНИИ НП приехал по распределению выпускник геологического факультета

МГУ имени Ломоносова Василий Горетый. Грамотный, хорошо подготовленный специалист. Женат, имеет двоих детей. Физически отлично развит, кандидат в мастера спорта по борьбе. Очень активный общественник, за короткое время сумел вникнуть во все проблемы комсомольской и партийной жизни института. Смелый и независимый в суждениях человек. Не стесняется никаких авторитетов и, говорят, готовит какие-то предложения, чтобы напрямую обратиться к самому директору института. «Думаю, что такой кадр пригодился бы в вашей работе!», – подвела итог Вера Матвеевна.

Для начала договорились, что она познакомит меня с Горетым. Я к концу рабочего дня заеду за ней на работу, Василий Павлович «случайно» окажется в ее в кабинете. Так все и произошло. Беседа была не длинной, но содержательной. Горетый легко пошел на контакт, свободно поддерживал разговор. Мы с ним с первого раза нашли взаимопонимание, пообещал передать ему с Верой Матвеевной почитать книжку о разведчиках. На следующий день подробно обо всем доложил кадровику В. Д. Пульникову. Потребность в кандидатах на работу у него была всегда. Поэтому, не откладывая дело в долгий ящик, вместе с ним оперативно заполучили копии необходимых характеристик, провели с нужными людьми беседы, и Горетый был приглашен на встречу с «кадрами» в Управление КГБ. Разговор, как и полагается в таких случаях, был долгим и обстоятельным. Василий Павлович и слушал внимательно, и сам задавал много вопросов. В конце концов, он наше предложение достаточно уверенно принял. После необходимого оформления документов и прочих процедур в Управлении КГБ по Тюменской области появился оперуполномоченный Горетый Василий Павлович. Покидая свой институт, он сердечно поблагодарил Веру Матвеевну и меня, назвал нас вторыми родителями, благодаря которым на свет появился чекист Горетый. С тех пор и до сегодняшнего дня он поддерживает очень близкие связи с нашей семьей. Я заметил, что это у него в крови – отвечать на добро добром, помогать другим людям.

В самом Управлении КГБ Василий Павлович прошел небольшую первичную подготовку, после чего был направлен в алма-атинскую школу КГБ СССР. Вернулся в Тюмень, приступил к работе и продолжил образование в Высшей школе КГБ СССР имени Дзержинского в Москве. Потом, уже майор, Горетый служил в Ямало-Ненецком окружном отделе. В середине 90-х годов он перевелся в Тюмень, на очень острый и ответственный участок по борьбе с коррупцией и

организованной преступностью. Его сослуживцы мне рассказывали, что он настолько глубоко изучил преступные группировки и их лидеров, что безбоязненно появлялся в местах их конспиративных встреч и проводил нужную органам безопасности профилактическую работу.

Для этого, конечно же, требовались личное мужество, знание психологии преступников, умение быстро оценивать обстановку и самостоятельно принимать нужное решение. Именно эти качества были нужны и чекистам, которых в последнее время стали направлять в служебные командировки в Чеченскую Республику. Один из них, майор Колясников Андрей Михайлович, уже находился в Чечне, Горетого Василия кадровики «держали» на очереди. И вот тут у автора возникает неожиданное и отнюдь не лирическое отступление.

Сегодня утром, 13 марта 2017 года, когда я сидел и дописывал эту книгу, мне позвонил Василий Павлович и сообщил, что накануне ночью от сердечного приступа скончался подполковник Колясников Андрей Михайлович. Было ему всего 59 лет. В непростой чекистской деятельности, во всей своей бурной и стремительной жизни он очень многое принимал близко к сердцу, вот, наверное, и перегрузил его. Для меня это – двойной удар, он мне нравился, как знающий, очень порядочный оперативный работник, к тому же был одноклассником моей старшей дочери Ольги. Они учились в средней школе № 7, когда были в старших классах, я избирался членом родительского комитета школы и являлся куратором их класса. Андрюша был физически хорошо развит, очень подвижен и иногда его «заносило» не в ту сторону, классная руководительница пару раз просила меня, как члена родительского комитета и офицера КГБ, поговорить с этим неугомонным хулиганистым мальчиком.

После школы у Андрея был строительный институт, потом пара лет в тюменской компании «Стройиндустрия» и приглашение возглавить отдел в Ленинском райкоме комсомола города Тюмени. Эта работа вполне соответствовала его бурному беспокойному характеру, захватила его полностью, и довольно скоро он стал одним из сильных комсомольских вожаков. Здесь, как водится, весьма общительный, эрудированный, энергичный молодой руководитель попал в поле зрения тюменских чекистов. Вскоре мы, как старые знакомые, встретились с ним в коридорах Тюменского управления КГБ. Назначение он получил в отдел защиты конституционного строя по молодежной линии, где я прошагал много лет, от оперуполномоченного до заместителя начальника отдела. Поэтому на первых порах

Андрей много раз заходил «посоветоваться» в мой просторный кабинет.

В 1989 году Колясникова назначают начальником Ханты-Мансийского окружного отдела, а затем начальник Управления Антипин в 1992 году предложил ему возглавить вновь созданную в Тюменском управлении КГБ службу собственной безопасности.

На дворе лихие 90-е, в городе и области криминал набирает силу, «разборки» идут одна за другой, и уже не один на один, а создаются целые преступные группировки. Бандиты внедряются в кредитно-финансовую систему, следы махинаций ведут в Москву и на Кавказ, в Чечню. Друзья в отделе борьбы с контрабандой и коррупцией «пашут» день и ночь, не разгибаясь. Андрей откровенно завидует им и просит генерала Антипина направить его на этот опасный и очень важный участок. В это же время КГБ СССР в связи с резко осложнившейся оперативной обстановкой в Чеченской Республике начинает активнее направлять туда опытных чекистов из российских регионов в длительные, до полугода, командировки.

Колясников Андрей добровольно поехал в числе первых. В марте 1995-го – он уже в отделе республиканского управления ФСБ в Грозном. Через месяц на загородной трассе чеченские боевики атаковали машину их отдела, его друг майор Чернов из Хабаровска погиб. Руководители Управления ФСБ поручают Колясникову доставить тело погибшего на его родину в Хабаровск. Длинная дорога через всю страну с гробом своего боевого товарища, трудные встречи с родителями и семьей майора, а потом его похороны сильно подействовали на впечатлительного Андрея, и ничем нельзя было унять эту боль.

По возвращении в Грозный Андрея Михайловича ждало новое поручение, на оперативное обеспечение основного городского аэропорта «Северный» требовался опытный, сильный и ответственный офицер. Аэропорт в то время был единственным надежным коридором для связи с «большой землей», работал круглосуточно и до предела был загружен гражданскими и военными самолетами и вертолетами. Боевики ни на один день не прекращали свою враждебную деятельность. Чекисту Колясникову потребовались оперативное мастерство, выдержка и самообладание, чтобы днем и ночью противостоять со своей небольшой командой бандитам, своевременно отражать все их вылазки. Бывали трудные дни и недели, когда он круглосуточно работал, точнее, сражался в аэропорту. А потом военные медики в Грозном удивлялись, откуда взялись у молодого энергичного офицера перебои в работе сердца.

После Колясникова в Чечню отправился Владимир Минеев. Он по окончании Новосибирского электротехнического института связи по распределению прибыл в Тюмень и работал на городском телеграфе. В 1979 году в нашем Управлении был создан новый отдел, который курировал все объекты транспорта и связи. На авиацию и железную дорогу оперработники нашлись, а вот объекты связи оставались без присмотра. Как начальник отдела я пошел в городское управление связи, и мне предложили кандидатуру Минеева. Вот так он стал чекистом. Сначала работал в нашем транспортном отделе, потом в Новоуренгойском горотделении. А когда набрался оперативного опыта, его перевели в группу кадров. В Чечню не все ехали с большим желанием. Володя заявил: «Чтобы иметь право направлять в Чечню других, я сам должен там побывать, лично все узнать и увидеть!». Вскоре он уже работал в Грозном, в чеченском республиканском управлении ФСБ, помогал местным чекистам-кадровикам. Проживал в общежитии для сотрудников ФСБ, расположенном в 800-900 метрах от Управления. На работу в Управление они ежедневно ходили небольшими группами пешком.

Месяца через три в Грозном, в том же Управлении ФСБ, но в оперативном отделе «БТ» – борьба с террором, появился Василий Горетый. Его поселили в квартире на третьем этаже административного здания Управления ФСБ вместе другими прибывшими в командировку офицерами. Это было достаточно удобно в плане оперативности, личной безопасности и постоянной боевой готовности. Руководство отдела «БТ» предложило ему вначале довольно рискованный в той ситуации вариант «оседания» в городе и создания там собственной базы информаторов из местного населения. Встретились с Минеевым, который уже неплохо владел здешней оперативной обстановкой. Владимир Борисович отрицательно отнесся к этой идее, как в плане личной безопасности оперработника при постоянном нахождении в городе, так и большой вероятности попасть на информатора, который связан с боевиками или по собственной инициативе может предать чекиста. Тем более, как отметил Минеев, – что чекисты уже получили первую информацию о накоплении боевиков в Грозном и его пригородах и возможных в ближайшее время боевых действиях в столице республики. Но приказ есть приказ, и Василий Павлович еще какое-то время регулярно появлялся и работал в городе. Ему удалось установить оперативные контакты с чеченцами, работавшими в коммерческих структурах, в судах, арбитраже и патрульно-постовой службе города. Некоторые из них с опаской, как бы между про-

чим, рассказывали о предстоящей активизации боевиков к 5-6 августа этого года.

Анализ оперативной и официальной информации, поступавшей в отдел «БТ», однозначно свидетельствовал о подготовке сепаратистами боевых действий в ближайшее время. В Грозный из районов прибыли несколько бандитских группировок и известных чеченских авторитетов. Имелись и косвенные данные: на центральном рынке города резко сократилось число торгующих, часть жителей оставили жилища и покинули город, 4-5 августа большинство сотрудников МВД республики внезапно выехали на полевые учения. По странному стечению обстоятельств, начальник Управления ФСБ генерал Хрипков и его заместитель Пешхоев находились в отпуске за пределами Чечни. О том, что бандиты могут напасть на Грозный в ближайшие дни и о необходимости оказания городу военной помощи другой заместитель начальника Управления ФСБ Кардонов незамедлительно проинформировал Москву, но ответной реакции не последовало.

Не встретив никакого сопротивления, боевики вошли в город, объединились с теми, кто прибыл туда раньше, и утром 6 августа 1996 года атаковали Дом Правительства и Управление ФСБ. Управление располагалось в крепком кирпичном здании, обнесенном с лицевой стороны бетонными блоками. На пяти этажах жили и работали до 300 человек оперативного состава, имевших на вооружении автоматы и пулеметы. У центрального входа стоял готовый к бою бронетранспортер. Позднее и сотрудники ФСБ, и боевики назовут этот дом одинаково – «чекистская крепость». Все сотрудники были подняты по тревоге и приведены в состояние боевой готовности. Хуже обстояло дело с располагавшимся неподалеку общежитием ФСБ, это была старая панельная пятиэтажка с тонкими внутренними перегородками, в которой проживало около 90 сотрудников управления. Команды поднять по тревоге и этих офицеров и переместить их в более укрепленное здание Управления не было. Хотя утром 6 августа и в первой половине этого дня огневая ситуация была не столь интенсивной, и сотрудники из общежития могли почти безопасно перебраться в здание УФСБ. Однако руководством Управления ФСБ по непонятным мотивам сотрудникам, проживавшим в общежитии, была дана другая команда – свое здание не покидать. Впоследствии это привело к неоправданным потерям личного состава.

Сотрудники Управления ФСБ в окнах, выходящих на центральную площадь, соорудили бойницы и приготвились к обороне. Обзор

был достаточно широким. Справа была видна линия обороны управления милиции, слева – оборона Дома Правительства. Раций для переговоров и согласования своих действий ни те, ни другие, ни третьи не имели. Поэтому, когда днем 6 августа в перестрелке наступило затишье, обороняющиеся высовывались из окон и кричали друг другу, обмениваясь информацией. К вечеру ситуация резко изменилась, с наступлением темноты боевики открыли огонь из всех видов оружия, обороняющиеся ответили тем же. Особенно жарко было на посту № 1 у главного входа, где чекисты из бронетранспортера вели почти непрерывный огонь.

Ночь с 6 на 7 августа была самой тревожной. Ни в Управлении, ни в общежитии никто не ложился спать. Ждали штурма. Но он начался только вечером 7-го. Около 19-ти часов в сопровождении небольшой группы к общежитию подошел полевой командир боевиков Гелаев и прокричал:

– Сдавайтесь! Если сдадите оружие, я гарантирую вам жизнь! У вас безвыходное положение!

– Безвыходных положений не бывает, – ответил подполковник Алексеев.

– Милиция уже сдалась.

– Мы – не милиция.

– Даю вам 20 минут.

Пока длились эти 20 минут, в общежитии царил напряженное молчание. Вдруг кто-то вопросительно произнес: «А может...», но тут же боец «Вымпела» встал у двери и твердо сказал: «Каждый, кто попытается выйти, получит пулю!». Подошедший к окну Гелаев услышал ответ: «Русские не сдаются!».

Ожесточенная стрельба началась сразу. Бандиты били по общежитию из всех стволов весь вечер и всю ночь. Первым от чеченской пули погиб подполковник Кокорин. Четверо получили ранения, в том числе, командир группы «Вымпел» майор Ромашин. Появились потери и у защитников Управления, а руководитель обороны полковник Кардонов, стараясь перекричать грохот стрельбы, кого-то по телефону умолял о помощи и в который уже раз слышал раздраженное: «Ждите».

8 августа связь между общежитием и Управлением пропала. Оказалось, что антенну сбilo снарядом. 90 сотрудников ФСБ, окруженных боевиками, оказались отрезанными от внешнего мира. Боеприпасы заканчивались. Сражаться в неведении с превосходящими силами

бандитов было бесперспективно и невыносимо трудно. Сдаваться никто не хотел. Вечером было принято решение пробиваться к своим. Разбились на три группы. Крепко обнялись... Первая группа пошла в прорыв после полуночи, чеченцы не ожидали, оперативники почти все добрались до Управления. Вторую группу встретил плотный пулеметный огонь, большинство погибли. Раненый командир «вымпеловцев» майор Ромашин и шедший рядом старший лейтенант Багдашов отстреливались до конца. Последнюю пулю Ромашин пустил себе в голову, а Багдашов взорвал себя вместе с бандитами гранатой.

Майор Владимир Минеев уходил из общежития позднее и в последней группе. Спасаясь от шквального огня, он с несколькими сотрудниками спрятался в подвале соседнего дома, как оказалось, уже занятого боевиками. Больше трех суток без света, еды и воды они просидели в подвале. Случайно их обнаружили боевики и предложили сдать. У Минеева был с собой табельный пистолет, и он предпочел позорному плену достойную смерть.

8 августа к осажденному Управлению ФСБ прорвалась первая подмога федеральных войск: два танка, несколько боевых машин пехоты и бронетранспортеров, всего 8 единиц. Не так много, но уже хоть какая-то техника. Руководил ими начальник штаба 205-й бригады подполковник Виктор Будко. Профессиональный военный сразу правильно оценил обстановку, взял инициативу в свои руки и фактически возглавил операцию по обороне зданий ФСБ. В ночь на 9 августа бандиты расстреляли и подожгли Дом Правительства, уничтожили рядом еще несколько домов, но здание Управления ФСБ продолжало сражаться. Будко предложил перехватить инициативу у боевиков. Из бронетехники были нанесены массированные упреждающие удары по позициям боевиков, что позволило сорвать готовившийся ими штурм здания УФСБ. Танки выдвигались вперед и прямой наводкой били по бандитам. Не сумели сепаратисты организовать штурм и захватить «чекистскую крепость» и в последующие четыре дня, хотя обстрелы с их стороны, иногда довольно интенсивные, продолжались. Вскоре в Грозный вошли регулярные части федеральных войск, чеченские подразделения, не приняв бой, спешно покинули город. Для передышки Россия вынужденно подписала с Чечней Хасавюртовский мирный договор.

Выжившие и раненые сотрудники ФСБ, выдержавшие штурм и устоявшие в жестокой схватке с боевиками, начали небольшими группами уезжать домой, на реабилитацию. Возвратился в Тюмень и Василий Горетый.

На третьем этаже Тюменского регионального управления ФСБ есть мемориальная доска, на которой золотыми буквами написано:

«12 августа 1996 года в г. Грозном во время боевых действий, при исполнении обязанностей военной службы, проявив мужество, отвагу и самоотверженность, погиб офицер отдела кадров Управления майор Минеев Владимир Борисович.

Указом Президента Российской Федерации от 19.12.1996 г. № 1711 он награжден орденом Мужества (посмертно).

Приказом ФСБ России от 2.10.2006 г. № 462 зачислен навечно в списки Регионального управления ФСБ России по Тюменской области».

В память о Владимире Минееве в Тюмени ежегодно, накануне дня его рождения, 10 января, проводится традиционный турнир по мини-футболу, который он так любил и в который здорово играл.

Неожиданную, удивительную историю о мудрости и благородстве защитников «чекистской крепости», о мужестве и терпении чеченских женщин рассказали мне в ходе беседы о событиях первых дней августа 1996 года в Грозном. Город был сильно разрушен, многие мирные жители покинули его, административные и социальные объекты не работали. Боевики, оккупировавшие большую часть города, на 5-6 августа планировали штурм и захват Дома Правительства, служебного здания и общежития Управления ФСБ, расположенных в центре. Чекисты знали об этом и готовились к отражению нападения. Дня за три-четыре до штурма у главного входа в Управление ФСБ появилась по местному одетая, полная, смуглолицая женщина лет сорока пяти и с ней несколько беременных чеченок. По их внешнему виду можно было уверенно сказать, что в самое ближайшее время они могут стать мамами. Женщина представилась дежурному офицеру как главный акушер-гинеколог города, сказала, что с ней пришли местные беременные женщины. С волнением рассказала, что она обошла многие лечебные учреждения и побывала в роддомах, но все они разрушены и не пригодны для приема рожениц. По всему городу снуют боевики, и она не смогла найти хоть какое-то безопасное место для своих пациенток, которым в ближайшие дни предстоит рожать. Городские власти не функционируют и обращаться ей некуда. Как врач, она не может оставить этих женщин на произвол судьбы. «Вы – последняя инстанция и последняя надежда, только за вашими крепкими стенами и под вашей надежной защитой можно на время укрыть этих несчастных женщин и позволить им выполнить их главное предназначение на Земле!», – сказала она. После такого эмоционального монолога де-

журный офицер пропустил всех в приемное помещение, а затем вдвоем с женщиной прошел к руководству Управления. Предположительно их принимал заместитель начальника Управления ФСБ полковник Кардонов. Он внимательно все выслушал и тут же дал распоряжение, чтобы будущим мамам оказали содействие и по имеющимся в Управлении в боевой обстановке возможностям создали необходимые минимальные условия.

Офицеры-исполнители с большим энтузиазмом отнеслись к этому необычному поручению руководства, наверняка вспомнив свои приятные хлопоты, связанные с рождением детей. Вместе с врачом они определили, что самым безопасным местом во время обстрела боевиками будет столовая, расположенная в подвале здания, она же является одним из наиболее тихих и чистых из всех имеющихся помещений. К тому же там постоянно имеется холодная и горячая вода. По военному быстро вынесли все лишнее, расставили койки, принесли постельные принадлежности и пригласили неожиданных гостей. Врачу выдали необходимое количество консервов, крупы и макарон.

В первый же день она сходила в город и принесла нужные ей медицинские инструменты, перевязочный материал и минимум препаратов для первой помощи. Видимо сработало «сарафанное радио» или людям просто некуда было больше обращаться, но вслед за этим еще несколько беременных женщин в одиночном порядке пришли на первый пост Управления ФСБ и были приняты в импровизированный чекистский роддом. Пищу врач готовила сама, здесь же на кухне, иногда варила в большом ведре на костре прямо во дворе Управления. Обязательно угощала любого военнослужащего, подходившего к ней. Где-то через неделю, проходя мимо, остановился и приветливо поздоровался с «поварихой» Василий Горетый. Смуглолицая чеченка хорошо говорила по-русски, рассказала, что русский язык неплохо освоила за время учебы в советском медицинском институте. На вопрос Горетого, не прибавилось ли число «защитников управления», врач с удовольствием ответила, что в их дружном семействе появилось девять мальчиков и девочек. Еще через два дня она похвалилась, что уже одиннадцать. А ведь только что прошли дни и ночи яростного штурма, когда от грохота разрывов дрожали стены здания, когда на всех этажах у бойниц погибали российские солдаты и офицеры. А там, в подвальной комнате, жизнь неумолимо брала верх над смертью, и на свет под грохот канонады появлялись крохотные мальчики и девочки. Молодые мамы даже не всегда могли слышать их первый, победный крик.

Все это было 6-12 августа 1996 года. Прошло всего-то двадцать с хвостиком. Если тогда женщине-врачу было около сорока пяти, то теперь где-то шестьдесят пять. Значит, найти ее можно и надо, ведь главный акушер-гинеколог города Грозный один, и где-то, в каких-то документах ее фамилия есть. И найти надо, в первую очередь, для того, чтобы сказать спасибо и наградить за ее врачебный подвиг. Пусть не орденом «За мужество», хотя, по-моему, было бы можно, но уж медалью за храбрость и служение Отечеству точно. Имя и фамилию врача, добавил Горетый, должны знать заместитель начальника Управления ФСБ Чеченской Республики Саид Пешхоев и начальник отдела «БТ» Мовсар Хамидов.

Дальше, с помощью врача поискать ее пациенток и тех мальчиков и девочек, которых она, первая на всей Земле, держала на своих руках. Молодых мам я бы расспросил вот о чем. Пусть не все, но хоть кто-то обязательно рассказывал своей дочери или сыну о том, где они появились на свет. А в день рождения они вместе приходили с цветами к ступенькам «чекистской крепости», чтобы поклониться тем российским воинам, которые в огненном 1996-м своей грудью, кровью, а иногда и жизнью защищали молодых чеченских мам и их новорожденных детей. Кстати, всем этим деткам в августе 2016 года исполнилось по 20 лет. Не могу поверить, чтобы в этот замечательный день никто из них не побывал с цветами в центре города Грозного у Дома чекистов.

После подписания мирного Хасавюртовского соглашения в августе 1996 года боевики не хотели и не поддерживали мирное развитие событий и в Чечне, и в России. Более того, 7 августа 1999 года, в третью годовщину грозненского штурма здания ФСБ, отряды бандитов под руководством полевых командиров Басаева и Хаттаба вторглись в Дагестан. В Москве и Волгодонске прогремели террористические взрывы, унесшие жизни десятков мирных жителей. Хасавюртовский договор был, разумеется, нами аннулирован, 1 октября 1999 года российские войска вступили в Чечню. Началась вторая чеченская война и новый этап борьбы с террористами и бандформированиями. В январе 2000 года российские войска вошли в Грозный. Чекисты снова поехали в длительные командировки в Чеченскую Республику.

Немало мужественных тюменских оперработников послужили Отечеству в то время в Чечне и были отмечены боевыми наградами. Все они по праву заслужили почет и уважение. Обо всех написаны газетные статьи, рассказы и опубликованы книги. Я в своем пове-

ствовании пишу о тех, с кем был близко знаком и вместе работал. Это естественно и понятно, можно откровеннее написать и больше сказать.

Например, «свой брат железнодорожник», полковник Князев Александр Владимирович, в апреле 2001 года прибыл в город Грозный, назначен замом начальника отдела Управления ФСБ по Чеченской Республике.

Родился на Урале, в городе с красивым названием Златоуст. Дальше все складно и хорошо. Успешное окончание школы, Уральский электро-механический институт инженеров железнодорожного транспорта в Свердловске, направление на работу на станцию Сургут. Везде, начиная с 14 лет, лыжные гонки, и он всегда в призерах. Мастер спорта СССР. Грамотного, активного инженера и отличного спортсмена заметили сургутские контрразведчики, и через пару лет он уже трудился в Тюменском управлении КГБ. И, разумеется, в моем родном транспортном отделе. Все премудрости контрразведки постигал довольно легко, опыт работы инженером помогал ему при расследовании ЧП быстрее разобраться, где оплошность, преступная халатность, а где, возможно, и диверсия. Быстро освоил особенности контрразведывательного обеспечения иностранцев, следующих в скорых поездах через станцию Тюмень, получал регулярно информацию, представляющую оперативный интерес. Соответственно, довольно легко получал награды, должности и звания. И все это, видимо, усыпило его чекистскую бдительность. Однажды расслабился и лишился документов. Наказан был по полной, понизили в должности на две ступени. Выслуга лет имелась и можно было уйти «на гражданку». Но решил остаться и доказать себе и другим, что чекистами не рождаются, но ими становятся и остаются. А тут еще заговорили о командировках в Чечню, согласился поехать без колебаний.

Работал самоотверженно, проявил себя волевым, решительным, чекистски грамотным офицером. Разработал, организовал и провел около сорока контрразведывательных операций по выявлению и задержанию участников незаконных вооруженных формирований, по поиску и изъятию оружия и взрывчатки. Не раз лично, с риском для жизни, участвовал в ликвидации установленных бандитских групп. За проявленный героизм и самопожертвование награжден орденом Мужества, который получил по возвращении в Тюмень из рук губернатора области С. С. Собынина. Вот теперь можно было уйти на заслуженный отдых. В настоящее время Александр Владимирович

живет в Москве, занимает не очень простую и весьма беспокойную должность в системе Газпрома.

Весной, 18 апреля 2002 года президент России Владимир Путин объявил об окончании «военной стадии контртеррористической операции». Это означало завершение второй чеченской войны. В Чечне начались восстановительные работы и стала налаживаться мирная жизнь. Хорошо помню этот Указ, но, как военный, внутренне воспротивился ему. Вспомнил 1996 год, когда из Грозного чуть ли не строем ушли подразделения боевиков и мы их выпустили по команде «сверху», поскольку Москва подготовила договор о перемирии. А потом эти недобитые бандиты устроили нам вторую чеченскую войну. Вот и сейчас – добить бы тех, оставшихся боевиков, кто еще бегал в лесах, а потом начинать спокойно строить. Но я оказался прав и неправ. Добывать, конечно, пришлось, но уже между делом, по ходу пьесы. Зато весну не упустили, посеяли вовремя, урожай хороший получился и дальше все пошло хорошо. И я еще раз поаплодировал нашему Верховному Главнокомандующему за его спокойную уверенность и дальновидность.

ФСБ сегодня

Напишу кратко, для непосвященных читателей. Федеральная служба безопасности России (ФСБ) – это федеральный орган исполнительной власти, спецслужба, осуществляющая решение задач по обеспечению безопасности личности, общества и государства. Наделена правом ведения предварительного следствия и дознания, оперативно-розыскной и разведывательной деятельности. Непосредственно подчинена президенту России. Создана Указом президента 3 апреля 1995 года. А 20 декабря 1995 года Указом № 1280 установлен День работника органов безопасности, который отмечается ежегодно 20 декабря. 11 марта 2003 года президент возвратил в ведение ФСБ функции пограничной службы.

В соответствии с законом, органы ФСБ осуществляют выявление и пресечение шпионажа, террористической деятельности, организованной преступности, коррупции, незаконного оборота оружия и наркотиков, контрабанды и других преступлений, отнесенных законом к их ведению.

Выступая на торжественном вечере, посвященном Дню работника органов безопасности 20 декабря 2016 года, президент России В. В. Путин отметил заслуги ветеранов ФСБ, высоко оценил усилия тех, кто сегодня стоит на страже интересов Отечества, поставил перед ними новые задачи. Обращаясь к присутствующим, он сказал:

«Хочу от души поздравить вас и всех сотрудников органов безопасности с профессиональным праздником. Он всегда служил символом глубокого уважения к людям, которые делают трудную и очень важную для нашего общества работу, к тем, кто стоит на страже суверенитета и национальных интересов России, кто бережет безопасность и конституционные права граждан и готов, невзирая на риск, четко выполнять поставленную задачу.

У российских спецслужб богатая история. И отрадно, что на самых почетных местах в этом зале – наши заслуженные ветераны. Вы всегда честно и добросовестно служили Отечеству, показывали примеры настоящего патриотизма и верности долгу, действовали по велению сердца и всегда помнили, что Россия у нас одна и ее нужно беречь и защищать, как бы ни менялись политические эпохи и страницы нашей истории.

Сегодня ваше дело – в сильных и надежных руках. Нынешнее поколение сотрудников органов безопасности – ваши ученики и преемники – достойно продолжают заложенные вами традиции преданного и безупречного служения народу.

Уважаемые товарищи! Роль органов безопасности в защите интересов государства, в укреплении стабильности нашего общества исключительно велика. И наши граждане ждут от вас эффективной работы по нейтрализации внешних и внутренних угроз. Наиболее опасной из них остается терроризм. Вы знаете, насколько многолика и опасна эта угроза сегодня.

Поэтому необходимо и впредь сохранять предельную собранность и мобилизованность. Это касается деятельности ФСБ, других спецслужб и ведомств. И, конечно, на высоком уровне должна оставаться координирующая роль Национального антитеррористического комитета.

Следует и дальше четко и грамотно действовать по всем антитеррористическим направлениям. Среди них – нейтрализация боевиков и их лидеров, предотвращение преступлений террористической направленности и пресечение каналов финансирования терроризма.

Серьезное внимание следует уделять борьбе с экстремизмом. Нужно решительно пресекать пропаганду ксенофобии и национализма,

в том числе, и в социальных сетях, не давать втягивать в радикальные группировки нашу молодежь. Подобная попытка – реальная угроза стабильности российского многонационального общества.

Важнейшее значение имеет своевременное вскрытие любых вражеских планов против России, откуда бы они ни исходили.

Надо также закрепить успехи, достигнутые за последние годы в противодействии иностранным разведкам, – не будем забывать и об этом, – тем службам, которые продолжают попытки получить доступ к информации политического, военного, экономического, научного характера.

Под постоянным контролем должны находиться вопросы противодействия коррупции, борьбы с преступлениями в сфере экономики, надежная защита государственных рубежей и обеспечение бесперебойной работы системы государственного управления и связи.

Вновь повторю: по названным и многим другим задачам вам предстоит добиваться новых, весомых результатов.

Дорогие друзья! Сегодня российские органы безопасности обладают серьезными оперативными и техническими возможностями, высококвалифицированными кадрами и, что крайне важно, действуют как единая слаженная команда. В этом залог надежного обеспечения безопасности России и наших граждан.

Хочу поблагодарить всех сотрудников российских спецслужб за высокую выучку, компетентность и личное мужество!».

В духе требований президента страны, озвученных на торжественном вечере в Кремлевском дворце, трудятся сегодня чекисты Тюменского регионального управления ФСБ. Управление ФСБ укомплектовано опытными кадрами и по своим оперативным показателям постоянно находится в группе лидеров среди всех областных и республиканских управлений Российской Федерации. Пресс-служба Управления, по просьбе автора, подобрала несколько своих открытых публикаций, показывающих конкретную работу оперативного состава, и, в первую очередь, по вопросам борьбы с террористическими проявлениями, незаконным оборотом оружия и наркотиков. Привожу их практически без корректировки и почти без сокращений.

Суд Ямало-Ненецкого автономного округа оставил в силе приговор в отношении жителя региона Руслана Сайфутдинова, осужденного к трем годам лишения свободы за участие в вооруженном конфликте на территории Сирийской Республики в качестве наемника.

Установлено, что летом 2013 года Сайфутдинов по туристической путевке выехал в Турцию, нелегально перешел турецко-сирийскую

границу и в качестве наемника присоединился к вооруженному формированию, воюющему на стороне международных террористических организаций и антиправительственных сил.

Сайфутдинов принес присягу так называемому «амиру» незаконного вооруженного формирования и совместно с другими наемниками в течение месяца проходил обучение по боевой, физической и тактической подготовке на учебно-тренировочной базе. В ходе обучения он приобрел навыки владения огнестрельным оружием, несения караульной службы и ведения боевых действий и получил специальность «штурмовик».

С июля по декабрь 2013 года Сайфутдинов принимал активное участие в боевых действиях на территории Сирийской Республики в составе антиправительственных сил, при этом регулярно получал денежное вознаграждение в долларах США.

В декабре 2013 года Сайфутдинов прекратил участие в вооруженном конфликте и вернулся в Российскую Федерацию, где попал в поле зрения сотрудников РУ ФСБ России по Тюменской области.

В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий в отношении Сайфутдинова были получены данные, позволившие следственному подразделению РУ ФСБ возбудить уголовное дело. В ходе следствия сотрудниками Управления были собраны исчерпывающие доказательства, изобличающие Сайфутдинова как наемника. В феврале 2015 года прокуратура Тюменской области утвердила обвинительное заключение и направила дело в суд.

Решением суда города Ноябрьска, по месту жительства, Руслан Сайфутдинов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 359 УК РФ, и приговорен к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Обнаруженные и изъятые у Сайфутдинова Р. Е. денежные средства в размере одной тысячи долларов, полученные им в качестве оплаты за участие в вооруженном конфликте в Сирии, суд конфисковал в доход государства.

Пример второй, тоже по терроризму, но уже в городе Тюмени. Вступил в законную силу приговор Ленинского районного суда Тюмени в отношении жителя региона Виталия Макарова, осужденного к двум годам лишения свободы за участие в незаконном вооруженном формировании на территории Сирии.

Установлено, что в марте 2013 года Макаров, ранее принявший ислам (избрал мусульманское имя Юсуф), обучаясь в исламском те-

ологическом заведении в городе Каире (Египет), вылетел из Каира в Турцию. Нелегально перешел турецко-сирийскую границу и в качестве наемника присоединился к вооруженному формированию, воюющему на стороне международных террористических организаций.

Макаров принес присягу одному из «амиров» и прошел обучение по боевой, физической и тактической подготовке на учебно-тренировочной базе боевиков.

С апреля 2013 года по январь 2014 года Макаров принимал активное участие в боевых действиях на территории Сирийской Республики в составе антиправительственных сил, при этом регулярно получал денежное вознаграждение в сирийских лирах.

Опасаясь за свою жизнь, в январе 2014 года Макаров прекратил участие в вооруженном конфликте и вернулся в Египет. 10 февраля 2015 года, при попытке вновь вылететь из Египта в Турцию для последующего участия в боевых действиях на территории Сирии, был выдворен представителями местных правоохранительных органов в Российскую Федерацию за нарушение египетского миграционного законодательства. По прибытии в Москву Макаров был задержан сотрудниками РУ ФСБ России по Тюменской области.

В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий в отношении Макарова были получены данные, позволившие следственному подразделению РУФСБ возбудить уголовное дело. В ходе следствия сотрудниками Управления были собраны исчерпывающие доказательства, изобличающие Макарова как участника незаконного вооруженного формирования. Свою вину Макаров полностью признал и ходатайствовал о рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

Решением Ленинского районного суда города Тюмени Виталий Макаров признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 208 УК РФ и приговорен к двум годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Приговор вступил в законную силу.

Пример третий из практики тюменских чекистов, но уже по незаконному распространению наркотических веществ на территории Тюменской области. Вступил в силу приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа наркоторговцу из Украины.

В 2016 году гражданин Республики Украина 20-летний Владислав Кробка, безработный, ранее проживавший в Котовске Одесской обла-

сти Республики Украины, прибыв в Сургут, приобрел наркотические средства, которые после расфасовки прятал в подъездах домов и иных местах. О закладках наркоторговец сообщал покупателям через электронные приложения сети Интернет.

Однако преступный умысел Кробки, направленный на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере, не был доведен до конца по независящим от него обстоятельствам. Наркоторговец был задержан сотрудниками РУ ФСБ России по Тюменской области, наркотические средства, приготовленные к сбыту (43 свертка синтетических наркотиков в расфасованном виде), изъяты. В ходе следственных действий, осуществленных сотрудниками следственного отдела Управления МВД России в Сургуте, причастность арестованного гражданина Украины к незаконной торговле наркотиками была полностью доказана.

Судом Кробка признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 30 и частью 4 статьи 228.1 УК РФ с назначением наказания в виде лишения свободы на срок 8 лет 6 месяцев с отбыванием наказания в колонии строгого режима. Приговор Сургутского городского суда в отношении украинского наркоторговца вступил в законную силу.

И пример четвертый, по незаконному обороту оружия. Сотрудниками Регионального управления ФСБ России по Тюменской области пресечен незаконный канал поставки оружия и его частей.

В результате проведенного оперативно-розыскного мероприятия установлен предполагаемый организатор канала, 28-летний житель Тюмени. При обыске у него изъяты 26 единиц огнестрельного оружия и макетов огнестрельного оружия, переделанных под стрельбу боевыми патронами, более 600 патронов различного калибра, прибор для бесшумной стрельбы.

По оперативной информации, задержанный приобретал на интернет-сайте газовые и травматические пистолеты, части и макеты оружия иностранного производства, из которых впоследствии самостоятельно, кустарным способом изготавливал боевое огнестрельное оружие.

Возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов).

Оперативно-розыскные мероприятия были организованы тюменскими чекистами в рамках спецоперации по делу о приобретении,

сбыту и модернизации оружия, проведенной Федеральной службой безопасности России одновременно в 24-х регионах страны. Среди задержанных – жители Тверской области, подозреваемые в поставке оружия в регионы России, в том числе и в Тюмень.

Еще одно, из самых свежих, сообщение пресс-службы Управления ФСБ Тюменской области по наиболее острой сегодня теме – терроризму и на тюменских материалах. Вступил в законную силу приговор Ленинского районного суда города Тюмени в отношении 21-летнего Алтуна Мамедова, осужденного к трем годам лишения свободы за участие в деятельности незаконного вооруженного формирования на территории Сирии.

Установлено, что в марте 2013 года житель Тюмени Алтун Мамедов, попав под морально-психологическое влияние радикального исламского проповедника, вылетел из Екатеринбурга в Турцию. В апреле 2013 года он нелегально перешел турецко-сирийскую границу и присоединился к незаконному вооруженному формированию.

Мамедов принес присягу одному из так называемых «амиров» этого формирования и прошел обучение по боевой, физической и тактической подготовке на учебно-тренировочной базе в Сирии. В составе бандформирования Мамедов занимался охраной пленных и несением караульной службы на базах террористов, принимал активное участие в боевых действиях на территории Сирийской Республики в составе антиправительственных сил, в том числе в ходе боев за аэропорт «Минег». Осенью 2013 года, находясь в Сирии, Мамедов вступил в международную террористическую организацию «Исламское государство». За службу на стороне радикальных исламистов Мамедову выплачивалось ежемесячное вознаграждение в размере 30-50 долларов США.

В связи с внутренними конфликтами среди боевиков и осложнением взаимоотношений с международной террористической организацией «Джебхат ан-Нусра» Мамедов выехал на территорию Турции, а затем – в Грузию к родственникам, где скрывался от органов следствия.

В августе 2015 года, объявленный в международный розыск, Мамедов был задержан правоохранительными органами Республики Азербайджан при попытке пересечения грузино-азербайджанской границы. В декабре 2015 года Мамедов экстрадирован в Российскую Федерацию.

В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственным подразделением РУ ФСБ России по Тюменской об-

ласти в отношении Мамедова было возбуждено уголовное дело. Сотрудниками Управления собраны исчерпывающие доказательства, избобличающие Мамедова как участника незаконного вооруженного формирования. Свою вину Мамедов признал полностью и ходатайствовал о рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

Решением Ленинского районного суда города Тюмени 16 августа 2016 года Алтун Мамедов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 208 УК РФ, и приговорен к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. 5 сентября 2016 года приговор вступил в законную силу.

Хочу обратить внимание читателей, что разоблаченные тюменскими чекистами террористы Сайфутдинов, Макаров и Мамедов, как, впрочем, и большинство других, проходили обучение и боевую подготовку в учебно-тренировочных базах боевиков на территории Сирии.

Нет необходимости продолжать перечень примеров по терроризму, наркотикам и оружию, это всего лишь отдельные, хотя на сегодня очень важные вопросы многогранной оперативной деятельности тюменских чекистов. И, естественно, не обо всем, что делается в Управлении, можно написать в книге. К тому же оперативная обстановка в нашей бурно развивающейся Тюменской области быстро меняется. Не зря же мы носим многозначительное и гордое наименование – Региональное Управление. Попробуйте сходу назвать во всей России два-три управления ФСБ, у которых бы, как у нашего Тюменского, по северным и южным окраинам огромного региона проходила государственная, и не маленькая, граница Российской Федерации. А уж такого нефтегазового комплекса, который «закрывает» основную часть расходов федерального бюджета, никто и искать не будет, он есть только у нас в Тюменской области. Чекистам все это надо оберегать и защищать.

Вот потому у нас в Тюмени давно стало хорошей традицией: первый руководитель области приходит 20 декабря в Управление – раньше КГБ, теперь ФСБ – и лично поздравляет собравшихся в актовом зале ветеранов и действующих сотрудников госбезопасности. 20 декабря 2016 года нас приветствовал Владимир Владимирович Якушев. Поздравив всех с профессиональным праздником, он сказал, что беззаветно служить Родине, не жалея сил и собственной жизни, обеспечивать ее безопасность, защищать права и покой наших земляков – сложная и ответственная работа, которую тюменские чекисты выполняют достойно.

Далее он отметил следующее: «Сегодня к органам безопасности предъявляются повышенные требования. Но ваша высокая квалификация, принципиальность и мужество помогают эффективно бороться с вызовами времени, противостоять бандитизму, экстремизму и терроризму. Вы вносите значительный вклад в обеспечение стабильной ситуации в регионе, тем самым положительно влияете на его инвестиционную привлекательность и социально-экономическое развитие».

В заключение Владимир Владимирович выразил особую благодарность ветеранам госбезопасности за добросовестную службу, героизм и верность долгу. Отметил, что, опираясь на их опыт и знания, нынешнее поколение сотрудников органов безопасности будет и дальше успешно решать задачи, направленные на противодействие внутренним и внешним угрозам, на сохранение целостности нашего государства.

Закончить свои рассказы, посвященные 100-летию ВЧК-КГБ-ФСБ, хочу теплыми, искренними и очень точными словами, с которыми обратился к коллективу чекистов в праздничный день 20 декабря 2016 года начальник Регионального управления ФСБ по Тюменской области генерал-майор В. В. Пятилетов:

«Товарищи офицеры! Уважаемые коллеги! Дорогие ветераны!

Примите поздравления с наступающим праздником – Днем работника органов безопасности Российской Федерации.

99 лет назад, в условиях гражданской войны, создавались органы государственной безопасности. Подвиги первых чекистов, самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны, мужество и героизм офицеров КГБ-ФСБ, принимавших участие в боевых действиях в Афганистане и на Северном Кавказе, никогда не будут забыты! Позвольте сказать слова искренней благодарности нашим уважаемым ветеранам: ваши бесценные знания и опыт, преданность Родине, высокие нравственные принципы всегда будут достойным примером для нового поколения контрразведчиков.

Сегодня перед Федеральной службой безопасности поставлены важнейшие задачи по обеспечению безопасности личности, общества, государства, укреплению законности и правопорядка. Сотрудники Регионального управления ФСБ России по Тюменской области успешно противостоят возникающим террористическим угрозам и экстремистским проявлениям, своевременно выявляют и пресекают разведывательные устремления иностранных спецслужб, эффективно решают задачи по защите экономических интересов страны, надежно обеспечивают безопасность Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса, борются с коррупцией и контрабандой.

Уважаемые коллеги! Вы избрали для себя трудную и ответственную, но и почетную профессию. Благодарю за нелегкий труд по сохранению и укреплению правовых основ государства, за ваш ежедневный вклад в обеспечение безопасности страны. Желаю вам и вашим семьям здоровья, успехов, бодрости духа и оптимизма!».

Вот, наверное, с такими хорошими словами и прекрасными пожеланиями мы и будем 20 декабря 2017 года встречать 100-летний юбилей нашей всегда нужной, строгой, но справедливой ВЧК-КГБ-ФСБ.

И как уже повелось в Тюменском Региональном управлении ФСБ – всякое доброе дело закончить стихами.

*Мы знаем, юбилеи – не парады,
И выпить не спешим за праздник свой.
Нам Родина потом раздаст награды,
Наши долг – сейчас хранить ее покой.
Мы за сто лет немало прошагали,
Не миновали ни одной войны.
Мы со страной в одном строю стояли,
И в дни побед, и в горестные дни.
Не за награды мы с тобой сражались,
И не искали ничего взамен.
Но самых лучших мы не раз теряли
В года больших и малых перемен.
Есть что хранить и есть чем погордиться
В краях тюменских, только лишь у нас:
На Севере, на юге госграница
И самый мощный в мире нефтегаз.
Чекист идет по тропочкам паленым,
Нам в мирный день забот не перечесть.
Но у России люди есть в погонах,
Есть долг чекиста, офицера честь.
И если в строй наш с ветераном рядом
Тебя служить однажды позовут,
Пусть будет самой главной наградой,
Когда тебя чекистом назовут.*

*Николай Зензин, полковник ФСБ в отставке,
член Союза журналистов Российской Федерации*

*20 декабря –
Президиум торжественного заседания УФСБ*

*Члены Тюменской коллегии губчека
1921 год*

*Открытие памятника Н. И. Кузнецову
19 декабря 1967 года*

*Лауреаты юбилейного знака ЦС «Динамо»
1973 год*

*Тюменские чекисты у памятной доски Ф. Э. Дзержинскому
1968 год, ж/д вокзал*

*Генерал Третьяков М. И. и его команда
9 мая 1975 года*

Ильгиз Шарипов и его последний боевой вылет

*25 лет вывода войск из Афганистана
(М. Валеев, Н. Зензин, Е. Макаров)
Февраль 2014 года*

Высадка десанта, Афганистан

*Слева направо – Минеев и Горетый в Грозном
Август 1996 года*

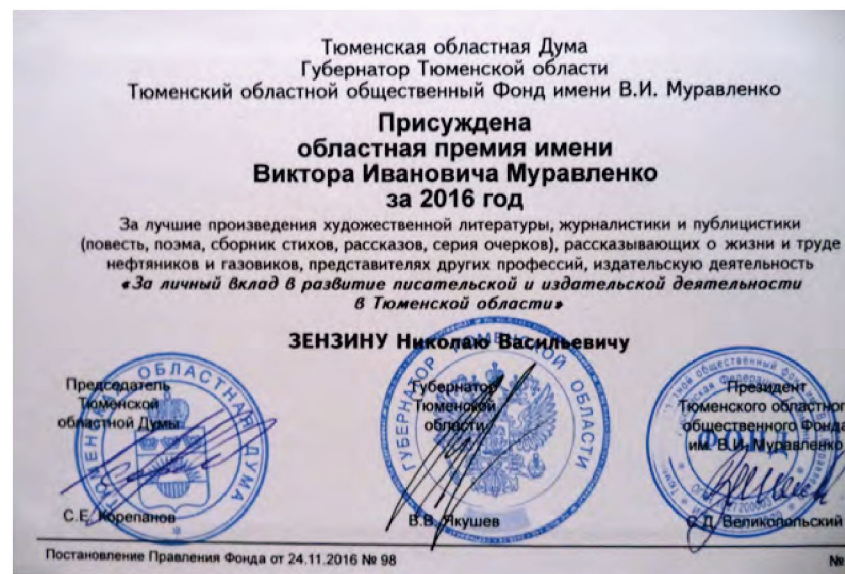
*Тюменские чекисты на открытии памятного знака
чекистам-фронтовикам
Август 2014 года*

Правнучка разведчика Фитина Мария в Тюмени

*День пограничника 28 мая,
в центре Н. Ибрагимов*

Чекист – Лауреат премии им. Муравленко В. И.

*Совет ветеранов Управления ФСБ по Тюменской области
и автор выражают сердечную благодарность:*

*- Беличенко Виктору Алексеевичу,
генеральному директору группы компаний «ТИС»
(Тюменьинвестстрой), город Тюмень;*

*Горбунову Антону Петровичу,
директору «ММАУ Центр восстановительного
лечения и реабилитации «Жемчужный»,
Тюменская область;*

*- Князеву Александру Владимировичу,
заместителю руководителя службы
экономической безопасности МГК «АРЕТИ»,
полковнику запаса ФСБ, город Москва;*

*- Налобину Николаю Валентиновичу,
генерал-майору запаса ФСБ, город Москва,
за помощь в подготовке и опубликовании книги
«Чекистами не рождаются»,
посвященной 100-летию ВЧК-КГБ-ФСБ*

*Фото на 1-й странице обложки: Современное здание Регионального
управления ФСБ по Тюменской области, ул. Советская, 40*

Зензин Николай Васильевич

ЧЕКИСТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

РАССКАЗЫ О ЧЕКИСТАХ

Подписано в печать 12.05.2017 г. Формат 143x215.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № Э-1398.

ООО «ИПЦ «Экспресс»,
г. Тюмень, ул. Минская, 3г, корп. 3, ИНН 7202164741,
тел. 8 (3452) 41-99-30.

